

К 682 В.В

В. КОРОЛЕНКО

К 68

ВЪ ПУСТЫННЫХЪ
МЪСТАХЪ

29548 2
аб (Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу)

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

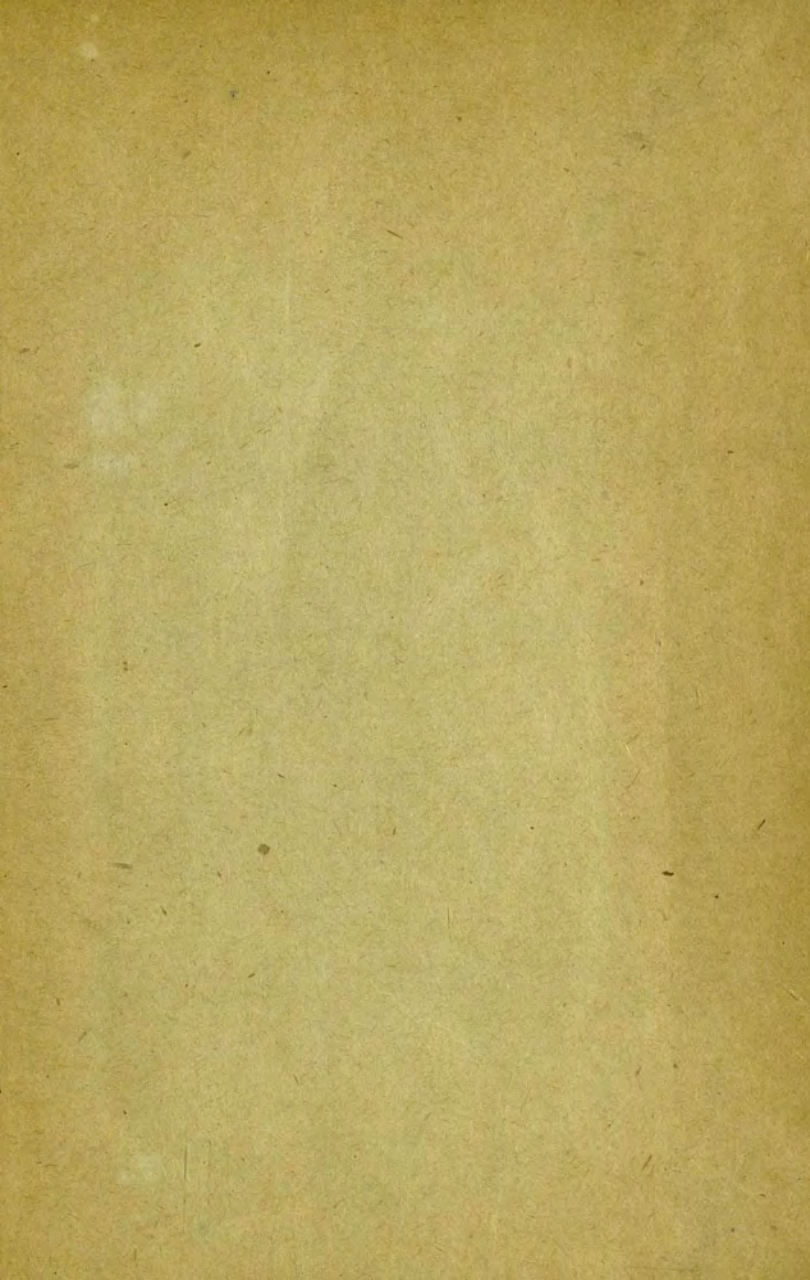
Июль 1933.

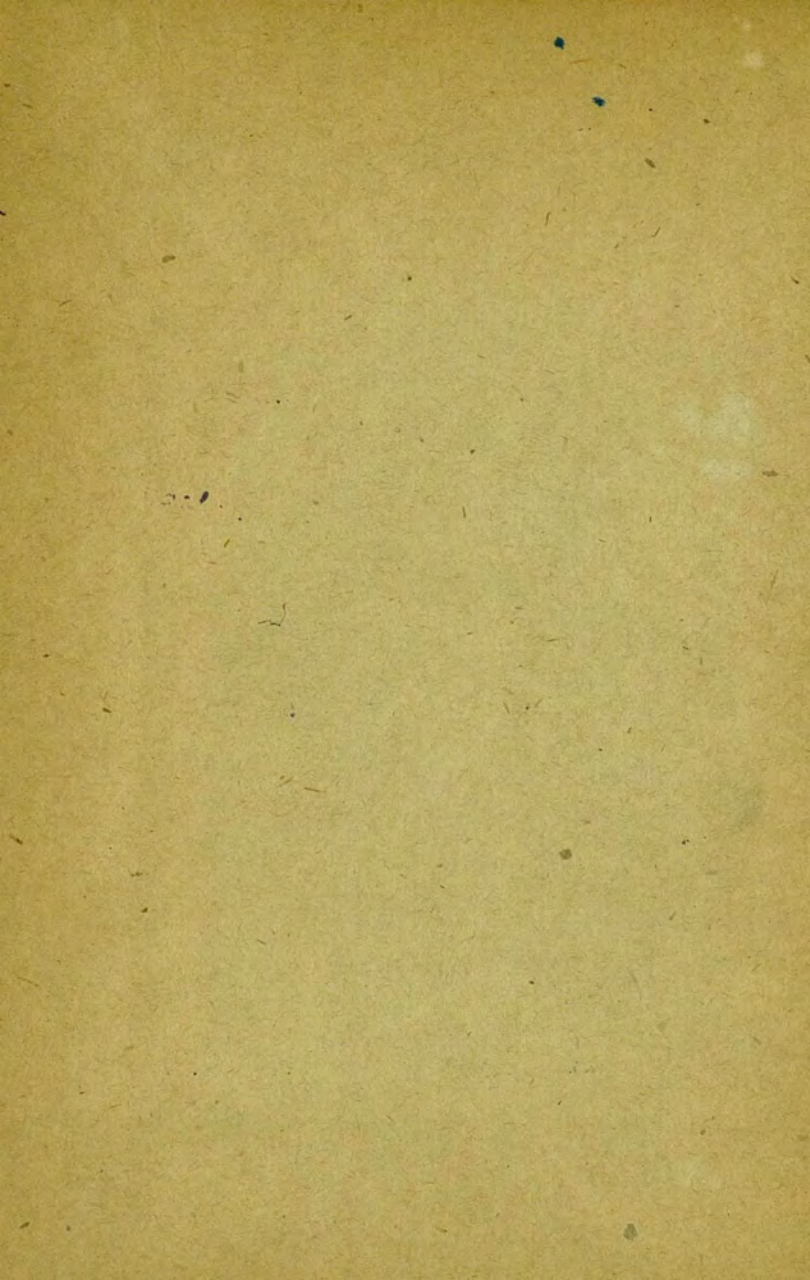
19457.

~~МАУРАТ БИ. МОТЕНА
ДОМА ДИ. ТЕК. КИТА
ДИ. ТИ. КИ.~~

НА БУД. НЕ ПИДАЕТСЯ

В. КОРОЛЕНКО

K-682 В.В.

ВЪ ПУСТЫННЫХЪ МѢСТАХЪ

(Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу)

~~8/12/11~~

ВЕТЛУГА

~~КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ~~

~~ПИСАТЕЛЕЙ~~

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

05

~~19457~~

1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОСА ДЕТСКОЙ РАБОТЫ
ДЕТГИЗА~~

662382 Кх - редк.

Российская государственная
детская библиотека

Типография Т-ва «Книгоиздательство Писателей в Москве»
Моховая, у Троицких ворот, д. кн. Гагарина.

1918 г.

Въ пустынныхъ мѣстахъ

(Изъ поѣздки по Ветлугѣ и Керженцу)

I

Ветлуга

I

...Часовъ въ 6 утра пароходъ Зевеке причалилъ къ своей пристани въ Козьмодемьянскѣ.

Три свистка послѣдовали одинъ за другимъ почти безъ промежутковъ; нѣсколько человѣкъ сошли по трапу, и „Амазонка“ красиво отошла отъ пристани. Оставивъ на рѣкѣ широкой кругъ, она опять побѣжала внизъ, унося спящихъ еще пассажировъ. А я, съ двумя молодыми людьми, спутниками предпринятаго мною путешествія, остался на пристани.

Козьмодемьянская лѣсная ярмарка кончалась вяло. Звенья плотовъ тянулись вдоль берега, у песковъ и подъ горами. И всюду стояла необычная тишина.

Небольшой пареходикъ, полубуксирнаго типа, слегка покачивался на чалкахъ у сосѣдней пристани. Это и былъ ветлужскій пароходъ „Любимчикъ“ *), на которомъ намъ предстояло подняться кверху по Ветлугѣ, впадающей въ Волгу въ 7 верстахъ выше Козьмодемьянска.

— Скоро отчалить?—спрашиваю я на пристани.

— Черезъ полчаса,—отвѣчаетъ матросъ съ торопливой и подозрительной опредѣленностью.

---

*) Собственныя имена въ этихъ очеркахъ по большей части вымышленныя

— Часа черезъ четыре дай Богъ,—переводить этотъ отвѣтъ какой-то субъектъ, безопасно сидящій на барьерѣ и сплевывающій въ воду подсолнечныя сѣмечки.

— Па-а-судина!—прибавляетъ онъ съ выраженіемъ глубочайшаго презрѣнія...—Гдѣ васъ повезетъ, а то,—такъ и сами пассажиры лямкой потащутъ.

Посудина покачивается отъ легкой зыби, все еще не улегшейся послѣ грузнаго американскаго парохода. Что-то въ ней скрипитъ, визжитъ и какъ будто охаетъ. Я вхожу по трапу и сразу стукаюсь лбомъ въ желѣзный бимсъ, чѣмъ возбуждаю веселье въ кучкѣ матросовъ. Отъ нечего дѣлать, они сидятъ на тѣкахъ товаровъ, болтаютъ ногами и внимательно слѣдятъ за тѣмъ, какъ каждый вновь входящій неизмѣнно стучается головой о желѣзо.

— Гдѣ тутъ берутъ билеты?

— Ступай на ту сторону. Видишь,—стоитъ черненькій мужчина въ бѣломъ пивжакѣ,—самъ хозяинъ, Никандръ Иванычъ.

— Никандръ Иванычъ, скоро отвалите?

— Черезъ часикъ... Непремѣнно.

— Мнѣ бы вотъ въ городъ сходить, часика на полтора...

Дѣло есть...

— На полтора?

Онъ задумчиво смотритъ на меня и потомъ говоритъ:

— Успѣете.

— Да вѣдь вы черезъ часъ уѣдете?

— Идите съ Богомъ.

— Сколько стоятъ билеты 2-го класса до Воскресенскаго?

Онъ прищуривается и водитъ пальцемъ по распisanію на стѣнѣ маленькой каюты. Я вижу, что въ таблицѣ стоитъ цѣна 1 р. 30 к. На пристани—печатная такса 1 р. 50 к.

— Рубъ двадцать,—говоритъ онъ мнѣ неожиданно.

— Вы не ошиблись? Вѣдь тутъ написано рубль тридцать.

— Для васъ уваженіе... По рублю двадцати съ троихъ.

— Поторговались бы,—негромко и отворачиваясь отъ меня, говоритъ грызущій сѣмечки пассажиръ,—еще ско- стили бы копейку хоть тридцать.

— Когда же окончательно мы уйдемъ?

— Да они и сами не знают... Вишь, пары еще не разведены... И не шуруют еще. Нагрудится народу болѣе,—станутъ пары разводить.

— Надъ трубой „Любимчика“ еще не вьется даже дымокъ. Въ машинномъ отдѣленіи пусто. Мы спокойно отправляемся въ городъ, раскинувшійся довольно широко, неоживленный и тихій. Лавки открыты, покупателей не видно. Проходятъ или сидятъ на улицахъ и на берегу партіи бурлаковъ. Кой-гдѣ происходитъ ряда: подрядчики нанимаютъ народъ гнать плоты книзу.

— Семень Лексѣичъ, а Семень Лексѣичъ,—говоритъ здоровенный парень въ красной запыленной рубахѣ, стоящій въ безпечной позѣ на мостикѣ.—Что-жъ ты меня обошелъ? Ряди, что ли... Чѣмъ я тебѣ не работникъ?..

Семень Алексѣевичъ, юркій, подвижной, еще не отѣвѣвшійся мелкій подрядчикъ, оборачивается на зовъ, но тотчасъ же сплевываетъ...

— Даромъ не надо,—говоритъ онъ угрюмо...—Видали ужъ...—Первый головорѣзъ по всему плѣсу,—говоритъ онъ, поворачиваясь довѣрчиво ко мнѣ.—Всю артель подлець взбулгачить...

Бурлакъ смѣется, скаля бѣлые зубы, сверкающіе на бронзовомъ загорѣломъ лицѣ.

— Знаешь?—говоритъ онъ насмѣшливо.—Мы тоже знаемъ вашего брата. На пятакъ рублей ищите...

Возвратясь къ берегу, мы застаемъ „Любимчика“ отведеннымъ отъ пристани. Два дюжихъ матроса тянутъ его корму за канатъ, точно за хвостъ, возбуждая этимъ вялое остроуміе соскучившейся въ ожиданіи публики. У пристани же стоитъ кашинскій „Михаилъ“, пыхтя отработаннымъ паромъ.

Черезъ часъ „Михаила“ уже не видно за горами, а нашъ все также покачивается, скрипитъ и охаетъ.

— Скоро-ли?—спрашиваемъ мы.

— Теперь, должно-быть, петерсоновскаго парохода съ Ветлуги дожидается.

— Это зачѣмъ?

— Конкуренція. Чтобы, значитъ, побольше народу обобрать, тому, петерсоновскому-то, поменьше останется.

— А тотъ тоже станеть дожидаться, чтобъ этому было поменьше?

— Ну-ну. Извѣстное дѣло,—конкуренция!

— Да вамъ,—подходить ко мнѣ, какъ-то бокомъ, все тотъ же грызущій сѣмечки пассажиръ,—вамъ, ежели къ-спѣху дѣло,—до завтра бы подождать.

— Это какъ же?—къ-спѣху и вдругъ—подождать.

— Завтра петерсоновскій „Николай“ поидеть... А-а-атличнѣйшій пароходъ...

— Да вѣдь завтра я буду уже въ Воскресенскомъ.

— Не будете,—говорить онъ зловѣще.—„Николай“ васъ на дорогѣ обгонитъ.

— Когда вы съ ума сойдете,—вотъ когда насъ „Николай“ обгонитъ,—рѣзко обрываетъ его Никандръ Иванычъ, незамѣтно подошедшій сзади.—„Николай“—то теперь еще у Варнавина, а у насъ и свистокъ сейчасъ. Эй, подавай первый свистокъ... А вы—ежели ѣхать желаете, пожалуйста, берите билетъ... А то тутъ вамъ тереться, народъ смущать, нечего. Шаромыжники вы, вотъ что!..

— Петерсоновскій это... Подосланный,—говорятъ между собой матросы,—Шею бы намять по-настоящему... Не отбивай потому что...

— Теперь скоро?—спрашиваю я.

— Какъ же не скоро,—когда ужъ и свистокъ дали.

— А на гору,—испытываю я опять,—сходить успѣю?

— На гору?.. На гору успѣете. У насъ, вѣдь, не какъ у другихъ, что дадутъ три свистка да и отчаливаютъ. Мы еще послѣ трехъ свистковъ тревожные подадимъ, чтобы наши пассажиры сходились.

И затѣмъ, помолчавъ, прибавляетъ:

— Конечно, господинъ, по такой рѣкѣ, такіе и пароходы. А что у нашего ходъ не хуже, чѣмъ у „Николая“, это я вамъ могу вполне утвердить...

Меня, впрочемъ, нисколько не пугаютъ инсинуаціи тайнаго агента сопернической компаніи. Я никуда не тороплюсь. Я люблю проселочныя дороги, тихо плетущуюся лошадку, наивный разговоръ ямщика подъ шумъ березокъ, захолустныя, лѣсомъ поросшія рѣчки. Еще съ ранней юно-

сти остались у меня въ памяти обрывки стихотворенія ка-кого-то неизвѣстнаго мнѣ автора, который жаловался, что уже исчезла поэтическая ѣзда на долгихъ... Теперь уже и по нашимъ дорогамъ:

..Летить французскій дилижанецъ
По нѣмецкому шоссе.

Нынѣ пробилъ уже и часъ дилижанса... Всюду бьетъ въ уши свистокъ, грохочетъ машина,—и „нѣмецкій дилижанецъ“ тоже теряется позади, на пройденномъ пути, затягиваясь романтическимъ туманомъ прошлаго... Всѣ мы немного романтики... мы, русскіе, не менѣе, а быть можетъ и болѣе другихъ. Говорятъ, у насъ нѣтъ прошлаго!.. Такъ что же! Того, что отъ насъ уходитъ, жаль еще болѣе:—туманъ еще таинственнѣе и гуще...

Какъ бы то ни было, мнѣ, напримѣръ, нравятся изъ желѣзныхъ дорогъ—узкоколейныя, вродѣ Костромской, гдѣ кондуктора на полустанкахъ бѣгаютъ по лѣсу, собирая разбредшихся пассажировъ, а изъ судоходныхъ рѣкъ—такія, какъ Сухона, въ которой по-временамъ такъ и кажется, что пароходъ расплещетъ ее всю своими колесами, или милая красавица Ветлуга, съ ея кудрявыми берегами и пароходиками, вродѣ „Любимчика“. На остановкахъ они тыкаются носомъ прямо въ берегъ, точно сонная рыба, а въ темныя туманныя ночи стоятъ и дремлютъ, зачалившись съ кормы и носа за береговыя вѣтви. Меня всегда тянетъ на уѣздные тракты и проселки, по которымъ такъ привольно, такъ мягко итти съ котомочкой за спиной, или къ мелкимъ рѣчкамъ съ ихъ тихой красой, съ ихъ лѣсами и неожиданностями. Но теперь, кромѣ этой общей, безкорыстной симпатіи—передо мной рисовалась и нѣкоторая болѣе опредѣленная цѣль.

II

Въ дремучихъ лѣсахъ Семеновскаго уѣзда, по Керженцу и по другимъ лѣснымъ рѣчкамъ тихо угасаетъ старый „расколъ“ и доживаютъ послѣдніе дни пустѣющіе древле-православные скиты. Разоренные умѣлой рукой литера-

тора-чиновника П. И. Мельникова, который очень хорошо описывалъ ихъ, но разрушалъ еще лучше,—они не имѣли уже силы возродиться въ другихъ мѣстахъ и при другихъ обстоятельствахъ. Ударилъ послѣдній часъ скитской жизни. Бывали и прежде тяжелыя времена. Описывали тогда мало, но разоряли гораздо основательнѣе: отъ скитовъ по временамъ оставались однѣ головешки, и, долго спустя по уходѣ никоніанской силы, пробираясь по лѣснымъ тропкамъ, „вѣрные“ творили надъ пепелищами надгробное рыданіе и отрывали подъ пепломъ обугленныя кости. И все-таки тѣ скиты не умирали, а возрождались вновь, унося въ глубь лѣсовъ, въ тихія пустыни новую страницу о благолѣпной смерти еже за вѣру—скитскихъ отцовъ и матерей. Кто-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ сооружалъ дальнюю келью, около безмолвнаго „езера“, „гору точію сожительницу и ручей сосѣда избравше“. Проходили годы—и пустынное „езеро“ оглашалось унылыми и скорбными напѣвами, а гора покрывалась кельями новаго скита.

Не такова судьба семеновскихъ скитовъ послѣ мельниковскаго нашествія. Разоренные, такъ сказать, на самой зарѣ русскаго обновленія, въ такое время, когда общее гоненіе „за вѣру“ видимо должно было потерять свою силу, они не имѣли уже опоры въ общихъ условіяхъ. Слабѣло гоненіе, слабѣла и ревность противленія. Скитскія зданія стоятъ и до сихъ поръ; но большинство скитницъ разбрелись, повышли замужъ, потонули „въ міру“, и только немногія ветхія старицы доживаютъ послѣдніе дни среди запустѣнія.

— Да что... ребятишковъ много подкидывали,—сказалъ мнѣ какъ-то одинъ изъ сосѣдей бывшихъ скитовъ на вопросъ о томъ, жалѣютъ ли они о прошломъ...—Извѣстно ужь,—въ монастыряхъ-те всего бываетъ...—И онъ равнодушно хлестнулъ свою лошаденку...

Тѣмъ не менѣе, очень вѣроятно и даже навѣрное—есть немало людей, съ озлобленіемъ и горечью вспоминающихъ о „разореніи“ скитовъ. Сами старицы уже сложили пѣсни, въ которыхъ звучитъ трогательная тоска о невозвратимомъ прошломъ.

У насъ были здѣсь моленны, онѣ подобны были раю.

У насъ звонъ былъ удивленный, удивленный звонъ подобенъ
грому...

Въ рошахъ птицы распѣвали, соловьи насъ утѣшали...

О, прекрасный ты нашъ раю, прелюбезный драгой скитъ,

Намъ въ тебѣ ужъ не живати, святыя службы не стояти,

Тихія радости не видати *)...

Такъ вотъ мнѣ и захотѣлось посѣтить эти тихія лѣс-
ныя пустыни, гдѣ надъ свѣтлымъ озеромъ дремлетъ мечта
народа о взыскуемомъ невидимомъ градѣ, гдѣ вьется въ
дремучихъ лѣсахъ темный Керженецъ, съ умершими и
умирающими скитами...

III

Наконецъ, часа въ два, въ самый жаръ, когда даже рѣка,
казалось, изнемогла и томилась подъ палящими лучами
юльскаго солнца, нашъ „Любимчикъ“ отчалилъ отъ при-
стани и тихо двинулся противъ теченія Волги.

Верстахъ въ семи, у Покровскаго поворотъ въ устье
Ветлуги. „Любимчикъ“ долго шлепаеть колесами и бьется
на быстринѣ подъ яромъ, и по-временамъ кажется, что
вотъ-вотъ быстрое теченіе унесетъ его обратно въ Волгу;
но онъ все-таки справляется, выходитъ на ровный стрежень
Ветлуги, и Козьмодемьянскъ, на Волжскихъ горахъ, выплы-
ваетъ изъ-за синеватаго тумана далеко справа, то скры-
ваясь, то исчезая, по мѣрѣ того, какъ мы вьемся по „кри-
вулямъ“ Ветлуги.

Населеніе нашего пароходика демократично. Первый
классъ почти совершенно пустъ. По-временамъ только изъ
него появляется какой-то господинъ въ синей сибиркѣ тон-
каго сукна, въ шелковой косовороткѣ и лакированныхъ са-
погахъ, съ очками на носу. Въ каютѣ его угнетаетъ по-
четное одиночество, но на палубѣ онъ напряженно ищетъ
подходящей компаніи. Во второмъ классѣ заняты всѣ мѣ-
ста: кромѣ меня и двухъ моихъ племянниковъ, здѣсь ѣдутъ
все мелкіе лѣсные торговцы и разговоры идутъ о неудав-
шемся сплавлѣ и плохой лѣсной ярмаркѣ.

*) Записано А. С. Гацскимъ со словъ одной старицы въ Семе-
новскомъ уѣздѣ

— Ну что, какъ растоварились?

— Ничего! Осталось еще тысячь на пять. Такъ полагаю что у меня разовьется. А у васъ?

— Плохо.

„Разовьется“—это картинное выраженіе означаетъ, что плоты, стоящіе теперь на пескахъ у Козьмодемьянска, будутъ куплены, и по сотнѣ, по двѣ бревенъ разойдутся по теченію рѣки.

Всяэта публика очень быстро знакомится другъ съ другомъ. Въ жителяхъ Приветлужья, вообще, очень много добродушія, и даже въ этихъ лѣсныхъ хищникахъ, не кладущихъ охулки на руку, я замѣчаю какую-то особенную, специфическую складку въ лицѣ, какую-то вялую мягкость и добродушіе. Эту особенную складку я вижу и у старика-торговца, съ первыхъ же словъ предлагающаго мнѣ отвѣдать его рыбы, и у его сына, и у молодого дьякона, ѣдущаго съ женой въ одинъ изъ приходовъ по верхнему теченію Ветлуги, и у красавицы въ голубой козынькѣ и шитой узорами сорочкѣ. Она пьетъ чай въ компаніи съ однопоречниками бурлаками и съ добродушной улыбкой на красивыхъ, полныхъ губахъ отражаетъ ихъ простодушныя и не особенно тонкія любезности.

На верху, впереди расположилась партія бурлаковъ. Этимъ общимъ названіемъ обозначаютъ теперь плотовщицковъ, которые въ теченіе всей навигаціи сплываютъ взадъ и впередъ, какъ тучи насѣкомыхъ, вылетая изъ боковыхъ рѣчекъ,—Унжи, Керженца, Ветлуги, Мологи,—на своихъ плотахъ и затѣмъ подымаясь кверху до новаго сплава. Нѣтъ на Волгѣ людей, которыхъ бы такъ много ругали и которые бы такъ много отругивались сами, какъ эти плотовщичики. Ругаютъ ихъ капитаны въ рупоръ, когда они загромождаютъ плотами стрежень, ругаютъ кассиры на обратной путинѣ, на пристаняхъ, гдѣ они торгуются самымъ невозможнымъ образомъ, съ божбой, съ моленіями, съ проклятіями за каждую копейку; ругаютъ на пароходахъ, куда ихъ принимаютъ, послѣ торга—чохомъ, артелями и тычутъ куда попало, между товаромъ. Вообще бурлакъ—это наиболѣе многочисленное, болѣе всѣхъ отягченное трудомъ и наименѣе цѣнимое дѣтище, пасынокъ матушки-Волги.

Здѣсь, на родной Ветлугѣ, на своемъ собственномъ ветлужскомъ пароходѣ, они чувствуютъ себя хозяевами. Къ „Любимчику“ они относятся съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ и нерѣдко даютъ съ своего мѣста наставленія командѣ.

— Не туды держишь... Вороти къ яру.

— Эхма! За чужую заѣдешь...

— Не ваше дѣло тамъ, молчать!—кричитъ капитанъ изъ отставныхъ солдатъ, а самъ тихо обращается къ лоцману:

— Въ самъ-дѣлѣ, вороти правѣй. Ай не видишь?

„Заѣхать за чужую“—это значитъ зайти въ рукавъ вмѣсто главнаго русла. Ничего не можетъ быть позорнѣе для команды! Съ нашимъ „Любимчикомъ“—увы!—это случилось раза два,—и оба раза онъ конфузливо выбирался „изъ-за чужой“ подъ градомъ остротъ своихъ пассажировъ и съ берега.

— Эй, капитанъ!—кричитъ широкоплечій бурлакъ ветлугай,—у тебя, гли-ко-ся, тамъ скрипитъ что-то въ машинѣ. Ожалось чего-нибудь.

— Учи! Плоше тебя, что ли!

— Да вѣдь скрипитъ, ровно не слажена соха.

Пароходъ дѣйствительно скрипитъ, какъ простуженный.

— Ты вонъ въ телѣгѣ ѣдешь, и то небось скрипитъ,—возражаетъ капитанъ.

— Въ телѣгѣ?—хохочутъ бурлаки.—Да мы бы, твое степенство, въ телѣгѣ бы теперь гдѣ уже были...

Капитанъ все-таки посылаетъ въ машину, и черезъ нѣкоторое время „Любимчикъ“ подходит къ яру, пассажиры выходятъ по доскамъ на берегъ, а команда облѣпляетъ со всѣхъ сторонъ бока, руль, крылья парохода, гдѣ-то стуча молотками, что-то прилаживая.

Трогаемся опять...

Солнце садится, рѣка начинаетъ темнѣть, и „кривули“ плавно, одна за другой, убѣгаютъ назадъ. На нижней палубѣ спятъ, гдѣ кто сумѣлъ устроиться; у насъ во второмъ классѣ—невыносимая жара, такъ какъ къ намъ идетъ весь жаръ отъ машины. Женщинъ у насъ нѣтъ, и потому лѣсные торговцы, тяжело дыша, съ раскрытыми ртами, спятъ почти безъ одежды.

Я выхожу на верхнюю палубу.

Тихій вечеръ бѣжитъ надъ Ветлугой. Приятно обдаеть прохлада. Звѣзды мерцають въ легкомъ туманѣ, луна чуть-чуть вырѣзывается тоненькимъ серпомъ надъ тучей, которая тяжело подымается изъ-за лѣсовъ. Каждый день гдѣ-нибудь служатъ молебны надъ изсыхающими отъ жары полями, и каждый вечеръ встаетъ на безлунномъ небѣ такая же туча и стоитъ на немъ обманчивымъ призракомъ; на утро она исчезаетъ, не оставляя даже росы на травѣ. Сегодня она тяжелѣе; легкій туманъ чувствуется въ воздухѣ; гдѣ-то горять лѣса и дымная пелена, весь день клубившаяся на горизонтѣ, стелется по небу, какъ бы отяжелѣвъ отъ сырости. Есть что-то раздражающее въ этихъ намекахъ на дожди среди томительнаго удушья.

На передней мачтѣ нашего парохода меланхолически вздрагиваетъ на ходу фонарикъ. Съ береговъ, сквозь пыльные машины, доносятся временами то шелестъ лѣса подъ внезапными порывами вѣтра, то плескъ осыпающагося яра, то ночные голоса птицъ.

Въ передней части подъ фонаремъ не спитъ артель бурлаковъ. По-временамъ вспыхивають „цыгарки“, слышится какой-то ровный голосъ, прерываемый замѣчаніями и смѣхомъ. Я подхожу туда.

— Можно къ вамъ присѣсть?

— Садись, твое степенство, садись съ бурлаками. Ничего. Не спится тебѣ?

— И вамъ вотъ тоже не спится.

— Наше дѣло такое. До Юркина намъ спать нельзя. Нанимать хочетъ капитанъ—дровишки погрузить. Вотъ мы тутъ и балакаемъ покамѣсть...

— Сказки у насъ тутъ одинъ сказываетъ... Ну, и мастеръ!..

— Начинай новую, Ефремъ. Да вишь купецъ послушать... Ты ужъ того... получше какую... Не смѣховую...

Ефремъ, немолодой мужикъ съ верховьевъ Ветлуги, съ выдавшимися скулами, вздернутымъ носомъ и смѣшно торчащей бородкой, задумывается и начинаетъ:

— Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ,

а именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ... Охъ-хо-о... И дожились, грѣшные, до того, что нѣтъ у насъ ничего...

Раскатъ здороваго смѣха выносится на рѣку и отдается отъ дремлющей стѣны берегового лѣса... Среди этого хора особенно выдается здоровенный басъ какого-то оборваннаго человѣка, въ старомъ городскомъ картузѣ и полосатыхъ, слишкомъ узкихъ брюкахъ. На обоихъ колѣнкахъ отъ безчисленнаго множества заплатъ, пришитавшихся неумѣлыми, заскоруждыми руками, образовалось какъ будто по букету, и они странно выступаютъ въ полутьмѣ. Голосъ у него сишный, но необыкновенно гулкой. Даже бурлаки выражаютъ удивленіе.

— Ну, и рывкнулъ,—говорить одинъ изъ нихъ,— даже по лѣсу пошло.

— Волкъ и есть,—говорить другой.

Я съ любопытствомъ взглядываю на обладателя затѣвныхъ брюкъ и необыкновеннаго органа. Я слышалъ, что нижегородскіе статистики, работая въ Семеновскомъ уѣздѣ, гдѣ населеніе преимущественно кормится лѣсными промыслами, открыли особый родъ занятій, называемый „волчьимъ“. „Волкъ“—это человѣкъ, не имѣющій ни хозяйства, ни постояннаго ремесла... Зимой онъ перебивается въ городѣ по ночлежнымъ домамъ... Съ весной, когда вскроется рѣки, солнце отогрѣетъ землю и лѣса одѣнутся листвою,—волка потянетъ за Волгу, въ лѣса. Здѣсь ему не съ чѣмъ взяться за настоящую самостоятельную работу, а изъ чужихъ рукъ мѣшаетъ и гордость, и привычка къ дикой независимости. И вотъ онъ путается по роднымъ лѣсамъ, охотится или ловить рыбу, или просто хищничаетъ по мелочи, гдѣ можетъ.

— Какой я вамъ волкъ,—обижается субъектъ съ букетами на колѣнкахъ. И, обратясь ко мнѣ доврчивымъ тономъ городского жителя къ сотоварищу,—онъ пояснилъ:

— Я, господинъ,—временно... Собственно для заработку... Въ артель вкупиться...

— Въ „золотую-те роту“...—насмѣшливо вставилъ одинъ изъ бурлаковъ.—Ну, Ефремъ, сказывай, а ты... Нечего тутъ.

— ...Значить... не въ которомъ царствѣ,—подхватилъ опять сказочникъ,—жилъ былъ старикъ со старухой... Да

и тоже самое, какъ мы ветлугаи, дожились до того, что ни хлѣба, ни водочки, ни табаку... Потому, видишь ты, старикъ былъ охотничекъ, а у охотниковъ, дѣло извѣстное, что у килозязовъ да у коноваловъ, иной разъ и поись нечего.

— Вѣрно и это...

— Ну, хорошо... Говорить старику старуха. „Возьми, батъ, ружьишко,—не устрѣлишь ли чего. Хлѣба ни крохи, такъ хошь дичинкой полакомитьця...“ Взялъ старикъ ружьишко, пошелъ съ ружьишкомъ въ лѣсъ... Долго ли, коротко ли шель,—глядь потка (птица) порхаетъ по кусту. Такъ потка небольшая, а перомъ необычная. Прицѣлился старичокъ, а она ему и говоритъ голосомъ: „Не убей ты меня, старичокъ, а лучше, говоритъ, возьми живую“... Послушался онъ. Ружьишко поставилъ къ стволу,—къ ней... А она отъ него... Онъ опять за ней, она отъ него... Ну, все-таки—поймалъ... Принесъ старухѣ... Потка принесла имъ яичко...

Съ появленіемъ на свѣтъ этого яичка,—сказка теряетъ всякую связь съ дѣйствительностью. Ефремъ оживляется... Онъ сидитъ на какой-то снасти, надъ лежащими кругомъ слушателями и какъ-то странно разводитъ руками, точно дѣлаетъ заклинанія. Лицо его разглядѣть трудно,—его закрываетъ тѣнь отъ шляпки... Но голосъ у него глубокой, грудной и гибкой... Рѣчь льется плавно, готовыми складными оборотами... Онъ всецѣло владѣетъ вниманіемъ слушателей и развертываетъ передъ ними рядъ сказочно-утѣшительныхъ событій. Пароходъ идетъ мимо спящихъ лѣсовъ, и кажется, что это оттуда отъ шепчущей темно-зеленой стѣны кто-то подсказываетъ Ефрему его фантазіи. Разумѣется,—старикъ уже превратился въ такого молодца, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать... Чудная птица надѣлила его цѣннымъ свойствомъ: „плюнетъ — серебро, харкнетъ—золото...“ Баба какъ-то незамѣтно, за очевидный ненадобностью, — выпадаетъ изъ разказа... Вахлакъ женится на царской дочери, но и съ ней тоже не очень церемонится. Собирается онъ навѣстить въ деревнѣ своего брата... Царь-тестюшка приказываетъ запретъ золотую карету. — „Не надо,—говорить,—пѣшкомъ пойду!—Жена, проводи меня за вколицу!“ Царевна не смѣетъ послушаться и покорно слѣдуетъ за му-

жемъ. Вышли за околицу... Вахлакъ хлопнулъ ее по бедру, сказалъ слово... И стала изъ царевны... кобыла.

Радостный смѣхъ опять отдается отъ берега, покрывая лѣнливое шлепанье парохода... Ефремъ очевидно импровизируетъ и въ готовыя сказочныя формы вливаетъ собственное содержаніе... Слушатели восхищены тѣмъ, что царская дочь везетъ вахлака... И, можетъ быть, одинъ я думаю о судьбѣ царской дочери: бѣдная царевна, бѣдная суженая героя народной сказки... Не сладко, должно быть, утѣшать удачливаго вахлака Иванушку...

Сказка кончена, Иванушки падаютъ опять на землю. Опять болятъ намозоленные руки, опять ноютъ намученныя спины... А пароходъ все пыхтитъ, изворачиваясь на „кривуляхъ“ и будя странные отголоски... Лѣсъ подымается все выше, темнѣе, таинственнѣе... Артель смолкаетъ, лица бурлаковъ задумчиво поворачиваются къ берегамъ; темная струя, разбѣгаясь, уноситъ на своемъ гребнѣ отблески фонаря, привѣшеннаго надъ самой водой...

Вдругъ по лѣсу, заглушая шумъ пароходныхъ колесъ, разносится громкій плескъ и отдается въ далекихъ изгибахъ. Въ немъ замираетъ какой-то стонъ, отъ котораго невольно сжимается сердце. Звукъ повторяется еще гдѣ-то вдоль темныхъ береговъ съ неясными чащами...

— Что это?—спрашиваю я съ невольной тревогой...

— Обвалѣе *) съ яру свалилось,—говоритъ Ефремъ.

— А что стонетъ?..

— Нѣтъ... Какой стонъ?.. Чай никого не было.

— Нѣтъ, вѣрно, — подхватываютъ другіе. — Вскричалъ

кто-то.

— Кому быть... Чай птица.. Можетъ спужалась...

— Да, птица, какъ же,—таинственно говоритъ субъектъ съ букетами на колѣнкахъ.

— Нѣтъ, вѣрно птица, — испугало ее, — подтверждаетъ Ефремъ.—Кому болѣ быть?

— Какъ кому?.. Самъ знашь, кто въ лѣсу бываетъ.

На минуту водворяется молчаніе.

*) Обвалѣе—деревья на берегу съ подмытыми водой корнями въ пустынныхъ мѣстахъ

662382

Российская государственная
детская библиотека

ФУНДАМЕНТ. БИБЛ. ИМ. ПУШКИНА
Дет. от. 1917

— А видали вы когда-нибудь?..—спрашиваю я.

— Нѣтъ, не видали, гдѣ его увидишь?—говорять бурлаки сдержанно.

— Я голосъ слышалъ,—говорить Семень, мужикъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, грустно сидящій на скамьѣ, свѣсивъ голову съ черными, какъ смоль, волосами. Онъ гонялъ въ Козьмодемьянскъ собственные плоты, которые рубилъ и сплавивалъ изъ половины съ лѣсоторговцемъ. Ему не повезло. Плотъ изъ 400 бревенъ онъ продалъ по рублю за бревно; изъ-за этихъ двухсотъ рублей онъ работалъ всю зиму, вчетверомъ, на трехъ лошадахъ; теперь, расплатившись съ рабочими сплавщиками и отдавъ хозяину задатокъ, да еще лишку („за то, что вода живая и дѣлянка недалече“)—возвращался домой ни съ чѣмъ... А дома — неизвѣстно, что ждетъ его. Вскосы были хороши, да дождей нѣтъ долго. Если хлѣбъ не уродится, „всѣ стануть собирать, да подавать-то будетъ некому“. Поэтому онъ сидѣлъ все время задумчивый и грустный, плохо слушалъ сказки Ефрема и теперь въ первый разъ еще принялъ участіе въ общемъ разговорѣ.

— Да, слышалъ голосъ... Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ. Въ ту пору женился я какъ разъ, по двадцатому году, и поѣхали мы въ лѣсъ бревна рубить, жили въ лѣсу семь недѣль. И пала, братцы, на меня скука объ Марьѣ моей, большая скука на меня пала... даже, что-есть, ночи не спалъ. Вотъ разъ мечусь этакъ въ шалашикъ и говорю себѣ: хоть бы лѣшій какой вѣсточку принесъ.

— Т-съ, ай-а-ай, — неодобрительно отозвался Ефремъ.— Бѣдко это, что не въ часъ такое слово сказать.

— То-то бѣдко. Сказываютъ, въ шесть недѣль дадено ему двѣ минуты. Кто въ двѣ тѣ минуты зачѣмъ его позоветъ,—онъ тутъ какъ тутъ...

— Тутъ ужъ его воля...

— Вѣрно. У насъ на деревнѣ мать дитѣ прокляла, — сливки онъ у ея слизалъ. „Лѣшій, баеть, тебя унеси“. Ну, и сказала видно въ лихой часъ. Онъ его сейчасъ живымъ дѣломъ и цапнулъ, да въ рѣчушкѣ и утопилъ.

— То-то вотъ, видишь, како дѣло... Сказалъ я это слово и заснулъ. Много-ли спалъ,—не знаю, только прокинулся,—

слышу кличетъ кто-то по лѣсу. Кличетъ и кличетъ, и гольсь ровно бы Алексѣя-шабра... Пѣжня тутъ у него была недалече. Сейчасъ я на ноги поднялся, чижѳлко (зипунъ) накинуть на плечи, айда въ лѣсъ, за нимъ. Отошелъ въ чашу гонь *), отошелъ другой, — все кличетъ, да все дальше, а ближе нѣту. Какъ прислушаюсь я, — такъ у меня волосики дыбкомъ и стали. Гднѳвъ съ пягъ уже отошелъ, а дѣло было экъ же, какъ вотъ теперь, темно, да муглонно, да еще и дождикъ по листу шебаршитъ. И кличетъ звонко, а голосу настоящаго, словъ стало быть, и нѣту; только ау-у, ау-о, да го-го-го. Понялъ я тутъ, кто меня кличетъ, сѣлъ на землю, дрожу, зубъ на зубъ не попадаетъ... А онъ какъ пойдетъ кругъ меня — да выть, да закликать, да съ разныхъ тебѣ сторонъ, да на разны тебѣ голоса: то батька кличетъ, то старуха, то опять молодая моя, Марьѳшка, разливаается-зоветъ. А я сижу на землѣ, зубомъ стучу да молитву творю. Какъ только и живъ остался!

— А я такъ и видалъ, — подымается съ мѣста какой-то бурлакъ, лица котораго мнѣ не видно... — Осене-съ лѣсъ мы рубили да вывозили и остались одновѣдни у шалаша съ Ефимкой — удалая головушка, парень бѣдовой. И взмыла тутъ, братци, туча, пошелъ дождь, да и дождь слышь бойкой, да крупной, насъ, что-есть, въ шалашикъ вымочило до ниточки. Прошла эта туча, — только послышимъ — идетъ кто-то по лѣсу, пѣсни играетъ... Да звонко! Издаля слышно. Что моль такое за человекъ это? И выходитъ тутъ къ намъ незнакомый молодець: одѣтъ чисто, рубаха бѣла, уздечка накрестъ перепоясана. „Не видали, баеть, ребята, воронова коня? Больно, баеть, коня жалко, конь — какъ огонь. Кто бы со мной пошелъ того коня розыскать?!“ — Ефимко у меня пряткой живетъ... Вскочилъ было итти, да я его за руку цапъ... — „Нѣтъ моль, добрый молодець, не рука намъ съ тобой итти, Ступай себѣ“. Ушелъ онъ, а я Ефимкѣ и баю: „Не видишь, съ кѣмъ итти было похотѣлъ? Погляди: на насъ рубахи-те мокрехоньки, даромъ что въ шалашикъ си-

---

*) Гонъ — особая мѣра, равная, по объясненію бурлаковъ, — 27 саженьямъ.

дѣли, а на немъ капельки не кануто, весь сухой. Это что значить?“ — Вѣрно! — говоритъ Ефимка, — а мнѣ моль и ни къ чему... Ахъ ты, нечистая сила!.. Дай-ко, говоритъ, я его между плечъ изъ оружья шарану...

— Безстрашной...

— Только сталь онъ оружье крестить, какъ тотъ парень изъ глазъ пропаль... Пѣсни слышно, — самого не видать...

— Страсти какія... Я бы, кажись, тутъ бы и померь, — говоритъ изъ-за мачты молодой, почти ребячій голосъ.

— Да, лѣсное дѣло, извѣстно... не на селѣ...

— Неужели, — спрашиваю я, — такъ вотъ Ефимко и выпалилъ бы, если бы не замѣшкался?..

— Ефимко-то?.. Выпалилъ бы...

— Да чего на него глядѣть?.. Дѣло видимое...

— Рубашка-то... она вѣдь указываетъ...

— Дѣло ясное...

Пароходъ приближается къ крутому яру и идетъ вдоль темнаго бора... Боръ стоитъ весь въ тѣни... Въ немъ ходятъ таинственные шорохи, и кажется, что гдѣ-то въ чащѣ идетъ другой пароходъ и также часто шлепаетъ колесами. И оба парохода — и нашъ и чужой — точно притаились и чутко сторожатъ другъ друга.

IV

Свистокъ, за нимъ другой вспугиваютъ молчаніе ночи, и кажется, что отъ этого звука, такого зауряднаго на Волгѣ, здѣсь вздрагиваютъ даже берега.

Пароходъ дѣлаетъ легкій поворотъ, и на насъ надвигается крутой яръ лѣваго берега. Надъ обрѣзомъ этого яра виднѣется клокъ неба, еще не поглощенный разрастающейся тучей. На проплывающемъ облачкѣ угасають послѣдніе, слабые отблески. Какія-то темныя фигуры фантастически рисуются въ вышинѣ надъ косогоромъ.

Это — черемисское Юркино. Пароходъ будетъ грузить дрова, а фигуры на берегу — черемиски изъ деревни, пришедшія по свистку съ носилками для грузки. Такимъ образомъ, услуги артели оказались излишними. На верхней и

на нижней палубѣ слышно угрюмое ворчаніе бурлаковъ, которыхъ напрасно поманили заработкомъ.

Оказывается еще не поздно. Въ деревнѣ огни, хотя на рѣкѣ казалось, что уже глубокая полночь. Небо все затянуло. Туча густѣетъ, вдали неясно гудитъ громъ, и надъ лѣсами слабо вспыхиваютъ блѣдныя молніи. Въ воздухѣ чувствуется какое-то напряженіе... Надъ обрывомъ курится огонекъ, и ѣдкій дымъ сползаетъ на рѣку.

Матросы нашего „Любимчика“ большей частью пьяны... Нѣкоторые пассажиры второго класса тоже. Точно шмели, высыпавшіе изъ гнѣзда, они мгновенно окружаютъ черемисокъ, сидящихъ надъ обрывомъ плотною кучкой, очевидно приготовившейся дружно встрѣтить всякій натискъ. При слабомъ освѣщеніи пароходныхъ огней—мелькаютъ молодыя миловидныя лица; голоса раздаются въ полутьмѣ мелодично и звонко. Одѣты онѣ въ расшитыя пестрыми узорами короткія рубахи и бѣлые штаны. Нога выше колѣнъ обернута чернымъ сукномъ, перевязаннымъ бѣлыми оборками...

— Что мало васъ вышло, портошная команда?

— Эй, не видали ли собачку: сама бѣла, лапки черны?

— А, да вотъ она,—держи!

Визгъ, хохотъ, грубыя заигрыванія... Дѣвки крѣпко отругиваются. Порой шлепаютъ гулкіе удары. За ними взрывы хохота... На берегъ сходить тоже изрядно выпившій капитанъ, рядится съ черемисками, и онѣ принимаются таскать тяжелыя носилки по крутой песчаной тропинкѣ и узкимъ дрожавшимъ мосткамъ надъ водой... Пьяные озорники, пользуясь тѣмъ, что руки у дѣвушекъ заняты, мѣшаютъ имъ... Одна носильщица дѣлаетъ невольное движеніе... Дрова съ грохотомъ валятся внизъ... Капитанъ появляется на кубрикѣ и обстрѣливаетъ весь берегъ такой отборной и громкой руганью, что матросы оставляютъ черемисокъ въ покоѣ... Зато на берегу завязывается драка... Двое полупьяныхъ боролись на пескѣ...

— Не бери въ переломъ... — хрипитъ одинъ. — Въ переломъ не бери...

— А какъ тебя брать?..

— Бери за гашникъ...

— Я беру, какъ хочу... Ты бери, какъ знаешь...

— Бери за гашникъ, свол-лочь... А то живого не оставляю...

— Да я тебя самъ, какъ сухую воблу...

Взлетаетъ рука, и вдругъ уже не шуточный, а настоящій богатырскій ударъ пронизываетъ воздухъ... Два тѣла сплетаются, падаютъ на песокъ и начинаютъ кататься по землѣ... Къ нимъ наваливаются другіе... Клубокъ растетъ... Гдѣ-то далеко за лѣсомъ, какъ сердитая собака, ворчитъ громъ... Есть что-то раздражающее въ этомъ чадающемъ надъ яромъ огнѣ, въ этихъ взвизгиваньяхъ обижаемыхъ дѣвушекъ, въ ворчаніи грома и въ зарницахъ, смутно освѣщающихъ даль лѣсныхъ вершинъ... Кромѣ того и вообще въ эти знойные дни, среди напряженнаго ожиданія дождя—въ воздухѣ носится какое-то электричество... Бурлаки угрюмы и враждебно смотрятъ на безпечное и наглое озорство пьяной команды...

Вдругъ, точно искра отъ пожара, свалка вспыхиваетъ на пароходѣ... Молодой буфетный служащій заспорилъ съ пассажиромъ... Другъ у друга вырывали какіе-то узлы... Дѣло происходило подъ навѣсомъ на нижней палубѣ, гдѣ было темно и тѣсно. Оказалось на несчастіе, что какъ-то бурлакъ улегся подъ лавкой, безпечно выставивъ изъ-подъ нея побѣдную головушку. Среди возни и спора кто-то наступилъ ему сапогомъ на фізіономію... Бурлакъ поднялся, разъяренный, окровавленный, страшный, дико поводя глазами. Черезъ минуту изъ-подъ тента, слабо освѣщеннаго огаркомъ,—несся взволнованный гулъ...

— Человѣка испортили... Какое полное право!..

— А онъ пошто лежитъ на дорогѣ!..

— Мѣсто давай!.. Гдѣ у васъ мѣста!.. Деньги плочены!..

— Палубу всеё загрузили!..

— Люди вамъ, какъ скотина...

Кто-то потушилъ фонарикъ подъ тентомъ. Стало совсѣмъ темно, только отблески чадающаго костра пробѣгали по спутанной массѣ взволнованныхъ пассажировъ...

— Въ воду побросамъ, — гремѣлъ чей-то зычный голосъ... — Въ воду ихъ, ребята... Что на нихъ глядѣть, на пьяныхъ чертей...

— Капитана сюда!.. Капитанъ! Огонь зажигай!..

— Чтобы сейчас... Сей минутъ огонь быть, — вырывается чей-то неистовый, визжащій голосъ... — Огонь... Огонь подавай... Ог-гонь...

— Капитана сюда!.. Огонь зажигай, капитанъ!

— Безъ огня не будемъ быть!..

— Не имѣмъ безъ огня сидѣть! Посудину вашу по щепамъ разнесемъ!

— Э-о-о-й... у-у-у!..

Подъ навѣсомъ настоящая буря: дикіе крики, ругательства, вой, — кажется, что все это закончится невозможной дикой свалкой...

— Я, я, капитанъ, — слышится торопливый голосъ. — Что такое?.. Почему бунтуете, господа пассажиры?.. Поштенные, не бунтуйте!..

Капитанъ, повидимому, протрезвился и энергично врѣзывается въ толпу. Голосъ у него грубый, рѣшительный, замѣтный въ многоголосомъ смѣшанномъ ревѣ...

— Что такое?.. Огонь?.. Кто смѣетъ гасить огонь?.. Сейчасъ, господа... Сей секундъ... Я самъ, самъ зажигаю огонь... Стой, разступись! Давай дорогу... Я сейчасъ... Вотъ... Я самъ зажигаю... — заканчиваетъ онъ торжественно.

Вспыхиваетъ слабый огонекъ сѣрной спички, прикрываемой ладонью отъ вѣтра. Сѣра загорается, начинаетъ кипѣть и потрескивать, синеватое пламя колеблется, и общее участіе привлекаетъ на себя судьба этого огонька... разгорится онъ или погаснетъ? Огонекъ разгорается, освѣщая загорѣлое лицо священнодѣйствующаго капитана и лица ближайшихъ „бунтовщиковъ“, на которыхъ теперь видно лишь участливое любопытство. Еще нѣсколько секундъ — и все съ такой же торжественностью капитанъ зажигаетъ фонарь.

— Вотъ, — говоритъ онъ толпѣ.

— И ладно, молодчина капитанъ...

То-то!.. А то бы мы...

Толпа смиряется такъ же быстро, какъ вспыхнула. Последняя причина ея неудовольствія закрыла собой все остальное; причина эта устранена — и толпа довольна, какъ будто все дѣло было именно въ этомъ сальномъ огаркѣ. Только

бурлакъ съ окровавленной и вспухшей губой долго еще суется въ тѣснотѣ съ печальнымъ недоумѣніемъ, спрашивая, кто же отвѣтитъ за это безобразіе и на какомъ основаніи онъ потерпѣлъ безвинно. Но теперь его несчастье вызываетъ лишь болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія.

Часа черезъ полтора свистокъ несется надъ рѣкой... Лежа у открытаго окна въ нашей каютѣ, я вижу какъ берегъ уплываетъ отъ насъ и скоро только длинныя струйки съ отблесками вьются и плещутся по бортамъ.

Туча раскинулась по всему небу, но дождя все нѣтъ. Въ каютѣ духота, бормотаніе и сонніе лѣсоторговцевъ...

А на утро, съ восходомъ солнца, бурлаки слѣдятъ съ палубы, съ разочарованными лицами, какъ облака расплываются по небу и исчезаютъ постепенно, какъ дымъ отъ погасшаго курева. Во всю ночь отъ нея не капнуло ни одной капли, и день опять охватываетъ, какъ жерло раскаляющейся печи. Только дымъ на горизонтѣ не исчезъ, а сталъ еще тяжелѣе и явственнѣе. Видно, какъ ходятъ, свиваясь и развиваясь, тяжелые клубы.

Часовъ въ 9 мы проходимъ мимо Никольскаго; церковь въ купѣ зеленыхъ деревьевъ, да нѣсколько домовъ причта надъ высокимъ обрывомъ... Это называютъ „погостомъ“. Въ церкви звонятъ, — должно быть опять собираются молить о дождѣ... Съ берега что-то кричатъ, указывая впередъ, гдѣ виднѣется дымъ, но словъ разобрать невозможно.

Часовъ въ 11 бѣжитъ сверху петерсоновскій „Николай“; пассажировъ на немъ много, и они тоже кричатъ что-то. На нашемъ пароходѣ становится извѣстнымъ мѣсто пожара: горитъ вверху городъ Ветлуга...

Больше мы уже не пристанемъ нигдѣ до Воскресенскаго. Нѣсколько деревень, Никольскій погостъ да два села, Успенское и Богородское, вотъ всѣ населенные пункты, которые попадаютъ намъ въ теченіе 1½ сутокъ. Кой-гдѣ проплыветъ дровяной плотишко, кой-гдѣ запоздавшая и обмелѣвшая съ весны барка печально сидитъ на пескѣ, дожидаясь будущаго сплава... Въ одномъ мѣстѣ небольшая „кладнушка“ сидитъ на мели, и три человѣка, праздно ожидая помощи, развлекаются игрой на гармоніи. Тиха Ветлуга послѣ сплава,

но въ особенности тиха она теперь, въ это знойное лѣто, когда жары выпиваютъ воду и даже на Волгѣ обнажились такіе камни и перекаты, которыхъ не видывали и опытные лоцмана.

Къ вечеру „Любимчикъ“ пристаеъ къ Воскресенскому, — большое село на горѣ праваго берега, — торговый центръ Приветлужья... Мы прощаемся съ „Любимчикомъ“ и съ „Ветлугой“...

Ночлегъ на постояломъ дворѣ, на душистомъ сѣновалѣ... А на зарѣ слѣдующаго дня восходящее солнце, подымавшееся, точно по лѣстницѣ, по грядѣ румяныхъ перистыхъ облаковъ, застало насъ уже на дорогѣ изъ Воскресенскаго во Владимірское.

Мы идемъ къ озеру Свѣтлояру, иначе называемому Святымъ озеромъ, у села Владимірскаго на Люндѣ...

II

Свѣтлояръ *)

I

Когда, въ первый проѣздъ мимо Свѣтлояра, мой ямщикъ остановилъ лошадей на широкой Семеновской дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ большого села Владимірскаго, и указаль кнутовищемъ на озеро,—я былъ разочарованъ.

Какъ? Это и есть Свѣтлояръ? Надъ которымъ витааетъ легенда о „невидимомъ градѣ“, куда изъ дальнихъ мѣстъ, изъ-за Перми, порой даже изъ-за Урала стекаются люди разной вѣры, чтобы раскинуть подъ дубами свои божницы, молиться, слушать таинственные китежскіе звоны и крѣпко стоять въ спорахъ за свою вѣру?.. По рассказамъ и даже по описанію Мельникова-Печерскаго я ждалъ увидѣть непроходимые лѣса, узкія тропинки, мѣста укрытыя и темныя, съ осторожными шопотами „пустыни“.

А тутъ—видное съ большой проѣзжей дороги въ зеленыхъ берегахъ, точно въ чашкѣ, лежало овальное озерко, окруженное вѣнчикомъ березокъ. Взбѣгая на круглые холмики, деревья становятся выше, роскошнѣе. На вершинахъ березы перемѣшались уже съ большими дубами, и сквозь густую зелень проглядываютъ бревенчатыя стѣны и куполокъ простой часовни...

И только?..

Когда я пришелъ къ озеру во второй разъ, мое разочарованіе прошло. Отъ Свѣтлояра повѣяло на меня своеобразнымъ обаяніемъ. Въ немъ была какая-то странно-маня-

---

*) Свѣтлояръ—вулканическое озеро на рѣкѣ Люндѣ, близъ села Владимірскаго, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи. Съ нимъ связана легенда о невидимомъ градѣ Китежѣ..

щая, почти загадочная простота. Я вспомнилъ, гдѣ я могъ видѣть нѣчто подобное раньше? И вспомнилъ. Такія свѣтленькія озерка, и такіе круглыя холмики, и такія березки попадаются на старинныхъ иконкахъ нехитраго письма. Инокъ стоитъ на колѣняхъ посреди круглой полянки. Съ одной стороны къ нему подступила зеленая дубрава, точно прислушиваясь къ словамъ человѣческой молитвы; а на второмъ планѣ (если есть въ этихъ картинахъ второй и первый планы) въ зеленыхъ берегахъ, какъ въ чашѣ, такое же вотъ озерко. Неумѣлая рука благочестиваго живописца знаетъ только простыя, наивно правильныя формы: озеро овально, холмы круглы, деревца разставлены колечкомъ, какъ дѣти въ хороводѣ. И надъ всѣмъ вѣяніе „матери-пустыни“, то именно, чего и искали эти простодушные молителы.

Недалеко—въ двухъ-трехъ десяткахъ верстъ Керженецъ съ его дѣбрями и разоренными скитами, о которыхъ скитницы поютъ старыми голосами:

У насъ были здѣсь моленны. Онѣ подобны были раю.

У насъ звонъ былъ удивленный; удивленный звонъ, подобенъ грому...

Былъ недоступный лѣсъ, была тишина, отдаленность отъ міра. Была тайна.

Теперь лѣса порубили, проложили въ чащахъ дороги, скиты разорили, тайна выдыхается. Къ „святому озеру“ тоже подошли раздѣланныя поля и по широкой дорогѣ то и дѣло звенятъ колокольцы, и въ повозкахъ видны фигуры съ кокардами. „Тайна“ Китежа лежитъ обнаженная у большой дороги, прижимаясь къ противоположному берегу, прячется въ тѣнь къ высокимъ березамъ и дубамъ.

И тоже тихо выдыхается.

II

Въ окрестномъ населеніи во многихъ спискахъ ходитъ „Лѣтописецъ“. Сухимъ, правду сказать, довольно таки сухоннымъ языкомъ, съ безвкусной помѣсью стариннаго и болѣе современнаго стилия въ немъ рассказывается слѣдующая исторія.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ, спустившись по Волгѣ изъ Ярославля, построилъ городъ Малый Китежъ, на берегу Волги. Это нынѣшній Городецъ, пріютъ старой вѣры „по тайному священству“. Оттуда князь пошелъ сухимъ путемъ, по луговой сторонѣ и, переправившись черезъ тихія и ржавыя рѣчки Узолу, Санду и Керженецъ,—пришелъ къ рѣкѣ Люндѣ. „И видѣ то мѣсто зѣло прекрасно и многолюдно“, почему, „по умоленію жителей“, рѣшилъ построить тутъ городъ Китежъ Большой. Преданіе устанавливаетъ, очевидно, какое-то духовное родство между обоими Китежами: „оба города построены одной рукой и однимъ топоромъ“,—говорили мнѣ мѣстные жители. Князь изукрасилъ городъ, обстроилъ церквами, монастырями, боярскими палатами. Потомъ обвелъ ровомъ и вывелъ стѣны съ бойницами. Окончивъ дѣло, онъ вернулся къ себѣ на Волгу.

Между тѣмъ надъ Русью уже нависала туча, шла „потруса“, монгольское нашествіе. Двинулся поганый Батый: „Какъ темныя тучи по небу“, шли по Руси злые татарове и подошли къ Китежу-меньшему (Городцу). Великій князь вышелъ навстрѣчу и „много драся съ Батыемъ“, но не одолѣлъ его. Татары убили его брата, а самъ князь ударился въ лѣса и, перейдя рѣки, скрылся въ новопостроенномъ своемъ градѣ, Большомъ-Китежѣ. Батый потерялъ слѣды великаго князя и сталъ „примучивать“ плѣнныхъ, добываясь отъ нихъ указаній. Одинъ изъ этихъ плѣнниковъ, Кутерьма, „не могій мукъ стерпѣти“, указалъ Батыю лѣсные проходы къ Свѣтлояру, и татары облегли городъ Китежъ.

Что было затѣмъ—въ лѣтописцѣ говорится глухо. Известно только, что князь успѣлъ скрыть въ озерѣ святыя сосуды и церковную утварь, а затѣмъ погибъ въ битвѣ. Городъ же, изволеніемъ Божиимъ, сталъ невидимъ; на его мѣстѣ стала видна вода и лѣсъ.

Такъ и стоитъ градъ Китежъ понынѣ у кругленькаго и чистаго, какъ слеза, озера Свѣтлояра. Скрылись отъ взора человѣческаго дома, улицы, боярскія хоромы и стѣны съ бойницами, церкви и монастыри, въ коихъ „многое множество бысть святыхъ отецъ, просіявшихъ житіемъ, яко звѣздъ небесныхъ или яко песка морскаго“. И кажется

нашему грѣшному непроевѣтленному взору одинъ только лѣсокъ, да озеро, да холмы, да болотище. Но это только обманъ нашего грѣшнаго естества. Въ дѣйствительности же, „по-настоящему“, здѣсь стоятъ во всей красѣ благолѣпныя храмы, и золоченыя палаты, и монастыри... А кто можетъ хоть отчасти проникнуть взоромъ черезъ обманчивую завѣсу, для того въ глубинѣ озера мелькаютъ огоньки крестныхъ ходовъ и высокія золоченыя хоругви, и сладкій звонъ несется надъ гладью кажущихся водъ. А потомъ все стихаетъ и опять только шепчетъ дубрава.

И такъ надъ озеромъ Свѣтлояромъ стоятъ два міра: одинъ настоящій, но невидимый, другой видимый, но не настоящій. И сплетаются другъ съ другомъ, покрываютъ и проникаютъ другъ въ друга. Ненастоящій, призрачный міръ устойчивѣ истиннаго. Послѣдній только изрѣдка мелькнетъ для благочестиваго взора сквозь водную пелену и исчезнетъ. Прозвенитъ и смолкнетъ. И опять водворяется грубый обманъ тѣлесныхъ чувствъ...

Понятно, какъ это заманчиво. Ежегодно „подъ Владимірскую“ изъ Нижегородской, Владимірской, Вологодской губерній, даже изъ-за Перми, изъ-за Урала, — сходятся на берегу Свѣтлояра толпы людей, стремящихся хоть на короткое время отряхнуть съ себя обманчивую суету-суеть и заглянуть за таинственныя грани. Здѣсь, въ тѣни деревьевъ, подъ открытымъ небомъ день и ночь слышно пѣнье, звучитъ гнусавое чтеніе на-распѣвъ, кипятъ споры объ истинной вѣрѣ. А на закатныхъ сумеркахъ и въ синей тьмѣ лѣтняго вечера мелькаютъ огни между деревьями, по берегамъ и на водѣ. Благочестивые люди на колѣняхъ трижды ползутъ кругомъ озера, потомъ пускаютъ на щепкахъ остатки свѣчей на воду, и припадаютъ къ землѣ, и слушаютъ. Усталые, въ истомѣ между двумя мірами, при огняхъ на небѣ и на водѣ, они отдаются баюкающему колыханію береговъ и невнятному дальнему звону... И порой замираютъ, ничего уже не видя и не слыша изъ окружающаго. Глаза точно ослѣпли для нашего міра, но прозрѣли для міра нездѣшняго. Лицо прояснилось, на немъ „блаженная“ блуждающая улыбка и — слезы... А кругомъ стоятъ и смотрятъ съ удивленіемъ тѣ,

кто стремится, но не удостоился по маловѣрію... И со страхомъ качають головами. Значить есть онъ, этотъ другой міръ, невидимый, но настоящій. Сами не видѣли, но видѣли видящихъ...

Но это теперь бываетъ все рѣже и незамѣтнѣе.

Мелькнетъ гдѣ-нибудь махонькимъ островкомъ и расплывается, какъ догорающая свѣчка, на таинственной поверхности озера. А кругомъ шумитъ обманчивый „видимый“ міръ...

III

Познакомившись съ чудеснымъ озеркомъ, я послѣ этого не разъ приходилъ къ нему съ палкой въ рукахъ и котомкой за плечами, чтобы, смѣшавшись съ толпой, смотрѣть, слушать и ловить живую струю народной поэзіи среди пестраго мельканія и шума. Вечерняя заря угасала, когда я стоялъ на холмѣ, близъ бревенчатой часовни, въ тѣсной и потной мужицкой толпѣ, слѣдившей за преніями. И утренняя заря заставляла насъ всѣхъ на томъ же мѣстѣ...

Много наивнаго чувства, мало живой мысли... Градъ взыскуемый, Великій Китежъ—это городъ прошлаго. Старинный градъ со стѣнами, башнями и бойницами,—наивныя укрѣпленія, которымъ не устоять противъ самой плохонькой мірской пушчонки!— съ боярскими хоромами, съ теремами купцовъ, съ лачугами простого „подлаго“ народа. Бояре въ немъ правятъ и емлютъ дани, купцы ставятъ передъ иконами воскуяровыя свѣчи и одѣляютъ нищую братію, чернядь смиренно повинуется и приѣмлетъ милости съ благодарными молитвами...

Есть что-то умилительное и для насъ въ этой легендѣ... Многіе и изъ насъ, давно покинувшихъ тропы стародавняго Китежа, отошедшихъ и отъ такой вѣры, и отъ такой молитвы,— все-таки ищутъ такъ же страстно своего „града взыскупаемаго“. И даже порой слышать призывные звоны. И очнувшись, видятъ себя опять въ глухомъ лѣсу, а кругомъ холмы, кочки да болота...

IV

Въ этотъ разъ я подходилъ къ Свѣтлояру не въ праздникъ, а въ будни, и былъ радъ случаю посмотрѣть чудесное озеро въ его обычномъ видѣ, въ тишинѣ его простого, будничнаго одиночества.

Солнце склонялось къ „горамъ“. Березы, ольхи и дубы на склонахъ холмовъ уже стояли въ тѣни, между тѣмъ какъ молодыя березки на плоскомъ восточномъ берегу еще просвѣчивали насквозь яркою зеленью. Въ гладкой, какъ зеркало, водѣ тихо стоялъ опрокинутый берегъ, съ холмами, деревьями и часовней, чуть зыблясь отъ прямыхъ свѣтлыхъ полосокъ. Это передъ закатомъ баловала мелкая рыбешка. Между стволами мелькали рѣдкія фигуры. Двѣ странницы съ котомками, должно быть отдохавшія въ жару на озерѣ, тяжело подымались въ дорогу. Часовня была заперта. Въ страннопріимномъ домѣ, построенномъ Владимірскимъ сельскимъ обществомъ на берегу, ставни забиты наглухо. Еще два года назадъ здѣсь жилъ старикъ лѣтъ девяноста, сѣдой какъ лунь, наивный, какъ ребенокъ, и глухой, какъ тетеревъ. Въ домикѣ „общество“ дозволяетъ жить, кому угодно, чтобы мѣсто свято не было пусто. Прежде не надо было и дома. Радѣтели, „труждающіе люди“, изрыли всю гору землянками и пещерами. Теперь это вывелось. Частью оттого, что и вообще „усердія“ стало меньше, частью же оно какъ-то плохо уживается съ паспортными правилами. Полиція, не находя входовъ, а только отверстія „для воздуха“, — выгоняла подвижниковъ щупами и выкуривала дымомъ. Невидимые трудники разбрелись. Тогда-то благочестивые владимірскіе старики рѣшили соорудить храмину и пустили въ нее этого старца. Онъ пришелся ко двору и жилъ на озерѣ много лѣтъ, радуя владимірцевъ своимъ благообразіемъ. Весь сѣдой, одѣтый въ чистую рубаху и порты, въ свѣжихъ лаптяхъ, повязанныхъ свѣтлыми лычаными оборками, онъ служилъ истиннымъ украшеніемъ этого мѣста во время ежегодныхъ сборищъ. Опершись на свой подожекъ, съ обнаженной головой, на которой вѣтеръ шевелилъ се-

ребряные волосы, онъ стоялъ около своей избы и смотрѣлъ то младенчески чистыми, то старчески строгими глазами на шевелящійся народъ, какъ будто слѣдя, не появилась бы гдѣ какая нечисть. Его всегда окружала толпа, какъ чело-вѣка связаннаго невидимой нитью съ завѣтной тайной озер.

А нитей этихъ, связующихъ два міра, становится все меньше. Много народу припадаетъ къ берегамъ, чтобы услышать изъ глубины святой звонъ невидимаго града. И не слышатъ. А онъ слышитъ, несмотря на то, что совершенно глухъ.

— Кричи ему хоть въ самое ухо,—ничего не разбереть.

-- Значить ему это не нужно.

— А китежскій звонъ слышитъ. И не то что подъ Владимірскую, а безперечь, во всякое время.

— Выйду это на зорькѣ, на ранней на кресты невидимые помолиться, а оно и гу-у у-дитъ и бу-у-хааетъ,—говорилъ онъ при мнѣ, дѣтски радостно улыбаясь изумленной толпѣ.—И колоколò те, братцы, какъ наше, кузьмодемьянско. Давно я изъ дому, отъ Кузьмы-те Дамьяна ушелъ... Дитѣй малымъ. А колоколò наше помню. Этакъ же вотъ и здѣсь—ровно наше колоколò, бухаетъ на зорькѣ...

И по лицу стараго младенца бродитъ счастливая дѣтская улыбка...

— Умные не разумѣютъ и имѣющіе уши слышатъ.—не слышатъ,—строго сказалъ при этомъ одинъ изъ толпы.—А вотъ глухого старца Господь умудряетъ. Горе слышающимъ слово и не внемлющимъ.

И онъ угрожающе скинулъ всѣхъ сухими, строгими и колющими глазами. „Чудо“, явленное надъ глухимъ старцемъ, онъ, конечно, тотчасъ же присвоилъ себѣ и хотѣлъ видѣть въ немъ подтвержденіе какой-то своей строгой вѣры, заключенной въ старинной книгѣ... Зри главы такіа-то стихи пятый и седьмый на десять. И такъ какъ не всѣ мы, конечно, даже и знали, что именно гласятъ стихи пятый и седьмый на десять, то, во имя чуда, онъ уже обрекъ насъ огненной геенѣ. А старикъ и ему улыбался своими синими глазами, чистыми, какъ свѣтлоярскія воды...

Въ этотъ разъ старика уже не было. Разъ утромъ его

заехали на лавочкѣ, чистаго, безмятежнаго и очевидно давно приготовившагося въ дальній путь. Лицо было счастливое, какъ у младенца... Въроятно въ послѣдній часъ онъ слышала опять буханіе родного колокола не то изъ глубины святаго озера, не то изъ такого же святаго дѣтства...

Такъ какъ мѣсто свято пусто не бываетъ,—то въ келью явились новыя богадѣльщики. Даже двое. Сначала пришла келейница и поселилась въ избѣ; потомъ приплелся солдатъ и попросилъ позволенія построить земляночку. Старики позволили. Но какъ только сошли снѣга, изъ земли выбило травку, и зазеленѣлись деревья, — пастухи, гонявшіе „на горы“ скотъ, принесли на село соблазнительныя извѣстія, которымъ старики дали вѣру не сразу: мало ли покажется глупымъ подросткамъ. Пожалуй, блазнить лукавый. Но однажды пастухи пригласили стариковъ на самое мѣсто: подъ дровомъ на муравушкѣ рядышкомъ почивали келейникъ съ келейницей и тутъ же лежала пустая посуда.

Плюнули и прогнали обоихъ. А окна заколотили... Ждали, не придетъ ли опять „настоящій“ какой-нибудь старецъ... Не приходилъ.

V

Я обхожу съ своими спутниками кругомъ озера, слушая смутный передзакатный шорохъ деревьевъ. По временамъ на озерѣ выкинется рыба. Лягушка скрекочетъ у берега въ нагрѣтой за день колдобинѣ. Беззаботно, какъ дѣти, чирикаютъ воробьи... На томъ берегу деревенскія дѣвки мирно купаются рядомъ съ парнями. Смуглыя тѣла парней выдѣляются издали отъ бѣлыхъ, дѣвичьихъ.

Въ укромномъ уголкѣ берега, гдѣ лѣсъ переходитъ въ мелкую поросль, стоитъ старикъ и удить рыбу. Онъ увидѣлъ насъ раньше, чѣмъ мы его, и теперь, искоса поглядывая на поплавокъ, онъ не менѣе внимательно слѣдитъ за нами. Онъ босой, безъ шапки. Во всей фигурѣ — солидное деревенское благообразіе, какая-то черта, характерная для человѣка, уважающаго себя и привыкшаго къ уваженію.

— Здравствуйте, дѣдушка!

Умные глаза изъ-подъ шапки сѣдыхъ волосъ нѣкоторое время продолжаютъ изучать меня. Потомъ выраженіе ихъ смягчается.

— Миръ дорогой,—отвѣчаетъ онъ.— А вы кто таеи? Что за человекѣи?

— Нижегородскіе.

— Дѣло. На горы наши пришли? Такъ вамъ бы прійти подѣ Владимірску владычицу. Вотъ тогда гоже у насѣ.

— Бываль и на Владимірскую.. Что? каково клюеть?

— Плохо чтой-то. Вотъ дѣнь десятокъ назадъ,—успѣвайт только закидывать. А нонѣ, вишь, и не дернетъ. Что есть—сарожникъ и тотъ не хочеть съ червякомъ побаловаться..

Дѣйствительно, вода не шелохнеть. Тонкія серебряныя колечки охватили стебельки растеній и держать ихъ въ блестящей неподвижной истомѣ. Поплавокъ трудно разыскать глазомъ среди рѣдкаго тонкаго татарника...

— А рыбы здѣсь много?

— Вного *). Рыбно озеро-те наше.* Окунь, лещъ, щука, карась, елецъ, сарожникъ.. Караси-те здоровуціе живутъ. Жи-и-ирные, какъ, все одно, свиньи.

Поплавокъ дрогнулъ. Изъ глубины по водѣ тихо пошли два-три круга. Старикъ потянулъ. Крючокъ задѣлъ за траву. Онъ вытащилъ, внимательно осмотрѣлъ и надѣлъ новаго червяка.

— Заростать стало. За грѣхи-те,—сказалъ онъ, поплеывая на наживку.— Въ старые-те годы не было этого. Хотя бы тебѣ травиночка! Какъ слеза было озеро.. Главное дѣло—слабость. Вотъ! купаться этто не возбраняють. А вѣдь у иного, милый, тѣло-то бываетъ нечистое. Бабы опять, дѣвки.. Отъ женщиновъ-то еще болѣе заростаетъ..

Онъ опять закинулъ удочку и обернулся ко мнѣ съ выраженіемъ гордости:

— А и теперъ еще, слышь,—гдѣ ты эку воду-те найдешь? Погляди: земчугъ! Иглу вотъ тутъ на дно урони, — видно!

Дѣйствительно—вода кристально прозрачна: на днѣ, пока оно не ушло вглубь, — видно все до послѣдней гүлочки.

*) Особенность мѣстнаго говора: вного, вмѣсто много.

Все оно усѣяно „обломомъ“: вѣточки, вѣтви, кое-гдѣ цѣлые стволы слежались плотно другъ съ другомъ и лежать, отчетливые, точно живые. Нигдѣ признаковъ ила, разложенія, гнили.

— А на середкѣ,—говорить рыбакъ съ наивнымъ удивленіемъ,—черно, что ночью. И чудное дѣло, братецъ мой, что за озеро это у насъ. Эгто годовъ можетъ съ пять выѣзжали мы тутъ въ ботничкѣ, лотъ спускали. Саженьяхъ на двадцати стала гиря, нейдетъ. Я ее взялъ этакъ, отряхнулъ. Что жъ ты думаешь: пошла опять и пошла, и пошла. Веревка вся, а дна нѣтъ. Другую навязали. Семдесятъ саженей, а дна все нѣту...

— А правду говорятъ: будто тутъ гдѣ-то есть теченіе?

— Кто знаетъ. Весной эгто въ Люнду, правда, источина невеличка живетъ. А что сказываютъ, будто съ Волгой имѣетъ собченіе, такъ нѣтъ. Не полагаю я этому быть. Потому, видишь ты: надо бы у насъ тогда волжской рыбѣ водиться...

— А ты, милый, нашего лѣтописця читалъ ли?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Читалъ.

— Наплачешься! Правду я говорю?...

— А сами вы, дѣдушка, звонъ слышали?

Онъ постоялъ молча, какъ бы въ нерѣшимости. Потомъ заговорилъ серьезно и вдумчиво:

— А насчетъ звона я тебѣ вотъ бывальщину расскажу, а ты слушай. Я тогда еще мальчикомъ былъ, малымъ, по семнадцатому году. А теперь мнѣ семой десятокъ на исходѣ. Много ли время?.. И работалъ я вонъ тутъ за горой кирпичи на нашего князя, на господина Сибирскаго помѣщика, съ матерью. Прихаживалъ тогда на озеро старичокъ, Кирила Самойловъ. Родомъ изъ села Ковернина. И былъ у него пчельничекъ свой, на пчельникѣ и жилъ; медъ продавалъ и воскъ тоже. Угодный былъ старичокъ. И все хотѣлъ спастися, не хотѣлъ такъ, чтобы на пчельникѣ помирать. И сталъ къ намъ прихаживать „на горы“. Укутаетъ пчелокъ-то на зиму и придетъ. И залѣзетъ въ гору. Даже такъ, что по недѣлямъ живалъ, спасался.

— Значить тутъ пещеры были?

— И-и... Много! Только, конечно, по тайности. Потому что на ту пору уже разгонять принимались. Да встѣ, поди ты: и разгоняли, а все больше нонѣшняго усердія-те было... Я еще помню хорошо: гора вся была ископана, Идешь, бывало, зимнее дѣло: тянется изъ яминки парь или. сказать, дымокъ, и иней кругомъ обтаялъ. Скажи: „Господи, Ісусе Христе сыне Божій, помилуй насъ!“ И сейчасъ изъ яминки рука за милостиной протянется.

— Какъ же они туда проходили?

— Да какъ проходили. Вонъ тамъ, у этого родничка берега стояла. Потомъ свалилась не въ давнее время, лѣтъ, можетъ, десять назадъ. У той березки корень былъ развилистой, такъ подъ тотъ корень на моей память можно было пролѣзть на корячкахъ. Мужикъ тутъ одинъ, посмѣлѣе,— не въ давніе еще года саженъ десять положъ. Сказывалъ: дальше бы можно; кверху пошло, трубой! Да, говорить, страшно: духотина. Ты вонъ, погляди, этотъ берегъ-то какой... Подпрыгни-ка.

Дѣйствительно мы стоимъ на пластѣ, въ родѣ торфяного, который тянется далеко вдоль озера. Я подпрыгнулъ саженья въ двухъ отъ воды,—и по ней тотчасъ пошли круги. Видно, что не берегъ уходитъ въ воду, а наоборотъ вода идетъ подъ пластомъ корней и плотнаго травяного перегноя...

— Да вотъ тутъ гдѣй-то и проходили. Это вотъ еще, лѣтъ можетъ пятокъ, объявился было одинъ. Остатній видно. Забрался было въ гору-те. Жиль.

— Ну, и что же?

— Да что! Не тѣ времена, поштенный. Озорства вного стало. А ему этого не надобно. Ему нуженъ покой. Нонѣшній народъ не сталъ этого понимать. Особенно ребята, молодяжники. Что ты съ ними подѣлаешь. Розыскали отдушинку-те эту самую, сейчасъ — баловать! Онъ, миляга, можетъ, на стояніи, молитву творить—за весь міръ. За всѣ хрестьяны... а они, дураки, сверху-те на него... того... просто тебѣ сказать, озоруютъ... А то разъ выполозъ онъ на свѣтъ Божій рыбы поудить... Что жъ. Это ничего. Дѣло апостольско. Положилъ кошель на берегу, отлучился малое время. А солдатъ

у него кошель и уволоки. На вотъ! Живи ты тутъ съ нами, съ дураками! Не достойны мы! Убрался, сердяга... Гора-те и опустѣла...

— Ну, а что же съ Кирилomъ Самойловымъ?

— Да... Прихаживаль, говорю, молился. А тутъ выгонка пошла, нельзя стало. Ну, онъ бывало придетъ, да къ намъ, схоронится въ сараѣ, пережидаетъ жестокое-те время. А то у матери моей въ амбарушкѣ поживетъ. Мы думаемъ себѣ: что жъ, ничего. Старичокъ и старичокъ. Мало ли ихъ. А онъ вотъ какой старичокъ: сталъ звонъ слышать. Утречкомъ какъ-то спимъ мы, до свѣту еще. Онъ будить: „Вставайте, что вы спите. Тутъ чудеса, Послушайте-ко“. Проснулись мы. — „Слышите ли?“ — Нѣтъ, молъ, Кирила Самойловичъ, ничего не слышать. Только по листу вѣтеръ. — „Какъ это, говоритъ, не слышите. Припади, старуха, къ землѣ“. Мать къ землѣ припала. — „Такъ, говоритъ, въ родѣ шумъ. Деревя сотрясаются, такъ гудятъ: бу-у, да бу-у...“ — „Не древа, говоритъ, маловѣрная. Ухи у тебя заложило. Я вотъ слышу въявь: это у *нигъ* къ заутренѣ вдарили. Слава тебѣ, Владычице, Пресвятая Богородице, святые угодники. Удостоился и я грѣшный...“ Ну, потомъ чаще да чаще... А тамъ уже и видѣть сталъ. Туманъ, говоритъ, на озерѣ-те, а въ туманѣ такъ обозначаетъ, что городъ, и церкви, и княжецки палаты, и монастыри великолѣпные. Самъ говоритъ, а самъ плачетъ, бороденка трясется. Тенерича, говоритъ, надобно мнѣ туда попадать небезпремѣнно. Оттуда уже извѣстно дѣло: представишься въ экой благодати, прямо въ рай... Никакихъ, говоритъ, денегъ не пожалѣю. Вкладъ имъ положу...

— Ну, и что же?

— Пошелъ по народу говоръ: Кирила Самойлычъ звоны слышитъ, невидимый градъ ему открывается. Ушелъ онъ къ себѣ на пчельникъ. Потомъ, слышимъ, продаетъ пчельникъ, продаетъ избу, все имущество, однимъ словомъ порѣшилъ. Пришелъ опять къ намъ. — „Что ты, молъ, Кирила Самойловичъ?“

— Молчите, говоритъ. Скоро за мною придутъ. Попрошаться пришелъ.

„— Куда жъ ты пойдешь? Мы оба поглядѣли.

„— Нельзя вам видѣть, какъ я съ ними отправлюсь. Ваши, говорить, глаза грѣшныя.

„Глядимъ: чудной нашъ Кирила Самойловъ сталъ. Хлѣба не ѣсть, квасу не пьеть, извелся, а ликъ веселый. Разъ этакъ утречкомъ на ранней зорѣ, прокинулся я, вышелъ изъ сараевъ вонъ на тотъ на узгорочекъ. Гляжу, сидитъ Кирила Самойловъ на бережку, съ нимъ двое, въ родѣ монахи, въ клобучкахъ, и у одного бороденка оказываетъ, будто сѣдая, другой черной. И бесѣдуютъ. Черный на озеро рукой кажетъ. Страшно мнѣ стало, такъ что даже въ глазахъ замстило, темная вода пошла. Прокинулся. Нѣтъ никого, только Кирила Самойловъ на горку здымается...“

— Д-да... Вонъ какое дѣло,—продолжалъ онъ съ глубокимъ раздуміемъ.—Послѣ того не въ долгомъ времени пропалъ старичокъ безъ вѣсти. Отъ насъ же и скрылся. Одѣлся напоследокъ чистенько, причесался, умылся, попрощался и нѣту стало. Какъ въ воду канулъ. Нѣту нашего Кирила Самойлова и нѣту. Думали мы: не ушелъ ли какъ раннимъ дѣломъ къ себѣ въ Ковернино. Довелось въ ту сторону побывать, я нарочно и завернулъ. — „Гдѣ моль Кирила Самойловъ у васъ?“ — „Нѣтъ Кирила Самойлова. Пропалъ безъ вѣсти. И на пчельникѣ другой ужъ сидитъ“. Вотъ, поштенный, каки дѣла-то. А?

— Такъ и не объявился послѣ?

— Гдѣ объявиться! Сказывали, положимъ, всяко, да чего самъ не видалъ, такъ что и говорить.

— Нѣтъ, вы все-таки, пожалуйста, скажите.

— Бабка тутъ одна была. Померла давно. Такъ на тую пору аккуратъ корова у ней потерялась. Думала,—вотъ придетъ, а она—ночь, полночь—не идетъ домой. Стало у ней сердце неспокойно, поднялась ночью-те, пошла искать. Нашла въ лѣсу. Тамъ вонъ за горами лѣсъ былъ большой. Погнала это мимо озера, и видитъ: лодочка будто отъ берега отпихнулась и въ лодочкѣ трое. Тихимъ голосомъ стихиру поютъ. Отгѣхали на середину озера. Бултыхнуло будто что-то и скрикнуло. А темно, ночь-те весення, сумрачна. Испужалась она, погнала корову, что есть духу... Говорили: не иначе это Кирила Самойловъ въ Китежъ отправился.

— А можетъ на дно озера, дѣдушка?

— Ну, такъ что,—сказаль онъ холодно, кинувъ на меня спокойно увѣренный взглядъ.— На днѣ тоже самое монастырь. И на самой середкѣ главны ворота... Этакъ же вотъ, какъ ты, и тогда говорили: утопъ Кирила Самойловъ, больше ничего. Начальство выѣзжало, на допросы таскали. Взяли, будто, двухъ какихъ-то въ Семеновѣ...

— И что жъ?

— Да что! Никто знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ. Слѣдуй пожалуй! Ищи! Городской народъ, извѣстно ужъ... До всего доходить.

Опъ смолкъ, и между нами пробѣжала, какъ будто, неуловимая тѣнь отчужденія. Я былъ тоже городской и съ дрожью негодованія видѣлъ мрачное и грубое преступленіе тамъ, гдѣ для него была умиляющая святая тайна. И онъ это чувствовалъ. Черезъ нѣкоторое время, однако, глаза опять смягчились. У него явилась потребность досказать еще что-то.

— Опять же самъ не видалъ. люди баяли. Ъхали на двухъ подводахъ мужики изъ Семенова съ базару. Запоздали... Дѣло ранней весной. Земля-те отпотѣла, туманъ. Лошади сошли съ дороги, къ озеру. Извѣстно скотина; можетъ пить захотѣли. Прокинулись мужики, глядятъ. Надъ озеромъ туманъ столбами ходить, а солнце чуть за горами показывается. И вдругъ, братецъ ты мой, видятъ они: ѣдутъ изъ озера на большой подводѣ монахи не монахи, а въ родѣ того. Диву дались наши мужики: что такое? Монахи незнакомые. Лошади у нихъ большія, сытыя, сами народъ тоже гладкой, ликомъ свѣтлые. И ѣдутъ изъ воды прямо на нихъ, все одно—по дорогѣ... Подѣхали, остановили ихнихъ лошадей, давай хлѣбъ на свою телѣгу перекидывать... Потомъ деньги отдали, честь-честью, до копейки, повернули подводу и опять въ озеро. Только ихъ и видѣли. И слышь ты, что еще. Ты вотъ человекъ городской... Ну, понимай это дѣло, какъ знаешь, а будто и Кирила Самойлова тутъ же видѣли съ ними. А заговорить не посмѣли...

Мы оба помолчали, занятые своими мыслями. И мысли у насъ были разныя. У рассказчика онъ былъ, повидимому,

свѣтлыя и ровныя. Лицо его опять приняло доброе, благожелательное выраженіе.

— Насказаль я тебѣ, проходящій, вного чего. Ты думаешь, можетъ: чего и не бывало. А наше, братъ, мѣсто не простое. Нѣ-ѣтъ... не простое... Тебѣ вотъ кажется: озеро, болотина, горы... А существо тутъ совсѣмъ другое. На этихъ вотъ на горахъ (онъ указаль рукой на холмы) сказываютъ быть церквамъ... Это вонъ, гдѣ часовня, — соборъ у нихъ стоитъ Пречистаго Спаса. А рядомъ на другомъ-те холмѣ — Благовѣщеніе. Тутъ въ стары годы береза стояла, такъ на са-амой, выходитъ, на церковной главѣ.

— Откуда же это-то извѣстно?

— А отъ бѣсноватыхъ, отъ кликушъ. Какъ, бывало, поведутъ которую мимо той березы, сейчасъ онѣ и пойдутъ выкликать: „ой, березка матушка! На церковной главѣ выросла. Помилуй насъ“. Вѣдь ужъ это явственнее дѣло. Чего же болѣе. А тутъ вотъ мочажникомъ самымъ большая дорога у нихъ прошла. Эвонъ, супротивъ овражка промежду взгорьевъ серединой озера. Тутъ другой разъ сѣтями мы задѣваемъ. Такъ это монастырски ворота. И сказываютъ: на столбахъ-те чеши, а на чепяхъ сундукъ съ золотомъ да золотая всякая сосуда запущена... Вотъ, ты и думай себѣ. Мы, грѣшныя, видимъ болотину, да лѣсъ, да озеро. А на самомъ-то дѣлѣ взять: оно оказываетъ совсѣмъ другое... Ой, да что же это я!

По водѣ между татарникомъ уже съ полминуты ходили круги. Мой собесѣдникъ спохватился и торопливо, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ сталъ „водить“ клюнувшую на крючокъ большую рыбу. — Нѣ-тъ... пог-годи! Не уйдешь, миллай, — говорилъ онъ, присѣдая и то натягивая лесу почти горизонтально, то отпуская, то заводя ее изъ стороны въ сторону. Потомъ выпрямился, дернулъ удилицемъ и выхватилъ очень бойкаго порядочной величины окуня. Окунь мелькнулъ по воздуху и, изогнувшись дугой, попалъ въ зеленую траву. Здѣсь онъ опять извивался и прыгалъ, очевидно не желая разставаться со своей призрачной жизнію.

Наконецъ рыбакъ снялъ его съ крючка и положилъ въ стоявшее рядомъ берестяное ведро. Видъ у старика былъ довольный.

Я невольно засмѣялся. Онъ посмотрѣлъ на меня, тоже слегка улыбнулся и спросилъ;

— Чего ты?.. Не надо мной ли, дуракомъ?

— Нѣтъ, дѣдушка. А только подумалось мнѣ чудное...

— А что же, милая?

— Вѣдь озеро-то... Одна видимость?..

— Ну-ну...

— И воды тутъ нѣтъ, а есть дорога и главныя ворота?..

— Это вѣрно.

— Такъ какъ же, вотъ, окунь-то? Выходить, и онъ только видимость.

— Поди ты вотъ... А?—сказалъ онъ съ недоумѣвающей благодушной улыбкой.

И потомъ прибавилъ:—А мы-те, дураки, жаримъ да кушаемъ.

Онъ опять вынулъ окуня, посмотрѣлъ на него, взвѣсилъ на рукѣ и сказалъ:

— Порядочный, гляди. Еще бы парочку этакихъ,—уха!

VI

Мы дружески распрощались.

Солнце уходило за горы все ниже и по всему озеру протянулась прохладная тѣнь. Вмѣстѣ съ нею, повидимому, начался клевъ. Не успѣлъ я отойти нѣсколькихъ саженей, какъ у старика опять мелькнула въ воздухъ новая добыча: большой плоскій лещъ пролетѣлъ дугой и шлепнулся въ траву.

Меня потянуло купаться. Отойдя подальше, чтобы не помѣшать доброму человѣку таскать изъ кажущагося озера несуществующихъ рыбъ, я раздѣлся недалеко отъ кладочки съ привязанной лодкой и съ наслажденіемъ кинулся въ воду. Надо мной спокойное высокое небо. Маленькое золотистое облако таетъ въ румяныхъ отблескахъ. Подо мной—загадочная глубина, бездонная и таинственная.

— Э-эй! Проходящій!—слышу я съ берега чей-то голосъ. Молодой мужикъ, тоже съ удочкой и кошелемъ, стоялъ у самой воды и смотрѣлъ на меня.

— А ну-ко, проплыви еще... Еще маленько... Ну вотъ, въ аккуратъ. Теперь мырни-ко, мырни, да поглубже. Ну-ко-ся..

Мнѣ самому это соблазнительно и, набравъ воздуха, я опускаюсь вертикально въ глубину. Холодно, вода очень плотная. Невольное ощущеніе жути и таинственности... Меня быстро выноситъ опять на поверхность...

Отряхнувшись и открывъ глаза, я прежде всего вижу того же мужика. Уцѣпившись руками за вѣтку прибрежнаго дерева,—онъ весь повисъ надъ водой. Глаза его полны захватывающаго, жаднаго любопытства...

— Ну-ко... еще разъ... Еще разикъ...

Я дѣлаю вторую попытку. На этотъ разъ — удачнѣе и глубже. Вода еще холоднѣе и выжимаетъ кверху, какъ пружина, но все же мнѣ удается нащупать ногой какой-то предметъ. Вѣтка дерева. Она уходитъ изъ-подъ ноги, но тутъ же другая, третья. Какъ будто вершины потонувшаго лѣса... Я вишу между ними на глубинѣ, плотной и темной. Еще усиліе. Звонъ въ ушахъ. Меня быстро выноситъ на поверхность, и я глубоко вздыхаю полною грудью. Молодой рыбакъ опять встрѣчаетъ меня наивнымъ, любопытнымъ, немного испуганнымъ взглядомъ.

— Долго же ты подъ водой-те былъ... Ну, братъ,—говоритъ онъ дружески, когда я выхожу на берегъ:—насынь ты мнѣ вотъ эту лодью золота, чтобы я мырнулъ въ нашемъ озерѣ... Ни за что не мырнулъ бы.

— А меня посылалъ?

— Дѣло твое,—говоритъ онъ стыдливо.

Солнце совсѣмъ сѣло и съ дороги въ село Владимірское я съ трудомъ успѣлъ набросать въ своемъ альбомѣ озерко, горы и вѣнчикъ его деревьевъ. По равнинѣ быстро разливалась тьма, поглощая очертанія. Только тихая Люнда слабо мерцала, извиваясь по болотистой низинкѣ, да клочокъ озера томно отсвѣчивалъ стальной синевою вечерняго неба.

Прощай, Свѣтлояръ. Прощай, таинственное озеро чудесъ и темной вѣры въ призрачное прошлое.

III

Приемышъ

Равнимъ утромъ, почти на зарѣ, когда бѣлый туманъ покрывалъ еще Святое озеро сплошнымъ мягкимъ покровомъ, мы прошли мимо его береговъ, направляясь къ Керженцу.

Въ полдень мы были уже въ большомъ селѣ Быдреевкѣ, и бродили по берегу Керженца, стараясь достать лодку, чтобы спуститься по теченію рѣки къ Волгѣ.

Дѣло оказалось нелегкое. Какой-то бѣлокурый мужикъ увѣрялъ меня, что у него есть чудесная лодка.

— Ужъ я, ваше степенство, знаю, что вамъ надо. Мой ботничекъ въ часъ до неба сомчитъ... Въ сутки — къ Макарью...

Но едва мы усѣлись въ него и отпихнулись отъ берега, — ботникъ заслезился изо всѣхъ щелей, закричѣлъ и тихонько опустился на дно. Къ счастью, катастрофа случилась недалеко отъ берега...

— Недорого и взялъ бы, — съ искрой исчезающей надежды сказалъ мужикъ. — Ботникъ легкой, — сухо закончилъ онъ, пинкомъ ноги придавая ветерану прежнее положеніе на песчаной косѣ. — Лучше этого ботника нигдѣ не достанете...

Въ концѣ концовъ, мы все-таки нашли то, что намъ надо, но для этого пришлось спуститься внизъ по рѣкѣ, откуда уже не было видно ни Быдреевки, ни большого тракта, по которому звенять колокольцы, ни длиннаго моста съ телеграфными столбами.

Времени прошло не мало, когда мы усѣлись въ нашъ корабль, спустившись съ берегового крутояра. Наша лодка тихо двинулась внизъ по теченію, и сразу Керженецъ охватилъ насъ своей тихой, задумчивой и сумрачной красотой.

Рѣка узка... Темная струя несетъ лодку межъ высокими берегами, точно въ глубокой щели. Лучи склоняющагося солнца золотятъ острия верхушки елей на лѣвомъ берегу. На правомъ — ветлы мочатъ въ водѣ свои блѣдно-зеленыя вѣтви. Тихо качаются бѣлыя и желтыя кувшинки, и дальній лай собакъ или одинокій крикъ пѣтуха несется откуда-то изъ невидныхъ съ рѣки деревень...

Я бросилъ весла и только порой направляю лодку, когда она подплываетъ къ ветламъ, и вѣтки бьютъ меня по лицу... Я знаю, что стоитъ мнѣ подняться на высокой берегъ, и я можетъ быть опять увижу Быдреевку, и ея длинный мостъ, по которому тянутся обозы и летаютъ почтовые тройки изъ Семенова на Вятку...

Но здѣсь не видно телеграфныхъ столбовъ, не слышно почтовыхъ колокольчиковъ... Налѣво—въ рѣку заглядываетъ съ яра дремучій лѣсъ, направо—шелестъ идетъ по травѣ, да мать-мачеха хлопаетъ по вѣтру своими блѣдно-зелеными листьями... Снизу они бѣлы, пушисты и мягки, какъ прикосновеніе материнской руки. Сверху зелены и холодны. Это—мачеха...

Солнце сильно склонилось и совсѣмъ исчезло съ рѣки, а лодка все плыла внизъ, не встрѣчая на берегу живого существа... Наконецъ—еще поворотъ и она вышла на широкое плесо. Песчаная коса сильно вдавалась въ теченіе рѣки. На косѣ виднѣлся рыбацкій челнокъ, а у челнока босая дѣвочка лѣтъ восьми возилась съ тяжелымъ для нея весломъ и рыбацкими снарядами.

Я шевельнулъ весломъ, и наша лодка угкнулась въ отмель съ другой стороны...

Дѣвочка повернулась. Ея синіе глаза стали круглые, губы опустились книзу, и весло выпало изъ рукъ.

— Не бойся, умница, — сказалъ я помягче. — Мы тебѣ дурного не сдѣлаемъ. Скажи, какъ поближе пройти въ вашу деревню...

— Э-эвона... деревня-то...

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ изъ-за кустовъ избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернемъ солнцѣ.

— А тебѣ кого?—спросила дѣвочка смѣлке и съ любопытствомъ.

— Да намъ бы вотъ чаю напиться, да можетъ переночевать... Дѣло къ вечеру, а плыть намъ далеко.

— Переночевать?.. Ступай къ Дарьѣ Ивановнѣ.

— А гдѣ она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну развѣ не знаешь?

— Да я здѣсь не бывалъ никогда...

— Ну, не бывалъ, такъ гдѣ тебѣ и знать. Погоди, мужикъ ейный, Дарья Ивановнинъ, тутъ недалече. Тятка, ау! Степанъ Федора-а-ачъ!—крикнула она нараспѣвъ, повернувшись къ рѣкѣ.

— А-а-а-ау!—отозвался откуда-то издалека глухой мужичій голосъ.

— Подъ, Степанъ Федора-а-ачъ, сюда-у!..

Черезъ минуту на берегу показалась фигура мужика, безъ шапки, съ лохматыми волосами, босого и съ грудю сѣтей на спинѣ. Онъ шелъ, опустивъ голову, покачиваясь, будто сонный, и нѣсколько разъ споткнулся на ходу. Дѣвочка смотрѣла на него смѣющимися глазами.

— Вишь, шатаетъ его. Ты, можетъ, подумаешь—пьяный онъ! Нѣтъ, не пьяный, а ночи не спитъ,—все на рѣкѣ, на сѣжѣ, сидитъ—рыбачить. Снялъ у мужиковъ воды въ кортома, вотъ тутъ повыше омутовъ. Мамка, Дарья Ивановна, говоритъ: „не снимай“, а онъ не послушался: „сниму“,—говоритъ. Пять рублей отдалъ. А рыба, слышь, и нейдетъ къ нему... Вотъ онъ и старается...

— Да онъ тебѣ тятка, что ли?—спросилъ я, удивляясь, что она зоветъ мужика то тяткой, то по имени и отчеству.

Дѣвочка не отвѣтила. Въ это время рыбакъ, немолодой, угрюмаго вида, подошелъ уже къ намъ: не скидая сѣтей, онъ остановился, посмотрѣлъ на меня отяжелѣвшими отъ бессонницы глазами и спросилъ:

— Чьи будете?

— Нижегородскій,—отвѣтилъ я.—Мнѣ бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда такъ, за мной.

И онъ пошелъ впередъ, все такъ же спотыкаясь на ходу, будто вотъ-вотъ свалится и заснетъ у тропинки.

— Опять ни одной рыбешки не поймалъ, — сказала дѣвочка. — Мотри, свалишься еще...

Мужикъ промолчалъ. Мы вошли въ улицу небольшой деревюшки. Окна ея смотрѣли на рѣку, а задворки подходили вплотъ къ лѣсной опушкѣ.

„Глухой, медвѣжій уголъ“, — подумалъ я невольно, взглядывая на своего суроваго провожатаго.

Хозяйка Дарья Ивановна встрѣтила насъ, впрочемъ, очень привѣтливо и радушно.

Это была совсѣмъ еще молодая на видъ женщина, съ ласковыми, спокойными приѣмами и добрыми красивыми глазами, въ которыхъ по временамъ, когда она взглядывала на дремотнаго мужика, искрилась лукавая усмѣшка, какъ и у дѣвочки. Степанъ Федорычъ какъ-то уныло усѣлся на лавкѣ и клевалъ носомъ.

— Много ли наловилъ? — спросила хозяйка и переглянулась съ дѣвочкой; обѣ при этомъ улыбнулись. — Эхъ ты, горе-рыбакъ! Слушался бы меня, лучше бы было.

— Говори! — отвѣтилъ Степанъ угрюмо. — Вотъ пойдетъ изъ омутовъ — поспѣвай только вынимать.

— Неужто опять сидѣть станешь всю ночь?

— Пойти, изготовить снасть.

Упрямый мужикъ поднялся и сонно поплелся изъ избы, а хозяйка стала хлопотать около самовара. Дѣвочка помогала матери.

— Дочка-то какъ на тебя похожа, — сказалъ я, — только глаза да волосы посвѣтлѣе.

Женщина какъ-то странно улыбнулась и покраснѣла.

— А старикъ мужъ тебѣ?

Она покраснѣла еще больше, до самыхъ ушей, и даже закрыла лицо широкимъ узорно расшитымъ рукавомъ.

— Мужъ. Да онъ и не старъ еще годами-те противъ меня. Работа да горе!.. Да теперь вотъ суется еще, какъ сонная муха, — почитай, недѣлю не спить: съ рыбой связался... Забота! А пуще всего кручина извела его, какъ сынокъ

у насъ померъ. Двадцатый годъ поидеть съ Филипповокъ, какъ въ сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый годъ?—удивился я, глядя на зардѣвшееся румянцемъ моложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да! Мнѣ вѣдь уже сорокъ два года... Никто не вѣрить... И то еще горе извело. Сколь много слезъ мы пролили... Дѣтей Господь Батюшка больше не далъ.

— А дѣвочка эта?

— То-то вотъ, говоришь ты: „похожа“! А она у меня богоданная, приемышь, — сказала Дарья Ивановна, ласково и какъ-то серьезно глядя рукой бѣлокурую головку прильнувшей къ ней дѣвочки. — Да все меня, дурушка, мамкой зоветь, а у нея вѣдь и родная-то мать жива... Такъ ту, слышь, долго все „чужой тетей“ звала. Насилу я ее, дуручку, выучила. Грѣхъ вѣдь! Вотъ теперь двѣ мамки у нея. Да и у меня она тоже за двухъ: за дочку богоданную, да за сыночка рѣднаго, за Мишаньку...

Она вздохнула, и выраженіе глубокой грусти тихо легло на лицо, смѣняя стыдливый румянецъ. Тонкими пальцами загорѣлой руки она перебирала сборки на рукавѣ прижимавшейся къ ней дѣвочки. Дѣвочка затихла и смотрѣла ей въ лицо снизу вверхъ, какъ будто ждала дальнѣйшаго разсказа про умершаго мальчика. Было что-то глубоко захва-тывающее въ молчаніи матери, посвященномъ любимой тѣни.

— Ужъ и красавчикъ былъ, ужъ и умной, — сказала она, разведя самоваръ и присаживаясь къ столу. — Не я одна скажу, — кто зналъ, всѣ дивились на него. Разговоръ имѣлъ пріятный да степенный, иному взрослому въ пору, да и то еще кто поумнѣе... Право. Бывало, сторонніе люди зайдуть, послушаютъ, такъ только головами качали. Если, молъ, Богъ этому младенцу дозволить въ возрастъ взойти, — увидятъ отъ него родители себѣ-утѣху. Да вишь, Господь-то Батюшка...

Она низко опустила голову и прижала дѣвочку къ груди какъ будто въ томъ мѣстѣ у нея заболѣла старая рана.

— Ему, Батюшкѣ, сказываютъ, самому этакіе нужны... Какъ во гробикъ-то лежалъ, ужъ мы плакали, плакали... Потомъ въ пустой-те избѣ — тоже... Ровно свѣтъ изъ дому навѣкъ ушель... Онъ (мужа она называла въ третьемъ лицѣ) — онъ,

у меня извелся съ той поры,—постарѣлъ, глазами ослабъ... все отъ слезы-те. Днемъ-то, знаешь. стыдно, крѣпится передъ людьми, а ночью и не выдержитъ, и завоетъ... Я за нимъ... Такъ вотъ и шло у насъ все,—плачемъ да тоскуемъ. Ужъ люди и то говорили: „Спокою вы младенцу своему на томъ свѣту не даете; нешто можно этакъ?“ Да что ты подѣлаешь,—вѣтъ сердцу укороту нисколько. Пять годовъ прошло, а легче нѣтъ... Только разъ ночью,—вздremaула я маленько,—слышу, кто-то по избѣ прошелъ... Дунуло на меня, повѣяло чѣмъ-то, стала я ни жива ни мертва. „Миша, родной! Ты, что-ли, это?...“ А сердце-те бьется, что пташка подстрѣлена,—вотъ умру, вотъ умру...

— Я, говоритъ, мамонька. Пришелъ къ тебѣ,— послушай ты меня, что я скажу: не избыть тебѣ грѣшной тоски, не укоротить сердца, не дашь ты и мнѣ спокою-радости, поколь на сердце кого-нибудь не положишь...

— Мишанька, голубчикъ мой, кого жъ мнѣ на сердце положить,—нѣтъ тебя, ненагляднаго соколика... До конца вѣку не избыть мнѣ горяшка...—Сама плачу, руками тянусь, а въ избѣ никогошенько не вижу. Услышалъ тутъ онъ у меня.

— Дарья, съ кѣмъ, молъ, баешь?—Рассказала я ему: „вотъ съ кѣмъ я баяла, Степанъ Федорычъ“.

— Молись, говоритъ, Богу... Видно и впрямь грѣшно этакъ-то...

На утро стали мы вспоминать да умою раскидывать. Видно, молъ, надо пріемыша взять,—къ тому рѣчь была Мишенькина, ни къ чему болѣ. По первоначалу-то будто противно подумать, ровно чужому Мишанькино добро отдавать. Потомъ свыклась. Только все съ *нимъ* согласу не было. Онъ говоритъ: „мальчика взять“, а я и думать не могу. Ему-то, вишь, лестно, что помощникъ будетъ, а мнѣ какъ вспомнится Миша, такъ всѣ парни опротивѣютъ. Гдѣ же этакому другому быть, какъ онъ былъ! Только сквернословіе да непочтеніе,—на это ихъ возьми. Такъ и шло у насъ все: все примѣриваемъ, да споримъ, да толкуемъ.

Да, вишь, привелъ Богъ, по-моему вышло. Видно по Мишанькиному заступленію помиловалъ насъ Господь Батюшка... Это за рѣкой, въ деревнюшкѣ, принесла дѣвка

младенца... Согрѣшила, бѣдная, да ужъ и муки же приняла: въ семействѣ и прежде у нихъ неладно было,—мачеха лютая и то со свѣту сживала, а тутъ—и-и, Боже мой!—чего натерпѣлась дѣвонька моя. Извѣстно, мачехи-те рѣдко хорошія живутъ. По-настоящему-то разсудить, такъ, можетъ, и тотъ дѣвкинъ грѣхъ мачехѣ замаливать надо. Потому что—первое дѣло: ейное несмотрѣніе, второе дѣло: иная дѣвка отъ незгодья отъ одного, дома-то свѣту-радости не видя, на грѣхъ пойдетъ. Тоже вѣдь—живой человекъ, тоже ласки захочетъ. Ну, и повѣритъ наша сестра другому подлецу. А тамъ и плачь всю жизнь, проклинай свою дѣвичью долю, непокрытую, а онъ, хахалышко, извѣстно, другую дуру обманываетъ...

Такъ вотъ и съ ней. Принесла ребеночка,—мачеха съ глазъ долой согнала. Въ чужихъ людяхъ жить, самъ знаешь, съ ребенкомъ-те маята, да еще всѣ смѣются, да ото всѣхъ безчестье да попречи... Бьется, бѣдная, бьется, до того, говоритъ, добилась, что взять младенца на руки да въ омутъ головой и съ ребенкомъ-те.

Только женщина ей попалась одна изъ нашего села и научила. „Вотъ что, говоритъ: Степанъ у насъ Федоровъ съ Дарьей Ивановной больно объ сынѣ тоскуютъ. Попытай имъ отдать младенца. Ежели, говоритъ, судилъ ей Богъ“ судьбу, то не иначе, что у нихъ судьба эта находится...

Ну, вотъ уѣхалъ мой Степанъ Федоровъ въ дѣсь, одна я ноченьку ночевала, одна-одинешенька съ тоской со своей... Лежу на палатяхъ,—спать не сплю, все думаю. Только слышу—мимо избы прошелъ кто-то. Слушаю-послушаю, нѣтъ будто никого. Да вдругъ кто-то въ оконце стукнулъ разъ и другой. Подошла я къ окну,—ночь лунная, ясная, на травѣ каждая тебѣ росинка видна, а подъ окномъ никого...

Упало у меня сердце, отошла я отъ окна—къ стѣнкѣ прислонилась. Вдругъ рука опять, да по стеклу тихонечко стукъ-стукъ. Я къ окну—гляжу: у стѣнки кто-то жметъ, хоронится. Присѣла я на лавку,—Господи, что такое? А сердце-то колотится... Ну вотъ, ровно въ ту ночь, когда Мишанька приходилъ. Встала я, перекрестилась и говорю:

— Кто тутъ хоронится? Выходите, коли добрые люди!

Выходить тутъ перво-на-перво наша деревенская етарушка къ окну. „Не бойся, говорить, Дарья, не съ худымъ пришли“. А та все жметя.. И вижу я—у той полотенчикомъ на груди ребеночекъ подвязанъ... Господи Батюшка! Потемнѣло у меня въ глазахъ, ноженъки задрожали, руками за лавку держусь,—а то бы упала. Вспомнила свою Мишаньку... Думаю: вотъ она, судьба, ко мнѣ идетъ. За мужъ шла,—гдѣ тебѣ: далеко эакого страху не было.

Подошла наша женщина къ окну. „Пусти, говорить, Ивановна“.

— Пошто, говорю, васъ ночь-полночь въ избу пускать?.. Ну, да сама все-таки дверь отворяю, огня не вздуваючи,—только мѣсяць полный въ окна свѣтитъ. Переступили онѣ порогъ, а я стою передъ ней, передъ дѣвкой-то, ни жива, ни мертва, ровно казнить-миловать она меня пришла. И стыдно-то мнѣ, и страшно-то, и боюсь: ну, вдругъ возьметъ да уйдетъ она отъ меня? А младенецъ-то сшить у ней въ полотенчикѣ—не слышитъ...

Ну, женщина наша и говорить ей: „Кланяйся, дѣвка, въ ноги...“ Поклонилась она мнѣ въ ноги да у ногъ ребеночка положила, припала къ нему, плачетъ. Подняла я ее, ребеночка принимаю; горитъ у меня въ рукахъ, не знаю—братъ, не знаю—не братъ... И она-то... сама отдаетъ, сама держитъ... и обѣ мы плачемъ...

Охъ, и помню я, добрые люди, ту ноченьку мѣсячную, не забыть мнѣ ея будетъ до конца моей жизни...

На зарѣ ушли онѣ; обмыла я дитю, обрядила. Свою рубаху тотчасъ перешила, уложила ребенка въ корзиночку.. Сижу, жду его, Степана-то моего Федоровича. И опять мнѣ, молодой, стыдъ, да боязно, да заботушка. Ровно, вотъ, безъ мужа ребенка принесла, право. Вижу: прѣхалъ, идетъ къ крыльцу,—я не встрѣчаю, не привѣчаю—сижу на лавкѣ. Вошелъ онъ въ избу,—ребенокъ какъ разъ и скричи..

— Это, молъ, что такое?

— Это, мальчика, говорю, Богъ тебѣ послалъ, Степанъ Федорычъ...

Поди вотъ! и зачѣмъ солгала передъ нимъ—не знаю, не вѣдаю. А ужъ гдѣ тутъ обмануть,—на минуту одну не об-

манешь: и рубашонка-то по-женски надвое сшита. Подошелъ онъ къ корзинкѣ, поглядѣлъ...

— Какой это мальчикъ! Дѣвочку взяла...

Больше ничего не сказалъ...

Она опять замолчала, тихо улыбаясь при воспоминаніи о своемъ Степанѣ Ѳедоровичѣ, котораго она переупрямила и хотѣла еще обмануть. Мнѣ вспомнилось суровое лицо хозяина, и теперь оно показалось мнѣ гораздо пріятнѣе.

— Мамка,—тихо спросила дѣвочка, отводя лицо отъ ея груди.

— Что, Марьюшка?

— Что-жъ ты не баешь. Это я была дѣвочка-то?

— Ты, ты и была, глупая. Ужъ который разъ спрашиваетъ... Никакой ты ей сказки не сказывай, а все одно... Не переслушаетъ... А ужъ и горя-те, и маяты-те что я съ тобой приняла! Просто не приведи Создатель. Хворая была, да скверная, да вся въ струпьяхъ, да все крикомъ кричить, бывало, отъ зари до зари. Сердце все, что есть, изболѣло у меня съ нею. Ночь бьешься-бьешься, силушки нѣту. „Изведешься ты у меня, Дарья, говорить, бывало, Степанъ-то Ѳедорычъ. Не позволяю тебѣ, говорить, этакъ-то изводиться. Завтра же носи ее къ матери“. Ну, тутъ ужъ я молчу, не поперечу. А день придетъ, я опять: „подождемъ еще, что будетъ, что Господь дастъ“. Онъ у меня отходчивъ—Степанъ-то Ѳедорычъ—и махнетъ рукой.

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывалъ мнѣ послѣ старичокъ одинъ—умный старикъ: „Это, говорить, ты такъ понимай, что Господь Батюшка въ болѣзняхъ младенца милость къ тебѣ являлъ. Нешто чужая дѣвочка стала бы тебѣ за родного сына, котораго ты подъ сердцемъ носила, ежели бы не переболѣло у тебя изъ-за нея все сердечушко-то заново...“

Пожалуй и правда это: я ее въ утробѣ не носила, грудью не кормила, такъ зато слезой изошла да сердцемъ переболѣла. Оттого иная и мать не любить такъ, что я ее, пріемыша свою, люблю. Это хворь по дѣтямъ ходила, ударило и ее у меня этой хворью. Ужъ я плакала-плакала... „Господи Батюшка!—думаю себѣ,—и отколь у меня столь

много слезъ за нее, откуда только льется ихъ такая сила...“

Она смолкла... Дѣвочка тянулась къ ней съ улыбкой баловницы-дочери. За окномъ чирикала какая-то вечерняя пташка, и, казалось, послѣдній лучъ солнца медлилъ уходить изъ избы, золотя бѣлокурую голову ребенка, заливая яркимъ багрянцемъ раскраснѣвшееся лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себѣ новое материнство. . . . .

Въ сѣняхъ слышались медлительные шаги Степана Федоровича. Онъ вошелъ въ избу и остановился на порогѣ.

— Самоваръ-то, гляди, у тебя убѣжалъ. Эхъ вы,—хозяйки... Собирай, что ли, на столъ...

Дарья вскочила и, все еще взволнованная своимъ разговоромъ, принялась накрывать на столъ...

IV

На сѣжѣ

Когда мы кончили ужинать, уже стемнѣло. Степанъ сталъ собираться на рѣку.

— Не возьмешь ли и меня съ собой,—предложилъ я.

Степанъ остановился вполоборота и сказалъ:

— Скучишься, поди, надъ водой-то сидѣть... Тоже и сыро... Ночи, пуцай, теплыя живутъ...

— Сходи, милый, ничего,—сказала Дарья.—А холодно станеть, ты скажи: онъ тебя на берегъ доставить... Надо, видно, тебѣ и сѣжи наши поглядѣть... Я такъ вотъ и о сю пору не знаю, чего они тамъ дѣлають... Погляжу съ берега: сидитъ на серединѣ рѣки, да носомъ клюеть... А рыба по дну ходить себѣ...

Степанъ ничего не отвѣтилъ на новый уколъ, и мы вышли...

Черезъ нѣсколько минутъ ботникъ доставилъ насъ на середину рѣки, къ сѣжѣ.

Рѣка перегорожена отъ одного берега до другого. На серединѣ оставленъ единственный проходъ для рыбы, и надъ нимъ устроена сѣжа: на четырехъ высокихъ жердяхъ мостокъ и на немъ лавочка.

Мы взобрались на это сѣдалище, и Степанъ тихо, чтобы не тревожить обитателей черной глубины, загораживаетъ ворота широкой частью сѣти въ формѣ широкаго длиннаго мѣшка. Края этой сѣти надѣты на четыре песта: два вертикальныхъ закалываются по сторонамъ воротъ; изъ двухъ горизонтальныхъ одинъ опускается на дно, другой остается на поверхности.

— Тише тецера... Не шевелись,—шепчетъ мнѣ Степанъ.

Онъ собираетъ рукавъ сѣти, изловчается, взмахиваетъ рукой... Сѣть съ шипящимъ звукомъ падаетъ на темную рѣку. Сначала видно, какъ она, бѣляя ячейками, уплываетъ по теченію; потомъ будто чья-то невидимая рука схватила ее и потянула въ глубину...

Послѣ этого Степанъ собралъ въ лѣвую руку множество нитей, идущихъ отъ нижняго шеста, лежащаго на днѣ рѣки. Эти нити тянутся со дна, загоразживая все пространство воротъ, и напоминаютъ вожжи, взнуздавшія черную глубину. Когда Степанъ черезъ нѣкоторое время передалъ ихъ мнѣ, тщательно разложивъ ихъ на кисти моей руки такимъ образомъ, что я чувствовалъ каждую нитку отдѣльно, то онѣ тихо заиграли у меня въ рукѣ, какъ струны... Сразу установилась какая-то связь съ глубиной. Нити трепетали, вздрагивали, подергивались, точно кто-то невидимый въ глубинѣ игралъ на нихъ, какъ на струнахъ... Нервы невольно напрягались... Хотѣлось не шевелиться, говорить какъ можно тише.

— Дергается,—сказалъ я...—Много... Точно идетъ стая...

— Нѣ,—спокойно отвѣтилъ Степанъ.—Это вода плыветъ, да еще сарожникъ балуетъ... Мелкота. Крупная рыба та тебѣ баловать не станетъ. Вотъ, когда услышишь—потянетъ бокомъ легонько, ровно смычкомъ по струнѣ, ну тогда лещъ или щука прошла. Тогда тащимъ мы нижній шестъ кверху,—тутъ она... Лещъ—онъ простякъ; поидетъ, такъ ужъ и идетъ. А вотъ щука или наипаче жерехъ—съ тѣмъ мудрено: поидетъ биться, поидетъ путлять, сѣть что есть изорветъ... Эка громадина бултыхнулась, прости Господи... Дай-ко сюда!

За нами что-то грузно, даже какъ будто со вздохомъ, шлепнулось въ воду, и невидимые въ темнотѣ круги тихо закачали шесты съ мостками. Степанъ оглянулся и покачалъ головой.

— Сними-ко картузь, Владимиръ: вишь даже въ водѣ бѣлѣетъ, пожалуй забойтся онъ... Не жерехъ ли это, гляди, изъ омута пошелъ...

Я снимаю картузь, который дѣйствительно мерцалъ слабымъ пятномъ въ таинственной обители простяковъ лещей

и хитрыхъ жереховъ. Самъ Степанъ сидитъ нѣсколько минутъ темный, незамѣтный, и чутко дремлетъ, съ своими странными вожжами въ рукъ.

— Не дастъ ли Господь дождика?—говоритъ онъ вдругъ радостно, подымая лицо навстрѣчу проснувшемуся свѣжему вѣтру.

Двѣ стѣны лѣса по обѣ стороны рѣки дѣйствительно зашептали о чемъ-то, осинки лопочуть быстро и тревожно, между тѣмъ какъ ели только качаютъ острыми верхушками, но шума отъ нихъ еще не слышно. Степанъ наставилъ ухо, насторожился и смотритъ съ ожиданіемъ на темное небо, гдѣ звѣзды неясно мерцаютъ въ сыромъ воздухѣ.

Легкое, свѣтлое, даже какъ-то слишкомъ свѣтлое облачко остановилось въ зенитѣ, надъ самой рѣкой. Цѣлая рать такихъ же тучекъ толпится за гребнемъ, выглядывая изъ за лѣса...

Этотъ вѣтеръ, заговорившій съ дремавшими осинами, будить надежду, что наконецъ моленія сельскихъ церквей по всему лицу этой умирающей отъ жажды страны услышаны кѣмъ-то въ далекой вышинѣ, и свѣтлый рой облачковъ, толпящихся за верхушками елей, кажется только авангардомъ, повинующимся таинственной командѣ.

И ночь оживаетъ, вся проникаясь смысломъ и волей отъ этого страстнаго человѣческаго ожиданія...

Но рѣка молчитъ... Жерехъ изъ омута не проявляетъ никакихъ опредѣленныхъ намѣреній.

— Послушай, Степанъ,—спрашиваю я, чтобы прогнать дремоту,—ты вотъ тутъ сидишь по ночамъ, надъ водой, близъ омута. Неужто не видалъ ничего этакого?

— Нежити? Нѣ... Богъ миловаль, не видалъ никогда.—Степанъ слегка зѣваетъ.—Въ прежнія времена водилось ихъ тутъ много... всякихъ. А теперь, видишь ты: жилья больше, церкви тоже понастроены,—въ лѣса онъ подальше ушелъ, такъ мы считаемъ...

Онъ тихо смѣется.

— Это недѣли съ двѣ испужался я-таки... дѣйствительно-что, порядкомъ струсиль... этакъ же вотъ на сѣжѣ сидѣлъ... На селѣ первые пѣтухи еще не скричали. Только

слышу—по лѣсу на той сторонѣ шумъ и сучья трещать; да шумъ, скажу тебѣ, бойкой, такъ и ломить... Что, думаю, за притча?.. Потомъ стихло. И вдругъ, гляжу: ходитъ черное, здоровенное по берегу, надъ омутомъ. Вижу—ходитъ а что именно—не могу разглядѣть, потому темно подъ лѣсомъ-те. Вдругъ—бултыхъ въ воду, въ самую омутину. Глянулъ я на воду, на свѣтлое-то мѣсто,—и обомлѣлъ: плыветъ тебѣ по рѣкѣ рогатой, да и рога-те каки-то страшные! Съ нами крестная сила! Перекрестился, протеръ глаза-те. Что ты думаешь?.. Лось! Да еще не одинъ, а два. Другой на берегу остался, повернулся ко мнѣ, вытянулъ морду, да что-то скричалъ товарищу. Вотъ вѣдь скажу тебѣ, Владиміръ,—вовсе на рѣчь похоже, только словъ не поймешь. Ну, думаю, что будетъ... Такъ я понимаю, что обо мнѣ они. Тотъ выплылъ на берегъ, на песокъ, подошелъ къ сѣжѣ къ самой, смотреть съ берега на меня. Самецъ видно: по-смѣлѣе, а она боится. Говорилъ онъ ей, говорилъ: дескать, ничего, не бойся ты этого мужика. Вишь онъ на сѣжѣ сидитъ. Потомъ ударилъ копытомъ—опять назадъ, къ товарищу. Значить, она дура, все боится. Извѣстно, баба. Заробѣла. Плыветъ онъ по рѣкѣ, а я думаю: ну-ко онъ подойдетъ подъ сѣжу-то да рогами и толканетъ. Жерди не больно чтобъ крѣпкія,—чебурахнусь я въ воду, стопчетъ онъ меня... Нѣтъ. Поговорили, посовѣтовались другъ съ дружкой... какъ ударятъ опять по лѣсу!.. Охо-хо... И ударили по лѣсу-те, братецъ мой... и пошли они...

Пока онъ засыпающимъ голосомъ продолжаетъ рассказъ о своихъ ночныхъ посѣтителяхъ, дремота, качавшаяся на летучихъ крыльяхъ надъ моей головой, спускается ниже... На сѣжѣ, надъ рѣкой, водворяется сонъ. Степанъ смолкъ и слушаетъ только руками... До меня доносится таинственный шопотъ лѣса... Ему придаетъ особенную важность то, что онъ одинъ говоритъ среди общаго молчанія... Его шорохъ навѣваетъ какія-то сумрачно-странныя фантазіи. Кто-то будто тихо плыветъ въ глубинѣ, подкрадываясь къ намъ... Шипя поднимаются изъ воды чудовищныя лапы... Качаются мостки. Вода закипаетъ и вздымается кверху, доски подомной качаются, опрокидываются, въ голову что-то стучить,

сердце колотится въ груди, — и я лечу въ темную бездну...

— Держи, держи!.. Вишь, подлець, вишь, подлець, чего дѣлаеть... Ахъ, ты, Господи! Подержи шесть, Владиміръ... Шесть подержи!

Я открываю глаза. Вода дѣйствительно кипитъ подо мной, мостки дѣйствительно качаются... Степанъ торопливо передаетъ мнѣ шесть и быстро спускается въ лодку. Сѣтъ шипитъ, вьется въ водѣ, и кто-то усиленно дергаетъ шесть изъ моихъ рукъ.

— Чего дѣлаеть!.. Нѣтъ, чего дѣлаеть, Господи Боже! — говоритъ Степанъ почти съ испугомъ. — Завьеть сѣтъ за корягу, все-ѣ изорветъ. Нѣ-ѣтъ, погоди, нѣ-ѣтъ, шалишь!..

Подо мной начинается суетливая возня. Степанъ уже въ лодкѣ и его ботничекъ, узкій и востроносый, извивается надъ водой точно хвостъ водяного чудовища. Самъ Степанъ говоритъ сдавленнымъ голосомъ, кому-то грозитъ и кого-то ловитъ, суясь чуть не по самыя плечи въ воду.

— Ту-у-утъ, — произноситъ онъ наконецъ окончательно умирающимъ голосомъ. — Волоки потихонечку сѣтъ-то къ себѣ, Владиміръ. Такъ... потише. Ну и боець, ну и боець!.. Настоящій Александра Маркидонъ, право Александра Маркидонъ!

Изъ воды, поблескивая въ темнотѣ извивающимся туловищемъ, появляется самъ Маркидонъ, огромный жерехъ, съ выпученными глазами. Счастливый Степанъ продолжаетъ бесѣдовать съ нимъ, но уже самымъ дружескимъ тономъ.

— Ма-аладчина! Прямо тридцать фунтовъ считай... Маленько ты меня, братецъ, и самого-то въ воду не утянулъ... Да нѣтъ, — ты боець, да и Степанъ молодець. Ну-ко, ну-ко въ мѣшокъ полѣзай...

Боець глупо взглядываетъ на свѣтъ Божій своими стоячими глазами, еще разъ взмахиваетъ хвостомъ и исчезаетъ въ мѣшкѣ.

Дремаль я, должно быть, не долго: бѣлое облачко, глядѣвшее съ зенита, все еще заглядываетъ на насъ, зацѣпившись за черную зубчатую линію берегового лѣса, ме-

жду тѣмъ какъ за нимъ, толпясь и погоняя переднихъ, ползуть остальные.

— Будетъ ли дождикъ, дастъ ли Господь?—говоритъ Степанъ крестясь и опять усаживаясь на сѣжѣ... Эти слова остаются въ моей памяти, какъ послѣднее впечатлѣнiе первой ночи, проведенной мною на Керженцѣ. Я укладываюсь кое-какъ на неудобныхъ мосткахъ... Подо мною плещетъ глубина, таинственная, черная, бездонная... А просыпаясь отъ чуткой дремоты, я вижу надъ собой фигуру Степана. Она огромна, высится надъ лѣсами и головой уходитъ въ фосфорическiя облака, которыя толпятся все гуще.. Въ рукахъ у Степана вожжи, на которыхъ онъ держитъ рѣвку..

Потомъ все смѣшивается, и я ничего не вижу и не слышу. . . . .

— Ну-ко, проснись, Владимиръ... Солнце, гляди-ко, здымается... Ну-ко-ся... А мнѣ Богъ счастья послалъ...

Я просыпаюсь... Слегка хмурое утро... Лѣсъ стоитъ весь черный, грузный... Степанъ въ ботникѣ тянется на цыпочки и дергаетъ меня за ногу... На берегу Дарья Ивановна съ дѣвочкой развѣшиваютъ сѣть, и на отмели въ большомъ мѣшкѣ что-то трепыхается бойко и густо.

— Вставай, вставай, Владимиръ, —весело говоритъ Дарья Ивановна.—Ты вотъ спалъ на сѣжѣ, а Богъ на твое счастье вишь чего послалъ...

Степанъ вялой походкой идетъ къ дому, неся на плечѣ рыбу... Онъ великодушенъ и не выказываетъ торжества... Марюшка бѣжитъ сзади, поддерживая конецъ мѣшка...

Только дожда ночью все-таки не было...

По Керженцу—„Городинка“

Изъ Покровскаго мы отправились рано въ дальнѣйшій путь.

Утро туманное, сѣренькое. Въ воздухѣ свѣжо и сыро; синеватая мгла стелется надъ водой, ютится въ темной чащѣ лѣса. На рѣкѣ кое-гдѣ расплываются круги отъ рѣдкихъ капель дождя, который лотошитъ также по широкимъ листамъ елошника (ольхи) и осины. По временамъ вся поверхность рѣки закипаетъ отъ частыхъ капель, но не надолго.

— Ну, прощайте-ко, дай Богъ въ часъ добрый,—говоритъ Степанъ, сталкивая нашу лодку. Вся семья вышла провожать насъ на берегъ.

— Вамъ дай Богъ дождя.

— Дай Господи... Вишь ты, вѣтеръ и не дыхнетъ. Знать не даромъ облачно сдѣлалъ Господь: можетъ будемъ съ дождемъ. Это вамъ въ Мериновѣ перетаскивать додку придется, мельница тамъ...

Черезъ часъ мы плывемъ по пустой рѣкѣ, и Покровское давно исчезло за первой излучиной. Небо все хмурится, лѣсъ начинаетъ шумѣть, вѣтеръ нѣтъ-нѣтъ и закачаетъ его вершины. Порывы его все чаще. Видно, надеждамъ Степана все-таки не суждено сбыться!

Керженецъ вѣтся, точно змѣя. Ни вчера, ни сегодня мнѣ не попадалось еще ни одной прямой и длинной водной аллеики, какими мы любовались порой даже на извилистой Ветлугѣ, когда рѣка кажется улицей, а далекая встрѣчная лодка точно виситъ въ воздухѣ.

Здѣсь передъ глазами небольшой kloкъ воды. Впереди.

не улица, а водный тупикъ. Сзади тоже. И всюду сомкнулся лёсъ, сурово тѣсня и взгляды, и воображеніе. За мысомъ— новая излучина. За ней—новый мысъ... Въ памяти остается впечатлѣніе какого-то сгущающагося сумрака, задумчивой суровости, непрощенныхъ воспоминаній... Есть что-то аскетическое въ пустынной лёсной раскольничьей рѣкѣ...

Шумъ мельницы. Впереди виднѣются открытые шлюзы съ кипящимъ и бушующимъ порогомъ. Изъ-за стога сѣна, невдалекѣ отъ мельницы, появляется удивленная мужицкая фигура. На наши вопросы, онъ рекомендуетъ попробовать переправиться прямо черезъ порогъ шлюзовъ и, съ разинутымъ ртомъ, съ удивленными глазами, слѣдуетъ за вами по берегу, глядя, какъ насъ подхватываетъ быстрое теченіе. Мельница несется намъ навстрѣчу, лодка летитъ на гребнѣ струи, стучить дномъ на порогѣ; носъ виснетъ на воздухѣ, перевѣшивается, корма поднимается, лодка зачерпываетъ бортами, и въ нѣсколько секундъ—мельница за нами.

Впереди Мериново, глухая деревушка на самомъ берегу. На пескѣ какая-то баба бучить бѣлье, для чего съ помощью здоровенныхъ корягъ, наваленныхъ въ кучу, развела громадное огнище, дымъ отъ котораго далеко тянется надъ лёсомъ.

Къ намъ она обращена спиной. Куча деревенскихъ ребятъ уже замѣтили насъ и отчаянно кричатъ ей что-то и машутъ руками. Баба оглядывается и остается съ поднятымъ валькомъ въ рукѣ, точно окаменѣлая...

— Какая это деревня?—спрашиваю по возможности кротко, когда наша лодка поровнялась съ нею...

— Ме...Мериново это,—выдавливаетъ она изъ себя едва слышный отвѣтъ.

— А это у васъ чей домъ?—указываю я новую постройку...—Купецкой что-ли?

— Каки купцы у насъ,—торопливо отвѣчаетъ она...—Нѣту купцовъ... Бѣднѣйшій народъ у насъ, ваше благородіе...

Она тревожно оживаетъ.

— Бѣднота все, просто непокрытая бѣднота... Каки у насъ богачи! Нѣту... Да вамъ кого? Что вы за люди будете?

Она опасливо подходит къ берегу, съ тревожнымъ вниманіемъ оглядывая наши фигуры... Изъ-за плетней на насъ смотрятъ широко открытые глаза деревенской дѣтвора, готовой вспорхнуть всей стаей при первомъ нашемъ подозрительномъ движеніи. Съ косогора самая избы, кажется, пугливо щурятся, безпомощныя и робкія... Едва мы отѣхали нѣсколько саженой, какъ баба пріобрѣла способность движенія и быстро пустилась въ гору,—сообщить деревнѣ о подозрительномъ нашествіи. На одномъ изъ моихъ племянниковъ—кадетская фуражка съ краснымъ околышемъ, и это, очевидно, еще усиливаетъ тревогу... „Старая вѣра“ подозрительна... Конечно, не безъ основанія...

Обогнувъ мысокъ, мы плывемъ дальше, оставляя за собой на берегу цѣлую группу изъ ребятишекъ и бабъ, тревожно слѣдящихъ за нами.

Теченіе выровнялось. Передъ нами одинъ изъ рѣдкихъ на Керженцѣ прямыхъ плесовъ,—узкій, длинный, съ высокими берегами, поросшими лѣсомъ. Въ концѣ этой аллеики обращаетъ вниманіе одинъ холмъ, покрытый сильно разросшимся лѣсомъ. Дубы, сосны и ольхи, буйно поднявшись, переросли на полдерева растительность сосѣднихъ холмовъ, точно косматый вихоръ на плохо причесанной буйной головушкѣ!

Чѣмъ ближе подвигается къ холму наша лодка, тѣмъ онъ кажется страннѣе...

Я останавливаю лодку у противоположнаго берега и внимательно приглядываюсь.

Круглая вершина съ короной могучихъ деревьевъ обвѣдена плетнемъ, чуть мелькающимъ между кустами. На крутыхъ бокахъ холма я замѣчаю узкую тропочку. Она осторожно вьется по глинистымъ обрывамъ, робко скрываясь въ зелени, такъ что отсюда, съ рѣки, видны только небольшіе кусочки этой тропинки. За оврагомъ, на ближайшемъ къ намъ обрывѣ, зяетъ въ глини что-то въ родѣ пещерки, надъ которой громадный пенъ протянулъ кверху скрюченные и очевидно недавно вырванные изъ земли чудовищные корни.. Раскиданная земля, изрытое и обезображенное мѣсто указываютъ на то, что это гигантское кор-

чище уступило не безъ долгой борьбы... Между его лапами видна темная дыра... Какъ будто входъ въ землянку...

Все это живѣйшимъ образомъ возбуждаетъ мое любопытство, и я направляю лодку къ берегу у подножія дикаго холма. Но берегъ—неприступная болотина. Мы долгиемъ среди заросли устье тропинки, которая, очевидно, должна же гдѣ-нибудь спуститься къ рѣчкѣ. Наконецъ, я нахожу мѣсто, гдѣ она, по теченію, осторожно сходитъ на воду, будто нарочно замаскированная осокой и кочкарникомъ. Съ кочки на кочку выбираюсь я на сухое мѣсто и иду по тропинкѣ. На полугорѣ она убѣгаетъ вдругъ подъ низко нависшія и густо переплетенныя вѣтки нѣсколькихъ молодыхъ елокъ...

Я остановился озадаченный. Если бы не то, что на тропкѣ видѣлись недавніе еще слѣды, можно было бы подумать, что дорожка только частями уцѣлѣла съ давнихъ лѣтъ, и что съ тѣхъ поръ надъ ней успѣли вырасти эти елки. Но слѣды исчезали подъ ихъ вѣтвями, и потому я храбро пустился дальше, насильно проталкиваясь сквозь гущу. Вѣтки уступали легче, чѣмъ можно было ожидать по ихъ гущинѣ.

Наконецъ, я на круглой вершинѣ... Перелѣзаю черезъ плетень и раздвигаю за нимъ кусты.

Передо мною старинное, мрачное кладбище...

Теперь я понимаю, почему деревья на этомъ холмѣ разрослись такъ буйно. Могилы стоятъ необыкновенно густо, почва удобрялась поколѣньями...

Но—къ чему эти очевидныя старанія скрыть тропинку замаскировать мертвыхъ. Здѣсь я не видѣлъ ни воротъ съ крестомъ, ни подъѣздной дороги. Очевидно новыхъ жильцовъ сюда проносятъ по такимъ же неудобнымъ тропкамъ, скрываясь, можетъ быть ночью?.. Или это кладбище давно уже закрыто и брошено?

Нѣтъ... Вотъ одна могила, очевидно еще довольно свѣжая, пріютилась подъ лапами старой ели... Тихо... Сумрачно... Солнце едва проникаетъ сквозь густыя вѣтви... Какой-то особый аромат—сухихъ листьевъ смолы и еще чего-то томящаго и загадочнаго—стоитъ въ неподвижномъ воздухѣ...

Вѣтеръ не можетъ проникнуть подъ этотъ шатеръ... Порою только онъ протянется высоко по густымъ вершинамъ, сорвегъ съ сосны отяжелѣвшую шишку... Или пожелтѣвшій отъ засухи листокъ упадетъ на землю, тихо поворачиваясь на лету.

И опять ненарушимая тишь...

Большіе, грузные, приземистые кресты дремлютъ, покосившись къ землѣ. Всѣ они старые, всѣ осьмиконечные, всѣ покрыты лишаями и мохомъ до такой степени, что у нѣкоторыхъ самая форма креста исчезла подъ длинными, зеленовато-сѣдыми лохмами.

Въ особенности одинъ крестъ привлекаетъ невольное вниманіе своимъ страннымъ, суровымъ, почти страшнымъ видомъ. Въ этомъ зеленомъ полусумракѣ, гдѣ рѣдкіе лучи, прорываясь сквозь темную зелень, только еще болѣе скрадываютъ очертанія предметовъ,— онъ напоминаетъ гоголевскаго Вія... Такъ и чудится что-то притаившееся, мрачное... Такъ и кажется, что приподымутся сейчасъ чьи-то тяжело нависшія вѣки, выглянутъ откуда-то мертвые взгляды...

А среди крестовъ, въ тѣснотѣ жмутся еще безвѣстныя, скромныя могилы, надъ которыми торчатъ только шести съ зарубками...

Съ тяжелымъ чувствомъ пошелъ я назадъ... Очевидно, это раскольничье кладбище: страшный лохматый холмикъ и эти дикія деревья—осѣнили могилы людей, которые нѣкогда стремились въ лѣса со своими темными, но страстными вѣрованіями. Старыя привычки живутъ долго... Нѣтъ уже прежнихъ гоненій, дома живыхъ уже стоятъ на виду, на свѣтлыхъ полянахъ, давно расчищенныхъ изъ-подъ лѣса, но жилища мертвыхъ—все еще ютятся въ дикой чащѣ, ревниво скрывая свои слѣды...

Когда, раздумывая такимъ образомъ, я вступилъ опять на пугливую тропинку,— передо мной, за далью рѣчного плеса, открылся яръ съ расположенными на немъ избушками Меринова. Оттуда замѣтили мои разысканія, и часть берега, видная отсюда, походила на растревоженный муравейникъ, съ толпящимися на дальнемъ берегу фигурами бабъ и ребятшекъ.

Это обстоятельство заставило меня отказаться отъ новой экскурсії за оврагъ, къ вывороченному пню и пещерѣ. Я спустился въ лодку и поплылъ далѣе, надѣясь у кого-нибудь найти объясненіе тайны этого мѣста...

Плывемъ опять между пустынными берегами... Часа черезъ два надъ нами проносятся избы деревни Взвоза. Тутъ насъ провожаютъ менѣе враждебными, но не менѣе удивленными взглядами, и вскорѣ опять—пустыня... Остроконечныя ели рисуются темными зубчатыми вершинами, еще болѣе омрачая берега... Русло рѣки темно, но плёсы теперь прямѣе. Керженецъ становится все красивѣе, но вмѣстѣ и угрюмѣе, печальнѣе.

Въ одной изъ тихихъ заводей мы натыкаемся на человеческое существо. Подъ самымъ берегомъ пріютился ботничекъ. Въ немъ, вытянувъ босыя ноги, сидитъ старикъ съ удочкой. Онъ дѣлаетъ видъ, что занятъ только поплавкомъ, но въ сущности его взглядъ съ тревожнымъ неудовольствіемъ слѣдитъ за нашей лодкой. Лицо старика какъ-то болѣзненно-красно; сквозь лохмотья сквозитъ голое тѣло. Въ ботникѣ, на скамьяхъ уложены какіе-то коробка и разное мелкое имущество: чайникъ, зазубренная чашка, котелокъ; въ коробѣ, подъ неплотно-прикрытою крышкою виднѣется какая-то рвань. Очевидно, этотъ оборванный старикъ весь тутъ, въ этомъ ботничкѣ, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

— Здравствуйте...

Онъ усиленно вглядывается въ свой поплавокъ, дѣлая видъ, что не слышитъ привѣтствія, но глаза его исподлобья, какъ чуткіе звѣрьки, слѣдятъ за нашими веслами. Видимо онъ ожидаетъ, что насъ тотчасъ же пронесетъ мимо.

Но я рѣшаю во что бы то ни стало узнать у него что-нибудь о таинственномъ кладбищѣ. Мое весло вспѣниваетъ воду, и лодка причаливаетъ къ берегу рядомъ съ его ботникомъ.

— Здравствуйте, — повторяю я свое привѣтствіе и, не ожидая отвѣта, спрашиваю:

— Далеко ли тутъ поворотъ къ Оленевскому скиту?

— Далече...

И старикъ закидываетъ свою удочку на другую сторону.

— А сами вы откуда?... Не изъ Меринова?

— Изъ Звозу...

Однако черезъ нѣкоторое время разговоръ все-таки завязывается, а затѣмъ нѣсколько кусковъ сахару окончательно смягчаютъ его, и отношенія становятся болѣе откровенными...

— Вы вѣрно изъ солдатъ?—спрашиваю я...

— Изъ нихъ... — отвѣчаетъ онъ опять не очень охотно.

— А зачѣмъ это у васъ тутъ столько припасовъ... Звозъ вѣдь совсѣмъ недалеко... А тутъ на недѣлю...

— Не изъ Звозу я... зря сказалъ вамъ. Бездомный я человекъ, неприютный. Тутъ у меня весь пожитокъ, тутъ и домъ, ваше степенство. Недѣли по три и дыму изъ трубы не вижу... все на рѣкѣ, все на ей, матушкѣ, нахожуся...

— И хорошо?

— Хорошо, ваше степенство...

Болѣзненное лицо озаряется дѣтской улыбкой.

— Теперь-то, вотъ, видишь ты... главное дѣло, соловья уже нѣту. А весной,—вотъ когда хорошо здѣсь: всякая тебѣ птица поетъ. Которая начинается съ утра, которая въ день, которая по зорямъ... Весной больно хорошо это жить. Истинно благодать на рѣкѣ, ваше степенство.

И на землистомъ лицѣ пробивается что-то дѣтское, почти счастливое...

— А зимой?

Слабый лучъ въ его глазахъ угасаетъ...

— Чтожъ... Зимой... Зимой кой-какъ въ Семеновѣ околачиваюсь... Не чаешь весны дождаться...

Онъ надѣваетъ на крючокъ новаго червяка и говорить глухо:

— Простуженный я человекъ, ваше степенство. Хворый человекъ. Мнѣ по міру ходить—тру-удно... Ну, рѣка-матушка кормить... И кускомъ не попрекаетъ... Сытъ ли, голодень ли, все отъ нее... Ну, и опять—воздухъ вольный... Птица тебя утѣшаетъ... Зори господни свѣтятъ... Такъ и живу... Гдѣ причалилъ ботвичекъ, тутъ и домъ... Дождь пойдетъ,—выволокъ ладью на берегъ, прикрылся...

Онъ посмотрѣлъ вдоль плеса, и опять лицо его осветилось...

— Вся рѣка моя... Подамся кверху,—спущуся книзу... Никто не препятствуетъ... Тутъ меня знаютъ... Выѣду весной,—встрѣчаютъ:—„Что моль, дядя Ахрамѣй,—живъ еще, не окачурился?“... Ну, моль, зиму прожилъ,—лѣтъ мое...

— Скажите мнѣ, дядя Вахрамѣй, что это тутъ пониже Меринова на горкѣ?..

— Что такое? Чему тутъ быть?.. А, знаю, про что ты это... Это у нихъ называемая Городинка... Кладбища ихняя...

Онъ опять шлепнулъ поплавромъ и сказалъ, помахивая головой и улыбаясь:

— Раскольники...

И, понизивъ голосъ, какъ будто кто насъ можетъ услышать, онъ наклонился ко мнѣ съ своей лодки.

— Злы-ы-е... Въ пальцахъ божество разбираютъ... Ну, мое тутъ не дѣло. Мое дѣло сторона... Переночеваль когда, покормятъ,—ладно, а нѣтъ, и на томъ спасибо. Помру,—хороните, гдѣ схочете... Все одно лежать-то...

Онъ опять тихонько засмѣялся...

— Недавно наѣзжали тутъ начальники... Попъ тутъ у нихъ былъ, бѣглый... Захватили его... Давно моль добирались... Ну хоронился по скитамъ да по лѣсамъ... Теперь схватили...

И помолчавъ, онъ прибавилъ спокойно:

— Издаля на Городинку хорониться прѣзжаютъ... Съ Волги, отъ Козьмы-Дамьяна, изъ Городца... Да, да... Городинка это у нихъ... Кладбища... Прощайте-ко... Поплыву въ деревню. Кумъ тутъ у меня, старичокъ... Червяковъ обѣщаль накопать. Вишь сухмень какая... Червякъ весь въ землю ушелъ.

Онъ тихо тронулъ послушную лодку, отплылъ нѣсколько саженой и вдругъ повернулся ко мнѣ.

— А въ Оленевскій скитъ я васъ научу, какъ попасть: увидите вы на рѣкѣ старые столбы,—мельница была когда-то, еще до разоренія. Тутъ, поблизь шуму,—тропочка въ лѣсъ побѣжала. Ступайте этой тропочкой все, минуя дорогъ... Версты двѣ до скита, не больше. Кочетá поють у нихъ, у стариць-те.

Онъ улыбнулся, точно воспоминаніе о кочетахъ доста-

вляло ему особенное удовольствіе, и, опять отъѣхавъ нѣсколько саженой, вновь повернулъ блаженно и глуповато улыбающееся лицо:

— Пониже Сѣнохты-рѣки. Недоѣзжая шуму... Кочетѣ, кочетѣ поютъ!..

Черезъ нѣсколько минутъ его лодка виснетъ темнымъ пятнышкомъ на синей полосѣ рѣки между отраженіемъ темныхъ береговыхъ лѣсовъ...

А навстрѣчу попадаетъ другая.

Мужикъ, повидимому изъ Вазова, перестаетъ грести, отчего его лодочка идетъ нѣкоторое время по теченію рядомъ съ нашей, — и съ любопытствомъ осматриваетъ насъ.

— Съ Ахрамѣемъ нашимъ бесѣдовали? — говоритъ онъ благодушно.

— А онъ развѣ вашъ?

— Семеновской, а ужъ такъ, слово говорится... Да, пожалуй, нашъ и есть. Съ весны къ намъ все заявляется, — прибавляетъ онъ, снисходительно улыбаясь. — Поудить, да полежить на песочкѣ, опять поудить да опять полежить. Такъ все время и провождаетъ... иной разъ, когда клѣву нѣтъ, — до того доудится, что вовсе оголодаетъ. Сутки по двѣ не ѣвши живаль, ей-Богу... А чтобы попросить, — это въ рѣдкость...

— А вреда не дѣлаетъ никакого?

— Ка-акой вредъ отъ него! Огонекъ когда разведетъ, такъ и то на песочкѣ, отъ лѣсу-то подальше. Нѣтъ, — отъ другихъ можетъ бывало, а отъ этого старика мы не видали худого...

— А что это у васъ тутъ на холмѣ, пониже деревни? Кладбище старое?..

— Да, кладбища... — сухо отвѣчаетъ онъ, и его весло опускается въ воду. Черезъ двѣ-три минуты его лодочка тоже виснетъ въ синемъ пространствѣ межъ темными полосами берега...

По Керженцу—Въ Оленевскомъ скиту и у
„единовѣрцевъ“

I

Мы плывемъ долго. Солнце давно перекочевало изъ-за лѣсовъ лѣваго берега за лѣса праваго. Какая-то рѣчка съ правой стороны. Вѣроятно, Санохта... Еще рѣчка Чернуха. А вотъ и „шумъ“... Керженецъ круто поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ влѣво, обмывая бурнымъ теченіемъ старые, сгнившіе столбы, напирая на поперечныя коряги и наполняя это пустынное мѣсто такимъ шумомъ, грохотомъ и плескомъ, точно старая скитская мельница, давно исчезнувшая со свѣта, все еще работаетъ своими валами, колесами и жерновами. Опять нашу лодку взмываетъ, кидаетъ бортами на столбы, ворочаетъ, крутитъ, подымаетъ и, наконецъ, выноситъ къ крутой песчаной насыпи, бѣлой, какъ снѣгъ, и покрытой по гребню широкими листьями мать-мачехи. Высокія сосны, съ прямыми стволами, перехваченными огненно-красными просвѣтами, спокойно отражаютъ этотъ шумъ своими густыми вершинами...

Я смотрю на часы. Шесть. Солнце мигаетъ довольно низко сквозь зелень лѣса, въ воздухѣ чувствуется охлажденіе, и брызги отъ „шума“, переходя въ легкій туманъ, тянутся холодною лентой подъ тѣнью обрывистыхъ береговъ. Перспектива ночевки на берегу, въ нашихъ болѣе чѣмъ легкихъ одеждахъ, не представляется особенно пріятной. Надо бы доплыть къ ночи до деревни. Но я не могу отказать себѣ въ желаніи кинуть хотя бы поверхностный взглядъ на умирающій Оленевскій скитъ. Къ тому же у меня мель-

каеть надежда, что, быть может, оленевскія старицы предложать странникамъ гостепрѣимство. Поэтому я оставляю мальчиковъ у лодки, гдѣ они тотчасъ же ложатся и почти мгновенно засыпають, а самъ углубляюсь въ борь...

Узкая, едва замѣтная тропинка. Иду долго межъ прямыхъ, какъ свѣчки, высокихъ сосенъ. „Шумъ“ давно стихъ за мною, и лишь порою пробѣгаетъ по лѣсу какое-то чуждое ему бормотаніе... Дорожки сходятся и расходятся, сплетаясь свѣткой.

Видно, когда-то было здѣсь больше движенія; тропы къ скиту тоже отмирають постепенно и затягиваются молодою лѣсною порослью...

Я прислушиваюсь,—не услышу ли кочетовъ, о которыхъ такъ настойчиво твердилъ Ахрамѣй. Но всюду тихо. Тонкіе, прямые стволы уходятъ вдаль, мелькая одни за другими беспорядочной колоннадой. Заяцъ выскочилъ въ нѣсколькихъ шагахъ и усѣлся на дорожкѣ, наставивъ уши и глядя своими удивленными круглыми глазами на неизвѣстнаго пришельца. При моемъ приближеніи онъ опять побѣжалъ, тихо, не торопясь, смѣшно подкидывая задомъ. Затѣмъ опять повернулся и опять встрѣчаетъ меня любопытнымъ взглядомъ. Этотъ маневръ повторялся нѣсколько разъ, и наконецъ, оскорбленный моимъ настойчивымъ преслѣдованіемъ, онъ стрѣлой пустился въ чащу.

Шуршаніе колесъ и легкое потрескиваніе телѣги. Встрѣчный мужикъ не особенно охотно, и видимо взвѣсивая слова, указалъ мнѣ дорогу. Затѣмъ онъ долго смотритъ мнѣ вслѣдъ, пока я не скрываюсь между стволами.

Минуть черезъ двадцать я увидѣлъ огороженное ржаное поле, и затѣмъ передо мною открылась широкая поляна. Большія, но старыя, печальнаго вида избы жмутся кругомъ у лѣса, оставляя въ серединѣ широкой пустырь. Не вдалекѣ, за геродьбой, пахарь понукаетъ свою лошадь, проводя борозду быть можетъ на мѣстѣ прежнихъ зданій.

Невдалекѣ купа печальныхъ березъ и осинъ осѣняетъ убогое кладбище; кругомъ земля изрыта. Должно быть на этомъ мѣстѣ стояла когда-то моленная... Кладбище имѣетъ видъ запущенный и печальный. Лучшій крестъ покосился

и грозитъ паденіемъ, надпись на немъ окончательно стерлась, а другія могилы представляютъ безпорядочныя кучки, наваленныя изъ глины, изрытыя и обезображенныя дождями...

Когда я оглянулся кругомъ,—пахарь куда-то исчезъ, и скитъ казался дѣйствительно вымершимъ. Тѣнь отъ лѣса легла по всей полянѣ, покрывая и какъ-то стушевывая скитскія избы. Деревья кладбища тихо шептали мнѣ какую-то непонятную повѣсть...

Осмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что за мной и моими движеніями слѣдятъ двѣ пары глазъ. Съ одной стороны изъ-за дальняго плетня высунулась голова женщины въ темномъ платкѣ, надѣтомъ по-скитски въ роспускъ. Замѣтивъ, что я обратилъ на нее вниманіе, она тотчасъ же скрылась. Съ другой, поближе, торчала надъ плетнемъ голова мужика, съ черной шапкой волосъ и съ живыми маленькими глазами. Я прямо направился къ нему и рѣшительно взялъ его въ плѣчь, отрѣзавъ отступленіе.

Это былъ крѣпкій мужчина, лѣтъ сорока, черный какъ жукъ, съ выдавшимися мясистыми скулами, между которыми утопали въ густой заросли маленькій носъ и красныя губы. Глаза его, тоже маленькіе, но очень блестящіе, выражали какое-то особенное смиреніе или, вѣрнѣе, боязливость, смѣшанную съ недоброжелательствомъ и, пожалуй, презрѣніемъ.

— Ну?—спросилъ онъ, вмѣсто привѣтствія, неохотно выйдя изъ-за плетня.

— Здравствуйте.

— Ну?—повторилъ онъ такъ же непривѣтливо, почти враждебно.

— Это Оленевскій скитъ?

— Это... — Онъ пронизалъ меня острымъ взглядомъ съ головы до ногъ и прибавилъ:

— Нонѣ скитовъ ужъ нѣтъ. Унистожены. Крестьяне мы нищемся. А вы чьи будете? Нижегородской?.. Такъ. Вамъ къ старцами-те можетъ быть, такъ вотъ дорога, пожалуйста. Версть будетъ 15.

„Къ старцами“—это значить въ Керженскій монастырь, измѣнившій древнему благочестію и приставшій къ едино-вѣрью.

— Нѣтъ, мнѣ надо на-рѣку, тамъ у меня лодка ждетъ.

— Лодка-а... А въ лодкѣ-те кто?

— Товарищи.

— Такъ...

Маленькіе глазки сверлятъ меня, стараясь насквозь проникнуть мои намѣренія.

— А здѣсь кого вамъ надо, въ скиту-те?

— Просто зашелъ посмотрѣть.

— Насчетъ чего болѣе? Чего у насъ смотрѣть?.. Смотрѣть у насъ нечего будто...

— Да такъ, любопытно... Вы не безпокойтесь. Ничего мнѣ не нужно, и пришелъ я безъ всякаго дѣла. Думалъ, можетъ быть... переночевать старицы пустятъ... До ночлега плыть еще долго.

Онъ еще разъ оглядываетъ меня и повидимому становится нѣсколько спокойнѣе... Но намекъ насчетъ ночлега остается безъ отвѣта.

— Много у васъ старицъ еще?—спрашиваю я опять.

— Старицъ-то? Мало. Прежде много было, теперь примерли... А новыхъ-те нѣтъ, не идутъ...

— Не дозволено?

— Чего не дозволено?.. Земля на насъ писана... Можемъ мы дарить, кому похотимъ.

Онъ потупился и потомъ сказалъ угрюмо и печально:

— Усердія мало. Нѣтъ въ новѣшнемъ народѣ усердія. Старики помираютъ, молодые не идутъ... Не надо имъ...

Мы оба помолчали и кажется думали объ одномъ и томъ же. „Усердія мало“...—этотъ мотивъ я часто слышалъ отъ многихъ людей стариннаго обряда на Волгѣ.

И теперь, на скитскомъ пепелищѣ, онъ прозвучалъ какъ-то особенно выразительно... Умираетъ исконная, старая Русь.. Русь древляго благочестія, Русь потѣмнѣвшихъ ликовъ, Русь старыхъ направленныхъ книгъ, Русь скитовъ и пустыннаго житія, Русь старой буквы и стараго обряда, Русь, полная отвращенія къ новшествамъ и басурманской наукѣ... Умираетъ старая Русь, такъ стойко державшаяся своимъ фанатическимъ усердіемъ противъ не менѣе фанатическаго утѣсненія... Теперь она умираетъ тихою смертью,

подъ широкимъ вѣянiемъ иного духа... Гоненiя она выдержала. Не можетъ выдержать равнодушiя...

Вѣроятно мысли моего чернаго собесѣдника были недалеки отъ моихъ. Онъ тоже стоялъ, задумчиво глядя на поляну, на которой вѣтеръ колыхалъ сухую траву,—и эта молчаливая минута какъ будто нѣсколько сблизила насъ...

— Это все,—сказалъ онъ, тряхнувъ шапкой черныхъ волосъ,—это все жилье было крутомъ. А нынѣ пустырь. Вонъ пашню я распахалъ... Тоже избы стояли. А мы помремъ, можетъ и пахать будетъ некому,—лѣсъ опять поростетъ...

— А вы „разоренiе“ помните?

— Мальчонкомъ былъ. Много лѣтъ дѣлу-то этому.

— Мельниковъ?

— Онъ.

И опять наши взгляды молчаливо скользятъ по рытвинамъ, поросшимъ травой, и вѣянiе смерти особенно ясно чувствуется мнѣ на этой полянѣ, съ оголеннымъ кладбищемъ въ серединѣ. Казалось, даже въ тихомъ и протяжномъ звонѣ лѣса слышится похоронный напѣвъ: по блаженномъ успевiи вѣчный покой...

Мой собесѣдникъ вывелъ меня изъ задумчивости:

— Пожалуйте,—сказалъ онъ.—Я укажу дорогу. Вамъ, говорите, къ рѣкѣ?

Я оставилъ мысли о ночлегѣ въ скитѣ. Мнѣ надо было прiѣхать сюда съ колокольцами или прiйти съ старой формулой древле-благочестиваго привѣта... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ скитъ встрѣтилъ бы меня радушно,—какъ сильнаго врага или какъ союзника... Но я не пришелъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Я принесъ съ собой только наблюдательность, и скитъ холодно замыкался передо мной, быть можетъ, чувствуя во мнѣ именно то, новое, третье, которое идетъ на старую вѣру... И „быша послѣдняя горше первыхъ“.

Очень можетъ быть, что ничего подобнаго и не было въ умѣ моего собесѣдника, но таково было мое ощущенiе. Указавъ мнѣ дорогу, онъ вернулся опять къ своей лошади и сталъ доканчивать борозду. А я остановился на краю полянки и залюбовался тихой печальной картиной. Если бы

я былъ живописцемъ, я непременно изобразилъ бы эту поляну, съ сиротливыми избами, эти вечернія тѣни густого лѣса, эти послѣдніе лучи солнца, тихо умирающіе на березкахъ кладбища... И черныи мужикъ, угрюмый и печальный, склонясь надъ сохой, проводилъ бы борозду за бороздой, заравнивая собственной рукой мѣсто, гдѣ нѣкогда жила и процвѣтала его вѣра...

Когда я выбрался, наконецъ, на песчаный холмикъ надъ Керженцемъ, рѣка совсѣмъ похолодѣла и только по самымъ высокимъ вершинамъ бора еще скользили, уходя на покой, красноватые отблески солнца. Мальчики крѣпко спали на пескѣ и долго не могли притти въ себя, глядя съ удивленіемъ на рѣку, на пороги старой мельницы, на тихо шумѣвшія сосны...

Я пустилъ лодку по теченію и смотрѣлъ, какъ мимо меня уплывали назадъ спящіе берега, лѣса, пески и отмели, какъ вверху загорались одна за другой звѣзды, и холодный туманъ тянулся поперекъ русла, играя фантастическими отблесками звѣздныхъ лучей. Откуда-то издали и какъ будто сзади доносился лай собаки, заглушаемый шорохомъ лѣса. Это вѣроятно въ большомъ селѣ Хахалахъ, которое было обозначено на моей картѣ. Еще далеко... Особенно для нашей лодки, связанной съ причудливыми изгибами темнаго керженецкаго русла...

Мои юноши устали за день и теперь спали на двѣ лодки, которая продолжала тихо нестись надъ черной глубиной рѣки... Вдругъ лодка затрепетала, точно кто-то со дна подбросилъ ее кверху, и накренилась. Одинъ изъ мальчиковъ проснулся, приподнялся и сказалъ соннымъ голосомъ:

— Благодарю васъ. Я не хочу чаю. Дайте мнѣ, пожалуйста, одѣяло...

Но никто не предлагалъ сѣдному юношѣ ни чаю, ни одѣяла... Цѣлый лѣсъ вѣтвей, корней, стволовъ тянулся къ намъ со всѣхъ сторонъ, толкая и кидая лодку въ разныя стороны. Впереди, на поворотѣ сомкнулись темныя елки, сзади слабо свѣтился просвѣтъ пройденнаго плѣса, бѣлѣли

береговые пески, а кругомъ, изломанныя, корявыя, кривыя, видѣлись, точно гигантскія щупальца спрутовъ, вѣтки утопленниковъ деревьевъ. Рѣка казалась особенно угрюмой и сознательно враждебной, въ родѣ кошмарнаго сна. Чтобы опять вернуться къ дѣйствительности, предлагавшей ему и чаю и одѣяло,—юноша упалъ на дно лодки и захрапѣлъ, а я сталъ съ трудомъ выбираться изъ каршей, чтобы вернуться къ только-что пройденнымъ пескамъ. Плыть въ такой темнотѣ дальше не было никакой возможности...

Въ эту ночь, какъ я узналъ впослѣдствіи, термометръ въ первый еще разъ въ это лѣто упалъ до 10 градусовъ. Песокъ отсырѣлъ; туманъ, сгущаясь, быстро бѣжалъ по рѣкѣ, какъ будто торопясь куда-то,—и мглістые, смутновьющіеся клубы его исчезали въ темной кривулѣ, откуда я сейчасъ выбрался. Я усталъ, мнѣ было холодно, скучно, тоскливо на пустой отмели, и зрѣлище этого бѣга туманныхъ призраковъ еще усиливало эту тоску...

Съ помощью топора, которымъ я запасся еще въ началѣ пути, я срубилъ двѣ сухостойныя осинки, вытащилъ ихъ изъ чащи и не безъ труда развелъ на берегу порядочный костеръ... Кое-какъ, то и дѣло просыпаясь отъ холода и сырости, мы провели на берегу Керженца эту первую за лѣто холодную, почти осеннюю ночь.

Раннее утро... Туманъ, скрывавшій даже близкій лѣсъ противоположнаго берега, совершенно поглотилъ солнце. На травѣ и кустахъ—бѣлая роса, какъ иней... Нашъ костеръ погасъ, и только бѣлая струйка дыма тянулась къ рѣкѣ. Мои спутники глядѣли хмуро, и у всѣхъ насъ была одна мысль: ближайшее село, Хахалы, является послѣднимъ пунктомъ, гдѣ еще можно нанять лошадей до Нижняго. А тамъ—трудно сказать, сколько еще дней усталости и такихъ же пріятныхъ ночлеговъ ждутъ насъ въ самой пустынной части Керженца, пока мы доплывемъ до цивилизованной Волги. Я вспомнилъ свои недавнія размышленія о торныхъ дорогахъ и о романтической прелести „пустынныхъ мѣстъ“—и долженъ былъ согласиться, что торные пути имѣютъ тоже свои преимущества...

Въ 11 часовъ солнце сіяло во всемъ блескѣ, рѣка свер-

кала, и послѣдняя сырость наиболѣе закрытыхъ полянокъ курилась, исчезая въ лучахъ яркаго солнца, когда мы подплывали къ Хахаламъ.

Большое село, растянувшееся длинной линіей домовъ на высокому, дугой зачерченному берегу Керженца. Оно соединено прямой и удобной дорогой съ Нижнимъ. Здѣсь живетъ казенный лѣсничій, съ которымъ мнѣ совѣтоваль повидаться А. С. Гацискій, и на берегу мы увидѣли дамскій зонтикъ. Мы реставрировали свою ладью, нѣсколько пострадавшую на каршахъ, отдохнули и уже не думали о прямой дорогѣ на Нижній.

Въ три часа—мимо нашей лодочки потянулись опять пустынные берега, причудливые изгибы рѣки. Одни облака, проплывая въ пространствѣ между гребнями лѣса, напоминаютъ о томъ, что есть гдѣ-то широкій разнообразный міръ, кромѣ этой узенькой щели, по которой мы несемъ, слушая плескъ воды и тихіе шорохи лѣса...

II

Одинъ за другимъ нѣсколько ударовъ колокола, сорвавшись съ пустого, какъ намъ казалось, берега, пали неожиданно на рѣку и понеслись по лѣсамъ. Въ то же время верхушка колокольни показалась надъ обрывомъ, изъ-за порѣдѣвшей зелени...

Передъ нами былъ керженскій единовѣрческій монастырь.

Можетъ быть, это объясняется неожиданностью, пустынностью обстановки, аккомпаниментомъ лѣснаго шороха, смутными образами минувшаго раскольничьяго житія, вѣтавшими надъ этими мѣстами, но только мнѣ показалось, что никогда еще я не слыхалъ подобнаго звона. Чистый, высокій, онъ звенѣлъ какъ-то особенно тихо и будто осторожно. Точно пробираясь на склонѣ дня по лѣсамъ, по вѣтроломамъ и чащамъ, онъ бережно разыскивалъ кого-то, кого-то звалъ и вмѣстѣ избѣгалъ чужого, враждебнаго слуха. „Раскольничій колоколь“,—подумалъ я невольно. Правда, колокольный звонъ былъ воспрещенъ въ скитахъ и замѣ-

нялся клепальемъ. Клепали въ малое древо, въ большое древо, да въ чугунное клепало... Но, очевидно, трудно было вовсе отказаться отъ мѣднаго звона, и дѣйствительно, по объясненію иноковъ керженской обители, колоколь, прозвѣнѣвшій намъ навстрѣчу надъ тихой рѣкой, висѣлъ когда-то на колокольнѣ Комаровскаго скита и осторожно позванивалъ въ глуши лѣсовъ даже во времена лютыхъ гоненій... „Старая вѣра“ знала секретъ укрощенія всякой лютой *)...

Пришли времена разоренія, исчезли скиты: погибъ первоначальный Шарпанъ, родовитый—Улангеръ,—и не осталось отъ нихъ бревна на бревнѣ; погибло Оленево, Чернуха, Комарово. Стѣны раскатаны, расточено имущество, конфискованы святыни, вѣрныя разсланы и разсѣялись...

А нѣкоторые вняли призыву „новой прелести“. Новое вѣяніе терпимости къ обрядовымъ различіямъ, какъ вѣтеръ, подхватывающій зерно на гумнѣ, захватилъ и выдѣлилъ изъ раскольничьей массы людей, склонившихся къ „единовѣрію“. Изъ этихъ-то представителей вѣроисповѣднаго компромисса,—„хромцовъ на обѣ плеснѣ“, какъ называютъ ихъ старообрядцы, образовалась обитель на берегу Керженца и съ ея колокольни звонитъ непокорный нѣкогда раскольничій, а нынѣ „обращенный“ или вѣрнѣе—плѣнный колоколь.

И керженскіе лѣса безучастно внимаютъ этому звону. Развѣ гдѣ-нибудь въ чащѣ, пробираясь зарастающей скитской тропой, оставшаяся попрежнему вѣрной древлему благочестію, вздохнетъ чья-нибудь старая грудь, да сухая рука съ дуперстнымъ сложеніемъ подыметя не то для молитвы, не то съ угрозой.

.....

Двѣ бабы,—жницы монастырскаго хлѣба,—мирно плескались въ водѣ у парома. Увидѣвъ нашу лодку, выплывшую изъ-за песчаной отмели, онѣ сначала нѣсколько растерялись, но затѣмъ, очевидно сочтя нужнымъ отдать нѣкоторую дань стыдливости, вышли обѣ на плотъ, гдѣ въ это

*) Мельниковъ, у котораго въ книгѣ „Въ лѣсахъ“ есть очень картинное описаніе деревяннаго скитскаго звона, ничего не говоритъ объ этомъ колоколѣ

время какой-то бѣлецъ въ подрясникѣ черпалъ ведеркомъ воду. Но такъ какъ наша лодка пристала къ тому же парому, то стыдливость вынуждена была ограничиться этой болѣе чѣмъ скудною данью, и обѣ наяды спокойно приняли участіе въ нашихъ переговорахъ съ бѣльцомъ, одна—стоя по колѣни въ водѣ, другая—сидя на корточкахъ и высунувъ голову изъ-подъ наскоро надѣтой рубахи.

— Можно посмотрѣть монастырь и напиться гдѣ-нибудь чаю?

— Монастырь-отъ?.. чаю-те?..

Онъ поставилъ ведерко, приподнялъ старую скуфейку и почесалъ голову.

— А вы чѣе будете?

— Нижегородскіе...

— Самоваръ у отца Евгенія есть,—сказала одна изъ бабъ.

— Да онъ не по ягоды ли подралъ?—усомнилась другая.

— Молчите вы, бабы!.. Подите, а вы, вонъ той тропочкой, мимо хлѣбовъ, къ монастырю. А я впередъ забѣгу. Самоваръ есть, какъ не быть самовару...

— Да вонъ и самъ Евгеній тащитца,—примолвила одна изъ купальщицъ, успѣвшихъ уже облачиться, между тѣмъ какъ мы доставали изъ лодки свои котомки.

Дѣйствительно, по берегу навстрѣчу намъ подвигалась высокая, сгорбленная фигура. Отецъ Евгеній шелъ босикомъ, въ бѣлой, длинной рубахѣ, ничѣмъ не подпоясанной, въ бѣлыхъ короткихъ портахъ, оставлявшихъ на виду босыя, мозолистыя ноги. На головѣ у него была старенькая скуфейка, на груди висѣлъ четырехугольный шелковый платъ съ надписью славянскими буквами: „Азь язвы Господа моего ношу на тѣлѣ моемъ“. Безъ этихъ принадлежностей очень трудно было бы въ этой простой мужицкой фигурѣ признать іеромонаха. Онъ оглядѣлъ насъ своими старыми глазами и радушно пригласилъ слѣдовать за собой къ отцу Стахію *), отъ котораго, за отъѣздомъ настоятеля, зависѣло показать намъ достопримѣчательности обители.

*) Имена въ этомъ очеркѣ вымышленны

Въ небольшомъ домикѣ, съ липами у крыльца, мы застали отца Стахія въ скуфьѣ и полумантии, собиравшагося къ вечернѣ. Лицо его было очень красно, восгаленные глаза какъ-то слезились и вообще выражали страданіе...

— Хворь у насъ,—сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, охрипшимъ голосомъ,—всѣхъ переворочала; просто ни въ живыхъ, ни въ мертвыхъ. Я-то вотъ хоть на ногахъ нахожуся... А прочіе старцы въ лѣжку лежали. Бѣды!.. Монастырь осмотрѣть?..

Онъ смущенно посмотрѣлъ на насъ и на отца Евгенія и сказалъ нерѣшительно:

— Можно, можно... Настоятеля-те нѣту, онъ бы вамъ все показалъ... Что жъ, посмотрите, пожалуй... Небогата обитель наша... пожалуй, можно такъ сказать, что и смотрѣть-то нечего...

Мутные глаза отца Стахія усталились въ меня какъ будто съ надеждой: быть можетъ,—я соглашусь, что смотрѣть въ ихъ обители нечего... Но я почтительно настаивалъ. Отецъ Стахій вздохнулъ, подумалъ о чемъ-то. Его быстрый взглядъ еще разъ скользнулъ по мнѣ пытливо и тревожно.

— А вы... не осудите?—спросилъ онъ робко...

— Да за что же, батюшка?—спросилъ я сначала съ искреннимъ удивленіемъ. Потомъ наши глаза встрѣтились... Я посмотрѣлъ на равнодушно суровое лицо отца Евгенія и понялъ, какая хворь перебрала чуть не всѣхъ этихъ немощныхъ старцевъ въ отсутствіе недавно назначеннаго строгаго настоятеля...

Отецъ Стахій отвернулся и сказалъ тихо съ робкимъ смиреніемъ:

— Грѣхъ осуждать-то... Охо-хо-о... Немошь человѣческая... А осуждать... тяжкій грѣхъ.

И мы стали осматривать обитель. Дѣйствительно она представляла немного достопримѣчательнаго въ общепринятомъ смыслѣ. Въ ней не было ни богатства, ни того особаго налета почтенной старины, который замѣтенъ порой на убогихъ монастырькахъ русскихъ захолустій... Основанная въ 40-хъ годахъ въ разгаръ борьбы съ „расколомъ“, она какъ будто еще не успѣла приобрѣсти опредѣленной

фізіономіи. Небольшой дворъ, обнесенный стѣнами, убогія, хотя и чистенькія кельи, скромная трапеза, двѣ церкви—зимняя и лѣтняя... да нѣсколько могилъ...

Эти могилы пожалуй и были наибольшей достопримѣчательностью единовѣрческаго монастыря. Особенно одна, стоящая отдѣльно, какъ будто чуждавшаяся общенія съ остальными. Она была выложена камнемъ и покрыта чугуновой плитой.

Замѣтивъ, что я смотрю на нее съ невольнымъ интересомъ, о. Стахій пояснилъ:

— А это—старецъ тутъ покоится одинъ. Другъ былъ нашему Тарасію. Когда братія рѣшила обратиться къ единовѣрью,—онъ не пожелалъ, остался въ старой вѣрѣ...

— Почему же онъ здѣсь похороненъ?

— Да онъ и жилъ въ обители-то, по дружбѣ съ настоятелемъ... упорный старецъ былъ, каменный... устоялъ даже и до смерти...

Отецъ Стахій потушился, и во всей его фигурѣ опять промелькнуло выраженіе, съ какимъ онъ говорилъ о немощи и неосужденіи.

Я тоже остановился въ невольномъ раздуміи передъ могилой. Въ ней было что-то суровое и вмѣстѣ значительное... Она стоитъ одиноко, на гладко утоптанномъ дворѣ, вдали отъ другихъ гробницъ и даже отъ могилы его друга, настоятеля Тарасія, который черезъ малое время послѣдовалъ за нимъ... Какъ будто и послѣ смерти упрямый старецъ отстраняется и шлетъ нѣмой протестъ въ среду обратившихся...

Мнѣ показалось, что эта гробница сосредоточила для меня неясныя ощущенія, которыя вѣяли надъ этой единовѣрческой обителью. Какая драма улеглась и покрылась этой плитой? какую горечь сложилъ ты сюда, старецъ Пафнутій, видѣвшій на склонѣ дней, какъ рушилось кругомъ то, за что ты боролся,—рушилось, исчезало, развѣивалось, точно дымъ угасающаго кадила,—и даже дружбу свою вынужденный искать въ измѣнившемъ лагерѣ? Какими упреками была отравлена эта дружба, о чемъ говорили старцы передъ вѣчной разлукой?.. Да, если столѣтія спокойной,

невозмутимой вѣры откладывали въ ризницахъ и казнохранилищахъ другихъ монастырей вѣками накоплявшіяся сокровища и святыни, то здѣсь, надъ скромными кельями и небогатыми церковками, вѣтъ еще трепещущая жизнью недавняя драма. Здѣсь все еще говорить о недавней борьбѣ убѣжденій, о страстныхъ столкновеніяхъ, о тяжелыхъ сомнѣніяхъ и колебаніи смущенныхъ совѣстей... Отголоски этой борьбы какъ будто не замерли еще и витають вокругъ одинокой могилы среди двора, обнесеннаго оградой, съ заглядывающими изъ-за нея верхушками керженскаго лѣса.

— Иконы у насъ изъ скитскихъ часовенъ больше,—спокойно говоритъ отецъ Стахій, показывая мнѣ внутренность церкви.—Вотъ эта изъ Комарова, эта изъ Улангера, а вотъ это—особо чтимая, высокаго стариннаго письма икона Казанскія Богоматери, прежде бывшая въ Шарпанѣ.

— Та, что по преданію вышла изъ Соловецкаго монастыря?

— Она...

Я съ невольнымъ уваженіемъ присматриваюсь къ знаменитой иконѣ „стариннаго высокаго письма“. Въ этомъ письмѣ не видно ни свободнаго вдохновенія, ни творческаго художественнаго полета; это не произведеніе искусства, а плодъ нѣкагого аскетическаго, молитвеннаго подвига. Не фантазія, а благоговѣніе и преклоненіе передъ старинными преданіями водили рукой иконописца; но все-таки это сухое письмо не вполнѣ безжизненно и не безмолвно. Краски здѣсь растирались съ молитвою, каждая черта проводилась съ благоговѣніемъ, каждая складка получала опредѣленное, чуть не символическое значеніе. Грустно это настроеніе, даже, пожалуй, мрачно и темно, какъ старый сеодъ, освѣщенный тусклою лампадою,—во все же здѣсь чувствуется какое-то могучее сосредоточеніе, точно заколдованная дремота скованнаго гиганта...

Вотъ оно, бывшее знамя Керженца!..

Во времена соловецкаго стоянія поднялась эта икона изъ обители, наканунѣ ея разоренія, и повела за собой старца Арсенія. Разступались передъ инокомъ лѣса, просыхали рѣки, а икона неслась по воздуху все впередъ, пока не

достигла керженской лѣсной пустыни. Здѣсь она опустилась, и дремучій лѣсъ покрылъ ее своею зеленою сѣнью... Невдалекѣ отъ этого мѣста сталъ Шарпанъ—первый керженскій скитъ.

Таково преданіе, приведенное у Мельникова. Вокругъ Шарпана возникли другія обители, и пустыня лѣсная процвѣла, яко кринь, древлимъ благочестіемъ. И было въ скитахъ повѣріе: доколѣ стоитъ икона, до тѣхъ поръ стоятъ и скитамъ. Когда же склонится и падетъ въ руки враговъ скитское знамя—конецъ райскому житію: заустѣютъ обители, а вскорѣ не укусятъ Господь положить предѣлы и временамъ, и лѣтамъ.

Наивная вѣра, но все-таки вѣра, темныя, дѣтскія убѣжденія, но все-таки это были убѣжденія. Прочитайте у Мельникова тѣ главы, гдѣ онъ рисуется прелестный, истинно женственный и величавый образъ матери Августы, игуменьи Шарпанской обители. Пошли уже по обители смутныя, сполошные слухи; пишутъ Дрягины, пишутъ Громы: быть бѣдѣ. Матери совѣщаются, матери убираютъ скитское добро въ безопасныя мѣста, матери соборуютъ о грядущей невзгодѣ. Идетъ гроза отъ столицы на керженскія тихія пустыни... Идетъ, и уже слышны ея раскаты...

Но мать Августа не желаетъ совѣщаться, отказывается принимать участіе въ соборахъ, а на соборное постановленіе—„изнести“ икону въ безопасное мѣсто—отвѣчаетъ холодно и спокойно:

— Апричь воли Господней ничьей надъ собою воли не знаю...

Среди раскатовъ надвигающейся грозы, среди всеобщаго шатанія и малодушія—ея спокойные глаза устремлены на порученную ей охранѣ икону. Въ этомъ взглядѣ—безмятежная вѣра, ясное упованіе, вся пламенная любовь горячаго женскаго сердца. Зачѣмъ ей предосторожности, зачѣмъ ей спасеніе и тихія пристанища? Пока стоитъ міръ,—стоитъ и ея знамя. А какъ только Владычица допустить ему склониться и пасть,—„не укусятъ Господь положить предѣлы временамъ и лѣтамъ“...

Такъ рисуется Мельниковъ,—злой разоритель, но вмѣстѣ

крупный художникъ,—мать Августу, шарпанскую настоятельницу. Вотъ какая любовь и какая вѣра покоились на иконѣ „высокаго письма“, которую показалъ мнѣ отецъ Стахій! А вѣдь Мельниковъ, какъ извѣстно, писалъ съ натуры...

И вотъ икона, вмѣстѣ съ другими обломками, уцѣлѣвшими отъ невзгоды,—въ рукахъ единовѣрцевъ... А времена и лѣта стоятъ, какъ стояли, міръ остается на своихъ устояхъ, „падаетъ усердіе“, и время безстрастно стираетъ мертвящей рукой самую память о прошломъ процвѣтаніи благочестія...

Старицы, оставшіяся еще въ живыхъ, пріѣзжаютъ въ единовѣрческую обитель и, выждавъ, когда монахи отправятъ свою службу, приходятъ къ иконѣ, зажигаютъ свои свѣчи, поютъ свои молитвы, вспоминаютъ и плачутъ...

Да, пусть темны скитскіе взгляды, пусть ихъ убѣжденія — не наши... Но чувства этихъ старицъ, плачущихъ у плѣнной святыни, среди равнодушнаго міра, найдутъ откликъ во всякомъ сердцѣ, а ихъ судьба—судьба многихъ убѣжденныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ люди борются за мнѣнія, а міръ стоитъ, храва безмолвно важнѣйшія тайны жизни и смерти...

Когда мы кончали осмотръ, къ отцу Стахію подошелъ молодой послушникъ. Это былъ почти еще юноша, худощавый, съ глубокими черными глазами, какъ на византийской иконѣ.

— Благослови начинать, отче...—сказалъ онъ, остановившись и не глядя на насъ.

— Богъ благословитъ, начинайте,—сказалъ отецъ Стахій торопливо и съ оттѣнкомъ присущей ему стыдливой робости.

Послушникъ не двигался и какъ будто ждалъ чего-то... Въ тѣни дерева, у кельи отсутствующаго настоятеля, на столѣ кипѣлъ хорошо вычищенный самоваръ, только что принесенный послушникомъ. Лучи солнца, прорываясь сквозь листву,—играли пятнами на самоварѣ, на стаканахъ, на скатерти, которая въ тѣни казалась фіолетовой, на розовой бутылкѣ наливки, которую мой племянникъ вынулъ изъ нашей дорожной сумки...

— Можетъ быть, отецъ Стахій, откушаете съ нами?— предложилъ я...

— Спасибо,—отвѣтилъ о. Стахій...—Ежели предложите... не откажусь... — Ну, иди, иди! — сказалъ онъ послушнику, темная фигура котораго рисовалась въ сторонѣ рѣзкимъ силуэтомъ... Молодой человѣкъ мгновеніе колебался, потомъ повернулся и пошелъ къ открытой двери церкви...

Мы расположились подъ деревомъ, и у насъ началась бладушная бесѣда. Послѣ первой же рюмки наливки,—отецъ Стахій оживился, съ него сошли признаки угнетенія и робости, и онъ оказался очень пріятнымъ собесѣдникомъ... Бладушное настроеніе его омрачалось только отъ времени до времени появленіемъ въ нашемъ уголкѣ темной фигуры послушника, который подходилъ, останавливался сумрачною тѣнью въ сторонѣ и произносилъ сурово:

— Отче... начали безъ васъ.

Въ другой разъ:

— Отче... Отчитали... Вамъ возглашать...

Отецъ Стахій досадливо отмахивался и говорилъ:

— Продолжайте... Ладно... Приду, возглашу.

Послушникъ стоялъ нѣкоторое время, какъ будто ему было трудно оторвать ноги отъ земли, но потомъ уходилъ. И въ его походкѣ чувствовалась укоризна...

Мы продолжали мирную бесѣду, подъ звуки нескладнаго столповаго напѣва, доносившагося изъ открытыхъ дверей храма. Пѣли два-три голоса въ унисонъ и нѣсколько гнусаво...

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я у отца Стахія,—монастырь вашъ штатный или общежительный?

— Общежительный,—отвѣтилъ онъ и вздохнулъ.—Хотѣли жалованіе положить отъ синода... Да вотъ видите... настоятель у насъ человѣкъ строгій... Отказался.

— Отчего?

Отецъ Стахій налилъ на блюдечко чай, долго смотрѣлъ на него и потомъ отвѣтилъ, тонко улыбувшись:

— Видите... нѣщны и безъ того утверждаютъ, будто единовѣріе—ловушка, а мы дескать попались въ нее по неразумію и... ох-хо-хо-о... прости Господи, по немощи... Такъ

вотъ... не очень это уважаютъ, что единовѣрцамъ пользоваться еще и награжденіемъ... Поняли?..

— А добродѣтельныхъ пожертвованій мало?

— Мало,—сказаль онъ...

Я ждалъ обычнаго конца подобной фразы и дождался.

— Усердія мало въ нѣшнемъ народѣ,—добавилъ отецъ-казначей со вздохомъ и торопливо опрокинулъ свою чашку на блюдечко, положилъ на верхъ кусочекъ сахару и отодвинулъ отъ себя.

Къ намъ вновь приближался суровый молодой послушникъ... На этотъ разъ фигура его была вся—безмолвная укоризна. Остановившись опять въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ сказаль съ особенной суровостью:

— Кончили, отецъ Стахій... Благословите запирать церковь?..

Отецъ Стахій съ стыдливой поспѣшностью поднялся съ мѣста...

— Иду, иду... Не запирай...

Онъ торопливо попрощался съ нами и пошелъ къ паперти. Мрачный юноша слѣдовалъ за нимъ.

Со стола убрали. Мои племянники стали укладывать котомку, а я зашелъ передъ отъѣздомъ въ церковь...

Она была пуста... Молящихся не было; вечерня отошла при пустомъ храмѣ, и теперь немногіе, участвовавшіе въ ней, уходили... Только мрачный послушникъ стоялъ неподвижно на клиросѣ, и отецъ Стахій возглашалъ, уходилъ въ алтарь, появлялся оттуда, кадилъ передъ иконами и опять возглашалъ одинъ, предоставляя Господу Богу привести это въ должный порядокъ... яко же ты, Господи, вѣси.

Взглянувъ на меня, отецъ Стахій отвернулъ глаза и „завозглашалъ“ торопливѣе.

Мы плыли уже по рѣкѣ, а передо мною все носился образъ суроваго послушника, отдѣльная могила каменнаго старца и растерянно просящій прощенія взглядъ отца Стахія:

— Охо-хо-хо... Немошь человѣческая.. Не осудите... Осу-

ждать грѣхъ,—слышалось мнѣ подъ суровый шопоть темнѣющихъ керженскихъ лѣсовъ...

Но керженскіе лѣса, помнящіе крѣпкое стояніе древнихъ подвижниковъ, какъ будто, осуждали *)...

---

*) Въ свое время этотъ эпизодъ я не напечаталъ по весьма понятнымъ причинамъ. Года черезъ два, если не ошибаюсь, въ монастырѣ была произведена строгая ревизія епархіальнымъ начальствомъ, и многія „немощи“ единовѣрческой братіи подверглись „осужденію“, котораго такъ боялся благодушный отецъ Стахій.

VII

Ночная буря — Лѣсные люди

I

— До Лыкова въ часъ одинъ сомчитесь,—говорилъ намъ въ монастырѣ отецъ Стахій.—Тамъ найдете спокойный ночлегъ и самоварчикъ.

Но отецъ Евгений смотрѣлъ на низкое солище и сомнительно качалъ головой.

— Наврядъ, что доѣхать. Пожалуй, ночевали бы лучше у насъ... Солнце-то низко, да и облака туманятся,—не быть бы грозѣ...

Мы не послушались, и вотъ плывемъ долго, а Лыкова все не видать. На рѣкѣ смеркается. Сначала темнѣютъ отраженія лѣсовъ, и подъ берегами трудно уже разглядѣть измѣнническія карши, если только ихъ не выдастъ серебряная струйка теченія. Потомъ одѣваются густымъ сумракомъ самые лѣса, берега, мерцающая глубина рѣки... На небѣ съ одной стороны угасаетъ зарево заката,—съ другой изъ-за гребней лѣса медленно разворачивается туча. Изъ-подъ нея дохнулъ вѣтеръ, и вмѣстѣ съ тѣнями пробѣжали по лѣсу пугливые шорохи, то замирая вдали, то кидаясь съ одного берега на другой и провожая нашу лодку.

Потомъ и вѣтеръ стихаетъ. Лѣса не шелохнуть листомъ, и торопливые удары нашихъ весель одни отдаются эхомъ отъ береговъ. Лодка тяжело рѣжетъ воду, вода кипитъ подъ килемъ, и кажется, будто даже наша кривобокая ладья торопливо рвется впередъ изъ-подъ каждаго взмаха весель...

Первая зарница еще неувѣренно вспыхиваетъ далеко

за гребнемъ лѣсовъ и пробирается ввысь по грядамъ облаковъ... За ней другая, третья... Карши, торчащія изъ черной рѣчной глубины, встаютъ ясно всѣ до одной...

Лѣса взглядывають на мгновеніе, блѣдныя отъ испуга— и все опять гаснетъ... Мы плывемъ наудачу, такъ какъ темнота кажется послѣ зарницъ еще гуще. Потомъ уже настоящія молніи вспыхиваютъ гдѣ-то за лѣсами, пробивая въ нихъ пламенные просвѣты, и послѣ этого островерхія ели смыкаются въ таинственную, еще болѣе темную массу...

Мы налегаемъ на весла,—авось за ближайшимъ мысомъ блеснутъ огни Никольскаго-Лыкова. Но лодка все вьется изъ кривули въ кривую, наудачу минуя карши, ломы, задѣвы, а передъ нами только темныя стѣны лѣсовъ, да рѣка, озаряемая синими вспышками. Туча разворачивается все шире... Ея движенія не видно, но мнѣ чудится какой-то особенный тихій шорохъ; свѣтлые клочки неба исчезаютъ одни за другими; мерцаетъ еще одна яркая звѣзда на юго-западѣ, въ той сторонѣ, гдѣ быть можетъ въ эту минуту кто-нибудь вспоминаетъ объ насъ, не подозрѣвая, съ какой лихорадочной торопливостью наша одинокая лодка мчится подъ вспышками синихъ зарницъ... На рѣкѣ черно, какъ въ могилѣ. Глазъ жадно ищетъ огонька, но каждый поворотъ обманываетъ наши надежды... Лапы затонувшихъ деревьевъ бьютъ порой по лицу. Со дна глухо стучаются въ лодку то опасный „кобель“, задерживающій даже плоты въ полуую воду, то поперечный „задѣвъ“, то песчаная мель.

Вдругъ лодка натывается на что-то. Молнія освѣщаетъ бревно, другое, цѣлые плоты, разбросанные въ безпорядкѣ и загромождающіе русло; я сворачиваю, но лодка продолжаетъ стучаться носомъ въ бревна, какъ муха, попавшая на стекло; при свѣтѣ молніи я направляю ее въ протокъ; минута,—и лодка наша съ тихимъ шипящимъ вздохомъ садится на песчаную мель.

Очевидно, прохода нѣтъ, а буря близится. Сзади движется уже даже не туча, а какая-то безформенная мглистая тѣма, кипящая огнями...

Въ дальнихъ лѣсахъ стоитъ глухой гулъ, какое-то неразборчивое бормотаніе...

Я отправляюсь на поиски прохода, выхожу на какіе-то острова, пробираюсь сквозь кусты, всхожу на бревна плота, надѣясь найти свободную дорогу нашей лодочкѣ. Сгоряча, прыгая съ бревна на бревно, пробѣгаю на середину плота и вдругъ, совершенно неожиданно, погружаюсь въ воду; ничѣмъ несвязанныя бревна разошлись подъ моими ногами, и кругомъ меня стоитъ тревожное движеніе... бревна колеблются, сдавливаютъ, толкаютъ, вертятся, ускользаютъ изъ-подъ рукъ, мѣшаютъ выбраться... Намокшая одежда тяжела, а подъ ногой не чувствуется дна... Кругомъ замолкшіи лѣсъ, вверху—тьма и угроза... Изъ какого-то дальняго уголка души ползутъ суевѣрныя представленія; мнѣ кажется, что все это—и рѣка, и бревна, и тучи, и черныя ели насторожились и злорадно слѣдятъ за мною...

Къ счастью, вода тепла. Черезъ минуту я все-таки взбираюсь на бревна, осторожно переползаю къ берегу и иду къ лодкѣ... Первый недалній громъ съ трескомъ разрываетъ мгlistую тучу... За нимъ слышится дальній шумъ, точно лѣсъ сразу закричалъ тысячами голосовъ, и что то гигантское катится къ намъ по его вершинамъ.

Это бѣжить по лѣсу ливень.

Мы торопливо втаскиваемъ нашу лодку на покатыи берегъ, поворачиваемъ ее дномъ кверху, подъ вѣтеръ, потомъ подпираемъ досками отъ скамеекъ. Я разыскиваю спички—и первая капли дождя грузно шлепаются на песокъ, когда я подъ прикрытіемъ лодки развожу костеръ.

Ливень идетъ пока еще стороной, и огонь успѣваетъ хорошо разгорѣться. Я выдвигаю костеръ изъ-подъ лодки, разрубая и кидаю въ него сломанное весло, заваливаю густо валежникомъ; огонь шипитъ, трещитъ, вѣется наружу, разгорается и, когда, наконецъ ливень охватываетъ со всѣхъ сторонъ лѣсъ, и рѣку, плещущую тысячами капель, и нашу отмель и кусты, и дальніе изгибы Керженца, и все кругомъ,—костеръ горитъ уже огромнымъ пламенемъ... Такъ странно и такъ пріятно смотрѣть, какъ онъ шипитъ, точно змѣи, отъ падающихъ капель, то припадаетъ низко къ землѣ, то опять рвется огненными языками навстрѣчу дождю, молніямъ и тьмѣ.

Больше ничего уже случиться не может, худшее позади. Наша вѣрная ладья, защищающая отъ косога ливня, кажется мнѣ самымъ уютнымъ убѣжищемъ въ мѣрѣ. Я скинулъ съ себя всю мокрую и грязную одежду, и теперь подъ лодкой отъ меня идетъ паръ... А кругомъ шумъ и раскаты, и крикъ взволнованнаго лѣса,—и разрывающіяся тучи сыплютъ молніями далеко надъ лѣсами и полянами, надъ болотами и непроходимыми чащами, надъ протоками, шишмарами, логами, надъ убогими лѣсовыми деревнями, надъ одинокими кордонами лѣсниковъ, надъ умершими Шарпаномъ и Улангеромъ, надъ умирающими Оленевымъ, Кóмаровымъ, Чернухой, смиренноприслушивающимися къ крикамъ Божіей грозы, надъ избушками Покровскаго, гдѣ Степанъ, быть можетъ, мокнетъ на сѣжѣ и благословляетъ долгожданную благодать изсохшихъ полей...

Теперь, когда я заншу эти строки въ мою ютевую книжку,—центръ грозы уже промчался надъ нашими головами, и тучи тихо громоздятся, уходя дальше... Раскаты смолкають за лѣсами... и даже одинокая звѣздочка опять мигаетъ мнѣ съ вышины,—точно разыскиваетъ въ чащахъ нашу затерянную лодочку...

На утро солнце свѣтило такъ ярко и весело, какъ будто и оно омылось вчерашней грозой; на листьяхъ дрожали капли и, срываясь то и дѣло, сверкали въ воздухъ новымъ дождемъ. Голоса птицъ звенѣли кругомъ, какъ стеклышки, листья шептались безъ вѣтра, рѣчная струя посинѣла, пески рѣзали глазъ яркой бѣлизной,—всюду трепетала, веселилась, пѣла, переполненная свѣжими силами, обовленная жизнь, и мы не узнавали тѣхъ самыхъ мѣстъ, которыя вчера казались намъ такими угрожающими, враждебными, мрачными.

Приважности моего костюма, развѣшанныя на кольяхъ для просушки, длинный изрытый шагами слѣдъ на песокъ отъ нашей лодки, да кусты, измятые и изломанные вчера, когда я карабкался изъ воды,—всѣ эти признаки ночной трагедіи теперь будили въ насъ лишь веселыя воспоминанія.

Часовъ въ семь мы были въ Лыковъ-Никольскомъ, не-

большомъ селѣ, на лѣвомъ берегу рѣки. Оно стоитъ на границѣ обитаемой части Керженца. Далѣе до самой Волги намъ встрѣтятся лишь избушки угольщиковъ да кордоны лѣсной стражи. Быть можетъ этотъ контрастъ съ прилегающей пустыней придаетъ скромному селу особенное значеніе въ глазахъ мѣстныхъ жителей, но только вся волость носить, по его имени, названіе Лыковщины.

Отдохнувъ и вапившись чаю, мы ровно въ полдень опять усѣлись въ лодку, и она понесла насъ по длинному прямому плесу. Домики Лыкова скрылись изъ вида. Теперь только одинокій кордонъ на рѣчкѣ Пугаѣ, да перевозъ Краснаго Яра у самой Волги предстоятъ намъ на всемъ протяженіи трехъ дней и двухъ ночей нашего плаванія до устья.

Опять пустыня, безлюдье и шорохъ лѣса по обѣимъ сторонамъ рѣки...

Передъ вечеромъ, впрочемъ задолго еще до заката, сзади, за нами небольшой точкой на дальнемъ плесѣ мелькнула лодочка. То исчезая за мысами, то теряясь въ завояхъ, подъ берегами, то опять качаясь на свѣтлой струѣ, она каждый разъ появляется все ближе, и, наконецъ, неожиданно вылетаетъ впереди насъ изъ протока. Въ узкомъ и замѣчательно легкомъ ботничкѣ сидитъ мужикъ въ гречневикѣ, изъ-подъ котораго глядитъ нѣсколько комичное лицо, съ добродушно-расплывшимися чертами, сѣрыми глазами и всклокоченной небольшой бородой. Его ботничекъ, точно нетерпѣливый конь, рвется впередъ изъ-подъ каждаго удара широкаго одиночнаго весла, но мужикъ съ каждымъ взмахомъ нѣсколько задерживаетъ его бѣгъ и держится вровень съ нашей тяжелой лодкой. На нѣкоторомъ разстояніи эта фигура производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто гребець сидитъ прямо на водѣ, вытянувъ ноги, и его неуклюжіе лапти торчатъ кверху надъ бортами.

Поравнявшись съ нами, мужикъ окинулъ взглядомъ и нашъ неуклюжій ботничекъ, и весь его грузъ. И потомъ, ничѣмъ не выразивъ удивленія или особой любознательности, сказалъ благодушно:

— Миръ дорогой...

— И вамъ,—отвѣтилъ я.—Скажите: далеко еще до кордона?

Лицо незнакомца выразило крайнее огорченіе.

— До кордона?—повторилъ онъ...—Ахъ милыя... Далече еще до кордона те... Да-а-лече... А вы думали: близко?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Въ Лыковѣ намъ говорили, что будемъ еще засвѣтло. Онъ укоризненно покачалъ головой...

— Нѣ-ѣтъ... Завтра дай Богъ... Завтра и то къ вечеру... Вишь у васъ и лодья-те... Она, ничего лодья... Лодья-те гожая... Ну не ранѣе: къ вечеру на кордонѣ будете...

Онъ посмотрѣлъ на небо.

— Солнце вишь невысоко, а до Вишни рѣки еще не близко. А вечера-то темные, на рѣкѣ карши... Ахъ, милые вы мое-е...

— А вы до кордона?

— До Вишни я. Ботнички строимъ мы. Товарищъ пѣшкомъ ушелъ, лѣсомъ, а я, вишь, инструментъ везу. До Вишни, милые... Ну, дай вамъ Богъ въ часъ добрый!.. У Вишни я васъ сожду... Вишню не миновать вамъ... Тамъ я сожду...

— А до устья, какъ вы считаете,—спросилъ я,—далеко еще?

— До устья-то?

И опять онъ обдалъ меня взглядомъ ласкающаго сожалѣнія...

— До устья-те не доѣхать вамъ ни завтра, ни послѣ завтрава... въ четыре дня дай Богъ, что доѣхать вамъ до устья-те... До-о-лго, милые, до устья.

Онъ пускаетъ свою лодочку, и вскорѣ его гречневикъ, его лапти, его лохматая голова, вся добродушная фигура исчезаетъ, мелькая и уменьшаясь впереди, а мы грустно переглядываемся: четыре дня—перспектива невеселая.

Солнце дѣйствительно низко, ночлегъ на кордонѣ—разлетается туманомъ...

Вечеръ опустился теплый, тихій, ароматный; луна тонкимъ золотымъ серпомъ повисла въ мягкихъ туманахъ надъ верхушками елей; въ вышинѣ ласково мигали звѣзды,—но свѣта было мало, и плыть по темному руслу станови-

лось все труднѣе. Мы стали уже подумывать о ночлегѣ ранѣе назначеннаго срока, какъ вдругъ одному изъ насъ показалось, что впереди слышенъ чей-то голосъ. Я приподнялъ весла, и, когда плескъ утихъ, намъ ясно послышался призывъ.

— Кордонъ,—сказалъ одинъ изъ мальчиковъ.

— Нѣтъ, это давешній мужикъ зоветъ насъ,—догадался другой, и въ его голосъ послышалась радостная нота.

Впереди на одной излучинѣ красный отблескъ палъ поперекъ рѣки. Между кустами забѣлѣлъ дымокъ, огонь замигалъ трепетными переливами. Одинокая темная фигура фантастически рисовалась на свѣтломъ фонѣ.

— Сюда-а... Сюда гребите... А-у-у...—кричалъ мужикъ и махалъ намъ руками.

— Какъ онъ услышалъ насъ?—удивился одинъ изъ мальчиковъ...—Лодку совсѣмъ не видно...

— Ну, вотъ, слава-те Господи,—говорилъ между тѣмъ мужикъ, принимая носъ нашей лодки.—А ужъ я-то сто-сковался, на берегу сидя: гдѣ, молъ, друзья мое?.. Что долго нѣту?.. Ахъ, мил-лаи, что долгоплыли вы? Ужъ не на каршу ли, молъ, гдѣ сѣли?.. А то тутъ заводъ еще больно велика живетъ... Лодка-те у васъ грузна, народъ, думаю себѣ—не здѣшной, непривычной, а я васъ покинулъ, старый дуракъ... Ну, слава-те, Господи!

— Ахъ, милые вы мое,—говорить онъ опять черезъ минуту, подбросивъ въ костеръ валежнику и вздыхая съ такимъ облегченіемъ какъ будто въ самомъ дѣлѣ мы самые близкіе ему люди, подвергавшіеся большой опасности.—А ужъ я давно причалилъ, вылѣзъ на берегъ, пождалъ-пождалъ, взялъ кусокъ... такъ нѣтъ—и кусокъ не лѣзетъ, что мое друзья не ѣдутъ, что не ѣдутъ... Думаю: ужъ не проѣхали ли мимо, а я, старый дуракъ, и спросить-то не догадался: чье вы будете? Вотъ грѣхъ-то! А? Право!..

— А ты какъ думаешь, дядя, чьи мы?

— А Богъ васъ знаетъ, милые, что вы за человекѣки. Не видали мы у себя этакихъ народовъ... Весной этто, когда вода велика живетъ, много же народу плаваетъ по рѣкѣ... Рѣка, что улица, въ весеннюю-те пору. Такъ опять народъ все примѣтной, руськой...

Онъ прищуривается, вглядываясь въ смуглыя лица моихъ юношей, и говоритъ:

— Такъ думалъ про себя, что не греки ли... Аль нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, извините, милые. А то грекъ, онъ вѣдь всюду проѣдетъ. Говорятъ,—самой хитрой изъ всѣхъ людей—греческой человѣкъ живетъ. Вотъ я и думаю: не съ товаромъ ли какимъ... Или можетъ со святостью съ Аѳону... Нѣтъ? Ну такъ... дѣло, дѣло... Лонисъ прѣѣзжалъ тоже такой-то—камни, слышь, все бралъ,—такъ тотъ прямо изъ Питербурху... А ты бы, милый, лодку-те на берегъ выволокъ, или бы въ заводъ, а то вѣтромъ, бываетъ, отшибетъ...

Я сталкиваю лодку на воду и долго веду ее вдоль песчаного мыса, ища прохода въ заводъ. Когда, наконецъ, я подхожу опять къ мѣсту привала, у костра идетъ оживленная бесѣда. Мужикъ рассказываетъ что-то, молодые люди съ удивленіемъ слушаютъ. Глядя изъ-за своего уголка, затѣннаго ветлами, я вижу какъ будто трехъ ребятъ, быстро отыскавшихъ какіе-то общіе интересы.

— Да развѣ въ капканахъ труднѣе?—спрашиваетъ одинъ изъ слушателей. Мужикъ взмахиваетъ руками.

— И-и... что ты, братецъ... Въ капканахъ ужъ онъ тутъ маху не дастъ, пря-ама на тебя!.. Да облапить норовить, да подъ себя, да сичасъ драть... И такая у него привычка, что драть непременно съ затылка... Ка-акъ можно! Оно хоть, скажемъ, капканъ для медвѣжьего случаю дѣлается чижолый... Да вѣдь иной, матѣрый, уволокетъ и капканъ.

— Знаете, кто это такой?—спрашиваетъ старшій племянникъ, когда я подхожу къ костру.—Это—Аксенъ...

— Восемнадцать медвѣдей убилъ,—прибавляетъ другой...

— Ты—Аксенъ Ефимовъ?..

— Вѣрно,—говоритъ мужикъ и съ нѣкоторымъ удивленіемъ спрашиваетъ:

— Ништо про меня слыхали?

Мы слыхали объ Аксенѣ и въ Лыковѣ, и отъ лѣсничаго, въ Хахалахъ... но имя упоминалось съ отѣнкомъ почтенія, которое едва ли объяснялось только тѣмъ, что онъ убилъ восемнадцать медвѣдей...

— Ну, вѣрно, — подтверждаетъ онъ просто: — счетомъ всѣхъ двадцать. Такъ и зовутъ меня Аксень-медвѣжатникъ.

Въ наружности керженской знаменитости нѣтъ ничего выдающагося. Фигура скорѣ невзрачная... Добродушное лицо съ жидкой бѣлокурой бородкой, сѣрые ласковые глаза... Но во всѣхъ движеніяхъ разлиты какая-то особенная увѣренность и спокойствіе. Очевидно, что здѣсь, въ лѣсу, среди этихъ безчисленныхъ суводей, заводей, мысовъ, омутовъ, песковъ и лѣсовъ — онъ у себя, дома, что со всѣмъ этимъ онъ сжился, что его собственный пульсъ бьется въ тактъ со всѣми этими плесками, шорохами, глубокими вздохами неволью пугающей насъ ночи... Какъ прежде лодка, казалось, сама несетъ его надъ пучиной, такъ теперь огонь вспыхиваетъ при одномъ приближеніи его руки къ пламени, направляя свои языки именно туда, гдѣ ему нужно.

— Скипѣль, — говоритъ онъ, поднимая вѣточкой чайникъ, который пыхтитъ, шипитъ, фыркаетъ, какъ живой. — Заваривай!

Я приготовляю чай и приглашаю Аксена. Но онъ спокойно и рѣшительно отказывается.

— Кушайте, — говоритъ онъ доброжелательно. — Вы — люди дорожные, самимъ, смотри, нехватитъ Ты вотъ хотѣлъ въ день доплыть, а не доплыть тебѣ, милой, ахъ не доплыть и въ два дни... Смотри, наголодаетесь еще.

Онъ нарѣзалъ мелкихъ ракидовыхъ вѣтокъ, кинулъ ихъ на песокъ, улегся на эту постель подъ своимъ опрокинутымъ легонькимъ ботничкомъ и замолкъ...

Вскорѣ и мальчики заснули. Пламя костра, быстро уничтожившее мелкій хворостъ, теперь лѣниво вьется межъ корявыхъ толстыхъ пней, приваленныхъ другъ къ другу... Темное небо смотритъ сверху и будто дышитъ своими огнями... По временамъ съ яру свалится подмытый песокъ съ медленнымъ шуршаніемъ, напоминающимъ вздохъ... Гдѣ-то за предѣлами освѣщеннаго пространства береговой лѣсъ бормочетъ и по временамъ шевелитъ безпокойно спящими вѣтвями...

Всѣ эти ночи, которыя мы проводимъ на берегу Керженца, мнѣ не спится, несмотря на то, что дни проходятъ

въ довольно тяжелой работѣ, а по вечерамъ при свѣтѣ костровъ я заносу въ книжку впечатлѣнія дня. Не спится мнѣ потому, что этихъ впечатлѣній слишкомъ много, что даже въ тишинѣ ночи они толпятся къ костру, обступаютъ меня, носясь смутными образами на предѣлахъ темноты и свѣта, заманивая воображеніе, будя какіе-то вопросы... Такъ все здѣсь таинственно и въ этой таинственности — такъ полно и цѣльно. Вотъ и теперь мнѣ кажется, что тревожные вздохи лѣса говорятъ мнѣ что-то обо всѣхъ этихъ лѣсныхъ людяхъ, тогда какъ лѣсные люди говорили, съ своей стороны, о лѣсахъ. И то, что днемъ прожальзывало, проплывало мимо сознанія, безъ общей связи, безъ значенія, какъ эти однообразные берега мимо лодки, — теперь при свѣтѣ огня на песчаной отмели встаетъ въ памяти, проситъ себѣ мѣста, облекается и значеніемъ и связностью.

Почему-то мнѣ вспоминается лѣсничій, съ которымъ я познакомился въ Хахалахъ. Лѣсничій — полякъ, зовутъ его Казиміръ Казиміровичъ, живетъ въ Хахалахъ давно. Онъ устроилъ себѣ прелестное, уютное гнѣздышко въ своемъ казенномъ домикѣ... Домикъ этотъ стоитъ на концѣ села, на кручѣ. Отсюда видна рѣка, луга за рѣкой, за лугами лѣса и лѣса... Свѣтло-зеленые, темные, синіе, фіолетовые на дальнемъ горизонтѣ — они стелются вдаль, скрывая въ себѣ излучины Керженца... Кой-гдѣ увѣренно прорѣзали ихъ прямыя просѣки, правильныя рубки легли ровными площадками, молодыя поросли, точно подстриженныя, плотно примкнули къ высокому старому лѣсу... И когда съ бельведера я смотрѣлъ на все это, домикъ лѣсничаго казался мнѣ центромъ, откуда исходитъ и куда стремится весь этотъ порядокъ, замѣтно проложившій свои слѣды среди первобытнаго хаоса лѣсовъ.

Внутренность этого дома пріятно ласкала глазъ, усталый отъ однообразія и пустынной дикости. Старинныя картины по стѣнамъ, полки съ книгами, какая-то особенная тишина, отпечатокъ уюта и порядка... Умный взглядъ и снисходительно-насмѣшливая улыбка во время разговора тоже очень понравились мнѣ въ лѣсничемъ. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ ему трудно было здѣсь сначала, какъ мужики

не могли свыкнуться съ разумными взглядами на лѣсную собственность, какъ его предшественнику и ему приходилось здѣсь бороться съ ихъ притязаніями, какъ, наконецъ, путемъ долгой борьбы, настойчивости и системы мало-помалу совершается настоящій переворотъ во всей этой лѣсной мѣстности... Какое-то особенное, немного презрительное сожалѣніе слышалось въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о мужицкихъ взглядахъ на государственную собственность... Изъ-за желудей мужику ничего не стоитъ рубить полувѣковые дубы... Изъ-за лыка онъ обдеретъ сотни деревьевъ, для расчистки паломъ лѣсной кулиги—сожжетъ сотни десятинъ лѣса. Вогъ и теперь съ Ветлуги на Волгу тянетъ на десятки верстъ чадный падымокъ...

Казиміръ Казиміровичъ—полякъ, и мнѣ казалось, что поляки—отличные лѣсничіе. Нѣмецъ чиновникъ—порой высокомеренъ и жестокъ. Русскій самъ слишкомъ близокъ къ взглядамъ своего народа. Они легко находятъ откликъ въ его душѣ, онъ рефлектируетъ... Если онъ плутъ,—плутовство его размашисто и недисциплинировано. Если честный человекъ,—честность его порывиста и неспокойна. Полякъ культурнѣе, выдержаннѣе, въ немъ крѣпче и устойчивѣе „цивилизованные“ взгляды на земельную собственность... И я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выдѣлилъ среди своихъ впечатлѣній фигуру Казиміра Казиміровича...

Костеръ началъ угасать... Потянуло съ рѣки сырмъ холодкомъ. Аксенъ поднялся изъ-подъ своей лодочки, повернулъ пни, и огонь ожилъ.

— Не спишь?—спросилъ онъ у меня, опять лежа на мѣсто...

— Не спится,—отвѣтилъ я...

— Усталъ вѣрно за день-то... Ты вотъ въ Хахалахъ когда былъ? Вчера? Не знаешь ли, Казимірушка, лѣсничій, тамъ?

— Тамъ...—отвѣтилъ я, удивленный этимъ совпаденіемъ нашихъ мыслей, какъ будто безпокойный шорохъ лѣса навѣялъ ихъ на насъ обоихъ.—А что онъ, хорошій человекъ?

— Казиміръ? Ничего, хорошій. Простой онъ, даже и разговористой...

И вдругъ, безъ всякихъ переходовъ онъ прибавилъ:

— Мягко стелеть, да жестко спать.

— Что так? — спросилъ я...

Аксень не отвѣтилъ. Онъ прислушивался къ чему-то въ смутномъ лѣсномъ шорохѣ. Черезъ нѣкоторое время и я различилъ въ неопредѣленныхъ шумахъ болѣе отчетливые звуки. Кто-то грузно пробирался сквозь чащу къ рѣкѣ... Тяжелый всплескъ... Потомъ другой, третій...

Аксень покачалъ головой и сказалъ:

— Медвѣдица это... Самъ-третей съ медвѣжатами... За рѣку перевалилась...

Мнѣ уже ничего не было слышно, но Аксень еще долго прислушивался, выдѣляя шаги медвѣдицы изъ лѣсныхъ шумовъ.

Мнѣ захотѣлось разспросить у него о глубинахъ лѣсовъ, въ надеждѣ, что тутъ скажется и глубина лѣсной души... Что онъ думаетъ о Богѣ, о мірѣ?.. Слыхаль ли о „Святомъ озерѣ“? Встрѣчалъ ли въ лѣсахъ таинственную „нежилую силу“?.. Помнить ли рассказы о подвижникахъ?..

Но когда въ лѣсу все окончательно стихло, и Аксень круто повернулся ко мнѣ, — то въ головѣ его бродили мысли все о томъ же Казимірушкѣ.

— Ты, Владиміръ, какъ полагаешь, — спросилъ онъ. — Можно намъ теперь медвѣдей бить?..

— Отчего же?

— Нельзя, братъ... Хошь онъ тебѣ навстрѣчу попадись... И будь ты, теперича, не то что съ дробовикомъ... съ ружьемъ, съ настоящимъ... — а тронуть его не моги. Сдѣлайте милость, Михайло Ивановичъ, проходите! Насъ только не троньте, а намъ не приказано, чтобъ вашу милость беспокоить.

Онъ прислушался, ожидая отъ меня реплики, и продолжалъ:

— Ты думаешь, онъ этого не повимаетъ? Нѣтъ, братъ, поймаетъ!.. У-умная тварь, только словъ не знаетъ. А и то въ лѣсу слыхаль я, — медвѣдь съ медвѣдицей баяли. Вѣришь совѣсти, ну, вотъ ровно человѣки, только не по-нашему... Понимаетъ онъ всякую штуку. Вотъ въ старня-то времена къ избамъ, что есть, вплоть подходили. Мужикъ запрется,

а онъ, что ты думаешь: дверь ломать!.. Потому ихняя была сила, а мѣръ-оть слабъ еще былъ. Нонѣ мѣръ окрѣпъ—ему надо въ лѣсу, да въ чапыгѣ коронитьца. Теперича опять видить,—мѣръ стѣсненъ,—онъ опять преть изъ лѣсу-те. Даромъ, что животная тварь, а понятіе у него есть... Ты не спишь?

— Нѣтъ, нѣтъ, Аксень Ефимычъ! Говорите.

— Что, и говорить намъ,—обижены мы, стѣснены. Не то медвѣдя—птицу не устрѣль, зайца не тронь, лутѣху что-есть срѣжешь,—сейчасъ къ тебѣ лѣсничкишко причаливаетъ...

Онъ сказалъ послѣднія слова нѣсколько тише и махнулъ головой въ томъ направленіи, гдѣ внизъ по рѣкѣ предполагался кордонъ лѣсника.

— Нѣтъ, ты послушай-ко, что еще безбожные-те люди выдумали. Ежели тебѣ сейчасъ о бортяхъ рассказать... Пожалуй еще и вѣры-те неймѣшь, скажешь—хвастать Аксень-оть Ефимычъ, зря баеть...

Онъ придвинулся ко мнѣ и поправилъ костеръ. Я тоже подвинулся и, опершись на руки, смотрѣлъ въ простодушное лицо рассказчика, освѣщенное огнемъ.

— Этоплыли вы нынче, не видали ли борти надъ рѣкой? Видѣли? Ну, мои—борти. Минуя этихъ, еще по лѣсамъ у меня не малое число есть, кои отъ родителя еще оставши, кои самъ промыслилъ. Хорошо. Прѣзжаетъ лонисъ левизоръ и созываетъ насъ, стариковъ, къ себѣ. И Казимірушко тутъ же.—Ну, старикъ, есть у тебя борти?—Есть, моль.—А что плотишь?—Три рубля плачу,—ни за што, говорю, ваше благородіе. Теперь, говоритъ, плати двѣнадцать!..—Что, моль, такое? Я, ваше благородіе, согласенъ, какъ прежде, по три рубля попенныхъ платить, а двѣнадцать за что же.—Нѣтъ, говоритъ, такой нонѣ законъ: двѣнадцать рублей.—Хорошо, говорю, стало-быть, это уже навѣкъ что ли?—Что ты, что ты, старикъ! На годъ, на одинъ.—Тутъ ужъ я не вытерпѣлъ:—Какъ это, говорю, можетъ быть? У насъ не гари, не рамени... На горяхъ—цвѣту много... Въ рамени—липа цвѣтеть... Поносъ пчелы большой... А тутъ нѣшто можно экую махину денегъ со пчелы согнать... Не согласны мы.—А не согласенъ, говоритъ, такъ вотъ что: плати три рубля за пень, да убирай его куда хочешь...

Послѣднія слова ревизора Аксень Ефимычъ передалъ съ такимъ замирающимъ голосомъ, съ такимъ дѣтскимъ ужасомъ въ лицѣ, точно ему пришлось повторить величайшее богохульство.

— Слышалъ? Убирай, говоритъ, куда хочешь. — Ваше благородіе, — я говорю, — не можетъ этого быть. Развѣ вамъ отъ великаго государя дозволяется это дѣлать? Вѣдь она, пчела-те, Божья тварь; теперича летитъ она поверхъ бору, поверхъ рамени, — вѣдь ей не прикажешь, куда сѣсть; ежели она въ какомъ мѣстѣ сѣла, да сдѣлала заносъ, то, значить, ей то мѣсто Богомъ отведено. Такъ неужели же вамъ это дозволяется, что Божью тварь зорить, да въ друго, теперича, мѣсто ссылатъ? Н-ну! Вотъ мое вамъ послѣднее слово будетъ: ежели ужъ вы отъ великаго государя имѣете такое дозволеніе, что Божью тварь нарушить, да перемѣстить... Дѣлайте! Дѣлайте, — я имъ говорю, — а моя рука на это дѣло не подымется. — И ушелъ отъ нихъ съ тѣмъ словомъ. А за мной и другіе ушли...

Онъ перевелъ духъ и ткнулъ вѣткой въ огонь. Послушная коряга дрогнула, повернулась, пламя ожило и забѣгало, приведя въ движеніе массу трепетныхъ тѣней кругомъ, и лѣсъ заропталъ, точно изъ-за какой-то ограды. Казалось, Аксену нужно было это оживленіе, чтобы усмирить волненіе собственной души.

— А Казимірушка-те, — заговорилъ онъ съ усмѣшкой: — хи-и-трой... Стоитъ рядомъ, тутъ же, а самъ ни слова. Ни супроти начальства не можетъ, ни опять супроти Божіей твари. Стало-быть, есть еще сколько-нибудь совѣсти, у Казимірушки-те. Ну, хорошо. Вышедши я отъ нихъ — ударился въ городъ, къ Семень Миколаичу... вы Семень Миколаича знаете? Хозяинъ онъ по нашему-те уѣзду...

— Слыхалъ немного.

Семень Николаевичъ, о которомъ говорилъ Аксень, — былъ довольно извѣстенъ въ Нижнемъ. Старый крѣпостникъ, молчаливый и угрюмый, какъ Собакевичъ, онъ никогда не выступалъ ни въ земскихъ, ни въ дворянскихъ собраніяхъ, но его охотно выбирали въ предводители лѣсного уѣзда, и онъ тихо, безъ шума дѣлалъ какія-то дѣла солидно степеннаго свойства.

— Харро-шій человекъ, — продолжалъ Аксень своимъ благосклоннымъ голосомъ... — Простякъ. Когда въ городу случится быть, завсегда къ нему имѣемъ ходъ. Вотъ и на тотъ разъ ударился я къ нему: такъ молъ и такъ, вотъ каки слова намъ о бортяхъ сказаны. Сейчасъ онъ дверь въ другую избу открылъ, а тамъ у него такой сидитъ, перомъ поскрипываетъ... „Эй ты, перо за ухомъ!.. Иди сюда! Слушай вотъ, что мужикъ баеть, да запиши все“. Ну, я рассказалъ, какъ вотъ тебѣ же, а тотъ все слушаетъ, да на усъ мотаеть. — „Ну, что, — Семень-те Николаичъ спрашиваетъ, — слышалъ? Ступай напиши, да мотри, хорошенька-а! Чтобы добыть мужичкамъ законъ!“ Тотъ и написалъ, братецъ мой, да видно нацѣлился въ самую точку, къ министру по крестьянскимъ дѣламъ...

— Такого министра нѣтъ, Аксень Ефимычъ.

— Ты слушай, — кабы не было, такъ и отвѣту бы намъ не было... Пришла вѣдь бумага-те, — ты что думаешь!.. Казимірушка и объявилъ: плати, старики, три рубли по-старому. Вотъ то-то. Живъ еще Богъ-те, да и великой государь этого не приказываетъ, что нарушить, напримѣръ, весь порядокъ... Да мы-то, вишь, темные... Охо-хо... А ночи-те много ушло... Спать видно...

Но черезъ минуту онъ опять заговорилъ изъ-подъ своей лодки:

— А слышь, плуть... Ну, и плуть же...

— Кто? — спросилъ я. — Казимірушка, что ли?..

— Нѣ-ѣтъ... Семень-те Николаичъ... — пояснилъ онъ неожиданно и, зѣвнувъ, продолжалъ засыпающимъ голосомъ:

— Лонись кладнушку мы къ Макарью согнали, и довелось мнѣ на Волгѣ, на рѣкѣ, вотъ этакъ же, какъ съ тобой, съ мужикомъ однимъ у теплины ночевать. Въ губернію мужичокъ-отъ валился отъ общества съ бумагой. Стало-быть надумали они обществомъ у помѣщицы у сосѣдней земли-ду укупить. И дерни нелегкая, — къ хорошему человеку за совѣтомъ пошли, къ самому этому Семену Николаичу... У батюшки его крѣпостные они были... — „Что жъ, говорить, мужички! Хорошо, что ко мнѣ заявились. Радъ, говорить,

я услужить вамъ. Дайте вы мнѣ довѣріе, я вамъ безъ хлопотъ землю предоставлю“. Мужики дали довѣріе, радуются, пождутъ... А барина-те бѣсъ-отъ подь ребро и толкни: увидаль, что земля гожа и недорога и что нельзя мужикамъ безъ таё земли быть,—да слышь ворськимъ-те манеромъ ту землицу за себя и купи! Теперича и завязалась волокита. Мужики-те на барина въ одинъ судъ, а баринъ-те мужиковъ во другой волокѣтъ. Не чають теперь, когда тотъ грѣхъ и прикончится... А хорошіи человѣкъ!.. какъ это по твоему выходитъ?

— Плохо.

— То-то, небольно,—видишь, какая вещь,—хорошо. Времена нонѣ не простыя: развѣсь уши—наплачешься и съ хорошими-те людьми...

Онъ зѣвнулъ еще разъ и смолкъ...

Гдѣ-то вдали послышался шорохъ. Спугнутая кѣмъ-то пара утокъ вылетѣла поверхъ лѣса и, начиная успокаиваться, безопасно спускалась на рѣку... но тутъ, поравнявшись съ нашимъ притаившимся огонькомъ, вдругъ шарахнулась въ сторону, и долго стоялъ, замирая вдали, надъ рѣкой тревожный свистъ испуганныхъ крыльевъ...

Я задремалъ и проснулся. Кто-то шелъ изъ лѣсу, неся что-то грузное на спинѣ. Большой, мрачнаго вида мужикъ подошелъ къ нашему огню, кинулъ сѣти, замѣтивъ насъ, подошелъ къ мальчикамъ, постоялъ въ недоумѣлой позѣ, широко разставивъ ноги, и, какъ будто этого было совершенно достаточно для его любознательности, отошелъ и уже больше не обращалъ на насъ ни малѣйшаго вниманія. Онъ подкинулъ въ огонь валежнику, посидѣлъ около него, то поворачиваясь къ пламени [мокрой отъ сѣтей спиной, съ которой тогда начиналъ валить паръ, точно изъ трубы, то протягивая къ огню ноги и руки. Потомъ онъ подошелъ къ лодкѣ и, безъ церемоніи взявъ Аксена за ноги, повернулъ его, точно мертвую колоду.

— Ты, Паренъ?—спросилъ тотъ, пробуждаясь.

— Я.

Аксенъ перемѣнилъ положеніе такимъ образомъ, что они лежали теперь головами другъ къ другу; огонь одинаково

освѣщаль мужиковъ, лодка одинаково прикрывала отъ вѣтра. Пришедшій буркнулъ что-то Аксену кратко и угрюмо; Аксень завозился, и подъ лодкой начался разговоръ; я слышалъ только отдѣльные слова: „изъ городу... въ губернскомъ правленіи... бумага...“ Потомъ мрачный мужикъ смолкъ, повернулся лицомъ къ небу, при чемъ его лохматая борода какъ будто загорѣлась сразу, освѣщенная ко-стромъ, и, казалось, заснулъ. Болѣе экспансивный Аксень сокрушенно вздохнулъ, подсѣлъ на корточкахъ къ огню и, кинувъ на меня косою взглядъ, тихо спросилъ:

— Владиміръ, — мудрено по батюшкѣ-те... Спишь ты?

— Не сплю.

— Почто не спишь, аль заботушка?

— Да вѣдь и ты, вотъ, не спишь: тоже, значить, забота?

— Забота и есть... судимся мы.

— Не опять ли о бортяхъ?

— Нѣтъ! Дѣло-то наше теперь побольше бортей будетъ. Теперича, ежели намъ не выстоять, такъ тутъ ужъ весь нашъ хрещеной міръ порушится.

— Какъ такъ?..

— Да вотъ такъ. Все Казимірушка... Ты, говоришь, самъ нижегородской?

— Да.

— Въ коемъ мѣстѣ проживаешь?

Я сказалъ свой адресъ.

— Такъ. Доведется мнѣ въ Нижній побывать, по своему по хресьянскому дѣлу...

— Заходи тогда ко мнѣ.

Аксень, видимо, просвѣтлѣлъ.

— Нѣшто зайти? Можетъ абвоката бы намъ указалъ... Не знаешь ли вотъ этакого человѣка?

Онъ назвалъ одного изъ темныхъ ходатаевъ, не имѣющаго даже права являться въ судъ.

— Нѣтъ, этотъ не годится.

— Пошто не годится.

— Да ему и въ судъ ходу нѣтъ.

— То-то, бають, нѣтъ ходу. Больно дощлый. Что ни

возьмется за дѣло, то и выправить. Судьи, слышь, осерчали,—не беретъ ихъ сила супротивъ того человѣка,—ну, и отказали ему, что и на глаза имъ не являться...

Я засмѣялся.

— Такъ какъ же ему за ваше дѣло взяться, если въ судъ не ходить?..

— А онъ, стало-быть, только самъ не идетъ; а человѣка можетъ поставить на самую, значить, линію... это ничего!

— Пустяки это, Аксень Ефимыч!

— Пустяки-и? — и мужикъ растерянно повернулся отъ огня.

— Вамъ надо настоящаго, хорошаго человѣка.

Аксень нахмурился.

— Чего лучше хорошаго-те. Да вишь, я тебѣ скажу,—чужая-те душа больно потемна, не влѣзешь въ ее. Бѣсъ-отъ силенъ, горами качаетъ, вотъ какая штука. Больно и отъ хорошихъ-те людей нашему брату достается... Вонъ сказывалъ я тебѣ про Семена Николаевича... Ужъ вотъ хорошій человѣкъ... Медалей сколько... съ царемъ говорилъ... А самъ вишь великаго-те государя обманываетъ... А иной разъ, отъ проходящаго-те шатающаго человѣка такое слово услышишь...

Онъ помолчалъ и потомъ сказалъ вкрадчиво:

— Послушай, Володимеръ, что я скажу... Былъ у насъ въ городу, въ Семеновъ человѣкъ одинъ; такъ себѣ чело-вѣчина, не изъ большихъ, маленькой, а разумъ имѣлъ... Говорилъ онъ намъ въ ту пору:—„Вотъ что, говоритъ, старички. Дѣло мое сторона, а только послушайтесь вы моего совѣту: землю стануть вамъ отдавать,—примайте, земля пойдетъ отъ великаго государя; а удовольствія своего объ-являть никакъ не можете... А то наплачетесь“. Намъ бы,—видишь ты, какая вещь,—того человѣка послушаться, а мы ни къ чему... уши и развѣсили. Какъ вычитали намъ рѣ-шенье: отдать землю, да по урочищамъ, да по межамъ обо-шли, мы и обрадовались. — Довольны, что ль, старички?— „Вполнѣ, говоримъ, довольны! Можно сытымъ быть, есть изъ чего и податями платиться“. А тутъ еще, видишь ты, му-жикъ одинъ съ Казимірушкой разболтался, праздничное

дѣло...—Что, молъ,—Казимірушка говоритъ,—во много-ль вы, мужики, теперича, тотъ лѣсъ цѣните?—Мужику бы, конечно, помолчать,—не всяко вѣдь слово на пользу сказывается, а онъ, слышь, съ дуру-те, какъ съ дубу, и брякни: „Этому мы, теперича, лѣсу, говоритъ, и вовсе цѣны не полагаемъ. Прямо считай во сто тыщъ!“ Видишь ты: единымъ словомъ опять весь міръ въ яму-те и убухаль!

— Полно-те, Аксѣнь Ефимычъ!

— Да ужъ такъ, не ко времю сказалъ! Всяко, братъ, слово, и дурное, и хорошее, оно ко времю свою силу имѣеть. Обмолвился мужичишко глупымъ словомъ, а Казимірушка на-лету его и подхвати...

Я уставалъ слушать...Исторія принимала совершенно фантастическія, почти волшебныя формы, въ которыхъ играли роль какія-то „слова не ко времю“ и такія же подлиси. Казимірушка игралъ тоже какую-то фантастическую роль, и меня удивляла смѣсь чрезвычайнаго благодушія и сдержаннаго негодованія, съ которымъ Аксѣнь отзывался о лѣсничемъ... Мнѣ казалось, что это—отношеніе враждебныхъ отрядовъ на аванпостахъ, благодушно разговаривающихъ въ промежуткахъ сраженій: лично пріятные собесѣдники, но они готовы вступить въ смертный бой при первомъ сигналѣ...

— Ты, молъ, Казиміръ Казиміровичъ,—кому служишь,—слышу я голосъ Аксена сквозь дремоту...—Ты, я ему говорю, служишь своему начальству... Такъ ли?—Вѣрно, говорить...—А ты, я говорю, долженъ служить большому хозяину... А большой-те хозяинъ кто?...—Большой хозяинъ—казна, говоритъ...—Казна-а? Нѣтъ, не казна... Большой-те хозяинъ—великій государь, вотъ кто... Такъ неужто, по-твоему, великій гдсударь это дозволяетъ?.. Ежели, напримѣръ, пчелу не дозволяетъ зорить, такъ можно ли этому быть, чтобы весь міръ порушить? Теперича въ казенной намъ лѣсъ ходу нѣту... такъ?

Я молчалъ, но мрачный мужикъ, котораго я считалъ спавшимъ, буркнулъ со своего мѣста мрачнымъ басомъ:

— Само собой...

— И въ мужицкой тоже не пускаютъ... Куда' податься

міру-те? А міръ отъ лѣсу только и живь... Ты что не баешь намъ, Володимерь? Ай заснулъ,—притомился?

Я не спалъ, но мнѣ не хотѣлось говорить. Я чувствовалъ, что, если начинать разговоръ, то онъ затянется до свѣту; мы заговоримъ на разныхъ языкахъ. Потому я не отвѣтилъ.

— Дрыхнетъ!—презрительно сказалъ мрачный мужикъ.

— И то, слышь,—умаялись они. Не съ привычки,—благодушно заступился Аксень.

— Что за-люди? Чьи такіе?

— Изъ городу.

— По какимъ болѣе дѣламъ?

— Кто знаетъ. Безъ дѣла, слышь... рѣку нашу посмотришь. Ученые, полагаю я.

— Подлецы какіе-нибудь, — предположилъ мрачный мужикъ довольно-таки рѣшительно.—Шататели.

— Полно тебѣ, Парфень, ругаться-то! Пошто зря ругаешься, ничего не видя?..

Я слышалъ, какъ оба опять полѣзли подъ лодку, но заснули не сразу. Подъ трескъ тепliny и сонный шопоть лѣса до меня еще нѣкоторое время долетали ихъ тихіе разговоры.

Потомъ оба смолкли... Тихо плескалась струя Керженца. Шепталъ лѣсъ...

Мой сонъ улетѣлъ... Мнѣ опять вспоминались разговоры на балконѣ лѣсничаго и его рассказы о планахъ „раціональнаго лѣсоустройства“. Выходило такъ, что весь эготъ лѣсной міръ, разстилавшійся подъ моими ногами, туманившійся и сивѣвшій по широкому горизонту,—спокойно, величаво и законмѣрно поворачивается около центра, стройно двигаясь отъ хаоса къ порядку и гармоніи. Здѣсь же, на песчаной отмели, подъ страстныя рѣчи Аксена поворотъ казался мнѣ уже не такимъ стройнымъ... Подъ осями что-то стонало и билось, просѣвки прорубались по живой цѣлинѣ исконныхъ народныхъ понятій.

Вотъ летитъ поверхъ лѣса рой Божіей твари... Гдѣ она сядетъ?.. „Ей не укажешь“,—говоритъ лѣсной человѣкъ. Ей отведено мѣсто чьей-то невидимой рукой, таинственнымъ закономъ, царящимъ и надъ лѣсомъ, и надъ тварью.

Не такъ ли и лѣсной мѣръ: какъ эта Божія тварь, онъ осѣдалъ среди дебрей, безъ руководства и указки, основывался, роился, связанный съ условіями своего быта тысячько невидимыхъ нитей... Но вотъ по стволу борти стучитъ топоръ казеннаго полѣсовщика и трудолюбивая тварь жужжитъ, тревожится, волнуется... Надъ понятіями лѣснаго міра тоже занесенъ топоръ, и дикая, стихійная, непосредственная лѣсная правда, родившаяся гдѣ-то въ бессознательной древности, — протестуетъ во имя стихійныхъ, правящихъ въ лѣсномъ царствѣ законовъ... А такъ какъ лѣснымъ людямъ и весь Божій мѣръ представляется только лѣсомъ, гдѣ всякая Божія тварь должна роиться по простѣйшимъ законамъ, одинаковымъ и для лѣсной борти и для лѣсной общины, — то теперь лѣсному человѣку кажется, что „Казимірушка“ посягаетъ на цѣлый міровой порядокъ...

Лѣсной мѣръ выдвигаетъ противъ преступнаго нашествія идею „великаго государя“... Это его понятіе, обвѣянное мечтательнымъ обаяніемъ, неопредѣленно, романтично, смутно и въ значительной степени анархично. „Великій государь“ этой лѣсной легенды — прежде всего врагъ наличнаго, конкретнаго государства, врагъ всего чиновничества и находится съ нимъ въ постоянной борьбѣ... Побѣда пока не за нимъ, но все же это таинственная безличная сила, которая въ любой моментъ и по любому поводу можетъ быть приведена въ движеніе и заступиться за мужиковъ. Дойти до нея трудно, но есть какія-то особенныя „слова“, которыя ее приводятъ въ дѣйствіе. И тѣ „слова“, какъ волшебныя заклинанія, не всегда знаютъ мудрѣйшіе и ученѣйшіе. Отставной солдатъ, бредущій на родину изъ Питербурху, порой просто невѣдомый „проходящій человѣкъ“ кинуть порой такое вѣщее „слово“, — и пойдетъ оно перекатываться отъ деревни къ деревнѣ, отъ міра къ міру, пробираясь, какъ лѣсное эхо, въ самые глухіе уголки русской земли, гдѣ всего живѣе полумистическія суевѣрныя понятія... И по дорогамъ къ Питербурху потянутся мірскіе ходоки, увѣренныя, что отъ проходящаго человѣка они получили самую настоящую формулу заклинанія...

Теперь, при тускломъ свѣтѣ костра на пустынной отмели,

лѣсные люди, — я зналъ это, — предполагають и во мнѣ та-кого „проходящаго“, владѣющаго, быть-можетъ, тайной вѣщаго слова... И я зналъ также, что разговоръ нашъ долженъ перейти неизбежно въ столкновение двухъ мировоззрѣній...

.....

Еще пара утокъ со свистомъ вылетѣла изъ-за лѣса, но теперь онѣ уже не испугались: костеръ чуть дымился, мы всѣ лежали неподвижно. Птицы грузно шлепнулись на воду, и вскорѣ ихъ довольное кряканіе присоединилось къ многочисленному хору утиныхъ голосовъ, съ нѣкоторыхъ поръ раздававшемуся на темной рѣкѣ. Тутъ было и тихое воркованіе, и удалые посвисты, и хрюканіе, и будто даже собачій лай... Шла какая-то оргія птичьей породы... А около костра слышалось дыханіе четырехъ спящихъ. Я съ невольной улыбкой смотрѣлъ на нихъ, и мнѣ казалось, что это четыре ребенка спятъ у огонька на отмели. Самый наивный изъ нихъ былъ, на мой взглядъ, — знаменитый медвѣжатникъ и ходатель за мірское дѣло — Аксень...

VIII

На кордонѣ—Лѣсная пустыня—Волга!

Я проснулся отъ холода передъ самой зарей... На деревьяхъ висѣла и качалась туманная пелена; разрывалась клочками, уходила въ чащу и все двигалась вдоль узкаго русла внизъ по теченію. Слышался трескъ. Это угрюмый Пареевъ удалялся на озеро, нагруженный ворохомъ сѣтей. Аксень бродилъ по берегу, подбирая на бѣломъ пескѣ черныя коряги для потухшаго костра.

— Спи-лежи,—сказалъ онъ, подойдя къ теплинѣ и разворачивая голыми руками притаившійся подъ золою огонь...— Рано еще, вишь не вовсе и ободняло.

— А вы куда, Аксень Ефимичъ?—спросилъ я, видя, что онъ натягиваетъ зипунъ, которымъ былъ накрытъ ночью.

— На озеро... Рыбки наловить на уху... потомъ за работу...

— Ну, значить, прощайте... Въ городѣ будете,—заходите.

— Ну?—обрадованно спросилъ Аксень,—нѣшто зайти?

— Конечно... Я помогу вамъ найти вѣрнаго человѣка.

— Спаси Богъ, добрый человѣкъ... А гдѣ жъ намъ тебя разыскать будетъ?

Я записалъ на листкѣ адресъ. Аксень тщательно свернулъ бумажку и сунулъ ее въ пехтерь. Затѣмъ онъ догналъ своего мрачнаго товарища, который, обогнувъ отмель, мелькалъ между стволами сосенъ. Оба они остановились, и я догадался, что благодушный Аксень опять старается возстановить мою репутацію. Потомъ оба исчезли въ чащѣ...

Часа черезъ три мы подплывали къ кордону на рѣчкѣ Пугаѣ. Въ этой части Керженца все чаще темная островерхая ель смѣняется стройной сосной. Кордонъ стоялъ на опушкѣ прекраснаго задумчиваго бора. Просторныя новыя

избы съ пристройкой весело отражались въ рѣкѣ... Двѣ сильно разохшіяся шестивесельныя лодки, въ которыхъ въ большую воду лѣсничіе совершаютъ свои объѣзды по Керженцу, теперь сиротливо лежали на пескѣ. Старая дворняга встрѣтила насъ хриплымъ лаемъ, который гулко отдавался и перекатывался подъ густыми вершинами сосенъ, и на эти звуки изъ окна выглянуло лицо старухи.

Спокойно должно быть протекаетъ жизнь въ этихъ лѣсныхъ избушкахъ, среди тишины, нарушаемой развѣ стрекотаніемъ на разные лады нестройнаго хора лѣсныхъ жителей, которому могучій камертонъ звенящаго бора придаетъ смыслъ и общую гармонію... Спокойно и скучно!

Старуха, жена лѣсника, встрѣтила насъ со спокойной привѣтливостью. Мнѣ показалось что-то знакомое въ красивомъ лицѣ, въ свѣтящейся улыбкѣ, въ лучистыхъ глазахъ, глядѣвшихъ съ печальною лаской. — „Такова вѣроятно будетъ Марья изъ Покровскаго, когда состарится“, — подумалъ я.

Старуха захопотала у самовара, а я сѣлъ у окна въ чистой горницѣ и сталъ смотрѣть въ лѣсъ. Узкая тропка шла между стволовъ и терялась въ бору. По ней приближалась къ кордону корова, помахивавшая головой и лѣниво останавливавшаяся, чтобы отогнать оводовъ. За ней—такъ же вяло шла молодая дѣвушка, по временамъ похлестывая ее хворостиной... Она была недурна собой, но во всей фигурѣ виднѣлась какая-то унылая опущенность и апатія. Взглядъ ея безсознательно и лѣниво скользилъ по давно знакомымъ стволамъ и по просвѣтамъ, которые золотыми пятнами тлѣли на густомъ пологѣ сосновой хвои...

Но вдругъ дѣвушка увидѣла нашу лодочку, меня въ окнѣ и незнакомую фигуру одного изъ моихъ юношей. Мгновенно что-то пробѣжало искрой по всей фигурѣ молодой дѣвушки. Апатичныя, будто заплывшія отъ вѣчной скуки черты оживились... Она обдернулась, запахнула разстегнутый воротъ и стыдливо окинула взглядомъ изорванное и засаленное на груди ситцевое платье городского покроя. Я увидѣлъ, что въ сущности она хороша, почти какъ мать... Только дочери лѣсъ не даетъ очевидно того, что онъ далъ матери:

красоты спокойствія, гармоніи душевнаго строя съ этой лѣсной тишью...

Принарядившись въ боковушкѣ, дѣвушка вошла въ избу и, искоса стрѣляя красивыми глазами, смѣнила старуху у самовара. Послѣдняя присѣла на лавку и со словоохотливостью отшельницы, рѣдко видящей чужихъ людей, стала рассказывать о своей жизни въ лѣсу, отвѣчая на мои вопросы...

...Медвѣди?.. Нѣтъ, медвѣди ничего. Правда, въ другихъ мѣстахъ, бываетъ, заходятъ даже въ деревни, особливо по зимамъ. А на кордонѣ не бывали еще... Звѣри не беспокоятъ... А вотъ когда темною ночью или особливо зимой, въ метель и вьюгу, услышишь, какъ въ лѣсу тюкаютъ топоры... И лѣсникъ выходитъ, скинувъ ружье на плечи... Вотъ когда жуть беретъ... Лѣсные міряне—страшнѣе кордоннымъ жителямъ, чѣмъ лѣсной звѣрь.

Она печально покачала своей красивой головой и сказала съ какой-то особенной грустью:

-- И то надо сказать, батюшка... Мирь-отъ тѣсенъ... Тоже и людямъ податься-те некуда... А лѣснику что дѣлать... Служба... Нанялся, продался...

Этотъ мотивъ объ утѣсненіи лѣснаго міра смѣнилъ для меня въ пустынныхъ низовьяхъ Керженца обычный припѣвъ скитскихъ и монастырскихъ разговоровъ о томъ, что въ нынѣшнемъ мірѣ „мало усердія“... Здѣсь выступала другая, тоже глубокая драма...

По лѣсенкѣ послышались шаги. Высокій пожилой лѣсникъ, съ ружьемъ на перевязи, вошелъ въ избу. Старуха смущенно замолчала. Мужикъ, вѣшая ружье на колышекъ и кланаясь намъ, пытливо посмотрѣлъ на нее. Вѣроятно, онъ слышалъ конецъ разговора... Должно-быть, такіе разговоры были нерѣдки у него съ женой, сохранившей на кордонѣ живыя мірскія симпатіи... Мнѣ невольно вспомнился тургеневскій „Бирюкъ“, и я съ сожалѣніемъ взглянулъ на нечально примолкшую женщину...

Да, есть свои проклятые вопросы и въ глубинѣ этихъ лѣсовъ... Мирь знаетъ свое. Лѣсникъ знаетъ службу и исполняетъ приказы Казимірушки... Дѣло, на взглядъ женщины, не безъ грѣха... А впрочемъ Господь разберетъ все...

Прощаясь, я далъ старухѣ пятиалтынный. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на монету и сказала:

— Сдачи-те у меня нѣту...

— Да что ты, матушка!.. Какая сдача!..

Но старуха также просто сказала:

— Много будетъ... Молоко-те,— что оно стоитъ?... Труды,— какіе же труды поставить самоваръ... — Деньги, оказалось, можно взять только за десятокъ яицъ... Яйца и имъ случается продавать на Волгѣ...

И она взяла пять копеекъ.

— Далеко еще до Волги, матушка?

— Далече. Весной, въ большую воду — однимъ днемъ сплываемъ. А теперь... Никто вишь и не плаваетъ объ эту пору.

— А жилья такъ и не будетъ?.. Вотъ тутъ у меня на картѣ показана деревня.

Старуха съ любопытствомъ посмотрѣла на карту.

— И, батюшка... Какая тутъ деревня. Сроду не бывало.

— Называется „Красный Ярѣ“...

— А! Красный Яришко! — сказала она съ пренебреженіемъ... — Такъ это уже у самаго устья... — Да онъ, Яришко-то, въ сторонѣ,— и не увидите... Перевозъ тугъ живетъ. Дорога пролегла... Вишь и Яришко прописали. Чудное дѣло.

Въ часъ дня мы опять сѣли въ свою лодку. И пока она тихо сплывала прямымъ плѣсомъ,— на берегу виднѣлась на взгоркѣ фигура молодой дѣвушки, провожавшей насъ долгимъ взглядомъ. Потомъ кордонъ скрылся за поворотомъ, и только протяжный рѣдкій лай кордонной собаки еще долеталъ къ намъ изъ-за мыса.

Шумъ, глубокой и почти музыкальный, предупредилъ насъ о близости порога, носящихъ странное названіе „Кремянскія Кочи“. Впереди показались черные, обнажившіеся изъ-подъ воды камни, между которыми вода бьется, пѣнится, бурлитъ и бушуетъ... Шумъ несется далеко по глубокому руслу, и высокіе берега, покрытые сосновымъ лѣсомъ, отражаютъ его, точно въ трубѣ, придавая звукамъ глубину и своего рода мелодичность. Съ высокихъ ярѣвъ

могучія сосны глядѣли внизъ по нашу утлую лодочку... Съ перерывами въ теченіе цѣлаго часа мы пробирались опасными „кочками“.

Наконецъ, грохотъ остался назади и только порой еще на поворотѣ напоминалъ о себѣ разорванными клочками звуковъ, точно отъ отдаленнаго оркестра... Кругомъ нашей лодки стояла тихая, глубокая, пустынная тоска.

Если вы посмотрите на картѣ нижнее теченіе Керженца, то увидите огромную пустую площадь, по которой вьется зигзагами рѣка. Ни селъ, ни деревень, ни одной надписи на картѣ... Кой-гдѣ проведены рѣчки, больше наудачу, чтобы заполнить чѣмъ-нибудь эту пустоту. Въ натурѣ — это настоящая пустыня на всемъ пространствѣ между Керженцемъ и Ветлугой... Лѣса, лѣсныя рѣчки, лѣсныя озера, болота. Нужно быть очень опытнымъ, чтобы ходить по этой пустынѣ... То незамѣтная *вадь* чвокаетъ подъ ногой, то заманчивая *чаруса* — зеленая полянка, затянутая свѣжей чудесной травкой, заманить васъ въ непроходимую гибельную топь... Кой-гдѣ, въ дремлющей чащѣ попадаются могилы старцевъ и старицъ, „иже за вѣру убіенныхъ“, или „пріавшихъ добровольное огненное вѣнчаніе“ въ срубѣ. До сихъ поръ указываютъ въ керженскихъ чашахъ мѣста, гдѣ подвизался знаменитый въ расколѣ суровый Софонтій, который велъ борьбу даже съ приверженцами Аввакума (онуфріянами), и гдѣ Варлаамъ, съ благословенія того же Софонтія, пріять страшную огненную коячину вмѣстѣ съ двѣнадцатью попами, „не восхотѣвше никоновыхъ новшествъ пріяти“... Каменный столбикъ съ обомшѣлой двускатной крышей и восьмиконечнымъ крестомъ... Тихій шорохъ лѣса и все рѣже и рѣже — двѣ-три фигуры усердныхъ ревнителѣй, пришедшихъ на поклоненіе мученическому праху...

Южнѣе лѣсной рѣчки Люнды, почти на серединѣ между двумя рѣками Керженцемъ и Ветлугой стоитъ среди лѣсовъ село Нестіарь, надъ озеромъ того же имени. Оно составляетъ крайнее поселеніе, на рубежѣ сплошнаго лѣснаго царства. Есть повѣрье, что нѣкогда изъ Васильсурска церковь съ иконой Варлаама Хутынскаго двинулась съ крутаго берега и, пронесаясь надъ лѣсами, невидимо стала надъ озе-

ромъ и стоитъ до сихъ поръ, и изъ озера слышенъ бываетъ звонъ, какъ изъ Свѣтлояра.

Странны эти звенящія озера лѣсной стороны! Впрочемъ, гр. Толстой, своеобразный мѣстный писатель 50-хъ годовъ, рассказываетъ другое повѣрье: въ прежнее время старики и молодые выходили въ ночь передъ Пасхой на холмъ въ лѣсу, около Нестіара, и тихо ждали благовѣста. Въ тотъ часъ, когда „въ жилой сторонѣ“, въ старомъ Макарьѣ, ударяли въ большой колоколь, — нестіарцы слышали будто тихіе отголоски этого звона. Мѣстные жители объясняли это тѣмъ, будто ихъ озеро сообщается подземными истоками съ Волгой, и гуль передается водой. Самъ Толстой допускалъ возможность заноса вѣтромъ макарьевскаго большого звона по просѣкамъ и вѣтроломамъ. Какъ бы то ни было, это жадное ожиданіе въ глухой лѣсной деревушкѣ отголосковъ отдаленнаго міра—очень поэтично и характерно, и я невольно вспомнилъ его теперь, когда самъ испытывалъ тяжелую лѣсную тоску...

Пеняшка... Ялокша... Ламна... Ржавья, бурья эти рѣчки тихо вливаются въ Керженецъ... Мы отмѣчаемъ ихъ по нашей картѣ, и каждый разъ, какъ мы провожаемъ глазами новое устье,—становится скучнѣе...

Зайцы глядятъ на насъ съ берега наивными круглыми глазами. Черными точками выплываютъ изъ-за лѣсовъ дикіе коршуны и носятся кругомъ, то появляясь надъ рѣкой въ полѣ нашего зрѣнія, то исчезая; тревожно кричатъ воробны, какъ базарныя торговки, сзывая товарокъ на защиту; кака-то птица слѣдуетъ за нами, звонко спрашивая о чемъ-то изъ глубины лѣса...

Вотъ впереди, нагнувъ толстую вѣтку своею тяжестью, сидитъ на прибрежной соснѣ надъ яромъ какая-то громада, отражаясь въ потускнѣвшей рѣкѣ. Я кидаю весла; наша лодка тихо сплываетъ по теченію, не производя ни малѣйшаго шума. Поравнявшись съ деревомъ, я прицѣливаюсь изъ револьвера. Гулкій выстрѣлъ раскатывается надъ рѣкой, будя въ чащахъ тревожное эхо. Громадный орелъ тяжело расправляетъ рыжыя, иятнистыя крылья и скользитъ въ воздухъ надъ нашими головами. Одно мгновеніе онъ будто

останавливается надъ лодкой. Хвостъ опущенъ, чтобы задержать на секунду полетъ, круглая голова свѣсилась книзу, и два острыхъ глаза смотрятъ на меня съ удивленіемъ и злостью... „И что тебѣ вздумалось, право?“—какъ будто недоумѣваетъ старый великанъ дикаго керженскаго лѣса. Онъ дѣлаетъ нѣсколько круговъ и улетаеъ впередъ. А еще черезъ четверть часа отчаянные стоны какой-то пичуги оглашаютъ рѣку, и вѣтеръ несетъ съ берега растрепанныя перья... Но все же мой озорной выстрѣлъ кажется мнѣ чѣмъ-то, нарушающимъ законы лѣса. Убивать, чтобы ѣсть,—таковъ царящій въ лѣсу главный и пожалуй единственный законъ,— а я... зачѣмъ бы я убилъ старую птицу?..

Смеркается... Сумракъ кроетъ небо, застилаеъ рѣку, туманъ залегаетъ въ лощинахъ, и лапы умершихъ деревьевъ тянутся со дна, то и дѣло хватая, толкая, поворачивая нашу лодку.

Слѣды еще одной керженской драмы, безмолвной, отвѣчной, стихійной...

Вотъ съ берега свѣсилось вершиной въ воду еще зеленое, подмытое дерево. Какъ грустно шевелить оно въ волнахъ своими вѣтвями, какъ тревожно шепчутъ надъ нимъ ближайшіе сосѣди, которымъ грозитъ та же участь! Часть корней еще въ почвѣ и истощаетъ послѣднія усилія, чтобы поддержать гибнущую жизнь...

Вотъ мертвая ель съ вѣтками въ два ряда, точно лапы гигантской сороконожки, утонувшей спиною книзу. Вотъ огромная „вискарья“ съ нелѣпыми, точно отъ судороги сведенными лапами корневища; вотъ двѣ сосны, выросшія, жившія и погибшія рядомъ, какъ двѣ сестры. Онѣ и теперь лежатъ, переплетаясь корнями и вѣтками, прямыми, стройными, красивыми даже и въ смерти... Вотъ замытый иломъ торчащій съ глубокаго дна по теченію „кобель“, невидимый, измѣническій, опасный, способный остановить цѣлый плотъ и доставлявшій намъ въ пути не мало затрудненій...

Жутко отъ непрерывнаго зрѣлища этого кладбища деревьевъ.

И такъ хочется встрѣтить живое человѣческое лицо, и такъ радъ, когда среди этого хаоса мелькнетъ правильный

рядъ рыбацкихъ кольевъ. Кой-гдѣ на мели видѣется опрокинутая лодка,—значить ея хозяинъ недалеко подрубаеть дерево или ставить на лѣсномъ озерѣ сѣти. Но можетъ быть также, что озеро далеко или мужикъ побрелъ въ чащу за ухажьями лѣсной пчелы, и ботникъ прождетъ здѣсь хозяина дня два или три...

Эти строки я заносу въ свою записную книжку при свѣтѣ костра на ночлегѣ. Гдѣ-то надо мной шумить сырими вѣтвями темный лѣсище. Вправо — плещется рѣка, подымается вѣтеръ, насыщенный сыростью, несущій безформенныя тучи. Какая-то птица мрачно ухаеть въ чащѣ, мѣняя мѣста, точно играя съ кѣмъ-то въ прятки; другая все надрывается и стонетъ, какъ-будто у нея отняли дѣтенышей. А на рѣкѣ, которой я не вижу въ темнотѣ, вотъ уже раза два грузно бухалась надъ омутомъ какая-то невѣдомая громадина... Не опять ли медвѣди?.. И мнѣ невольно вспоминается отзвѣвъ Аксена, убѣжденнаго, что медвѣдь „понимаетъ всякую штуку“.. Можетъ-быть онъ понимаетъ также, что мы здѣсь безпомощны у костра, съ жалкимъ револьверомъ...

Да, теперъ я отлично понимаю, что, называя друзьями насъ, первыхъ встрѣчныхъ,—лѣсной человѣкъ Аксень говорилъ не пустую фразу.

Среди этихъ темныхъ молчаливыхъ лѣсовъ, наполненныхъ жуткими воспоминаніями и могилами убиенныхъ и принявшихъ огненное вѣнчаніе, надъ рѣкой, усѣянной трупами деревьевъ, подъ шумъ перекликающихся непонятными голосами лѣсныхъ вершинъ — встрѣтиться съ человѣкомъ, у котораго въ нуждѣ найдешь сочувствіе и помощь, съ которымъ поговоришь на языкѣ людей, а не лѣса,—да это въ самомъ дѣлѣ нѣчто, больше нашихъ пустыхъ встрѣчъ и шапочнаго знакомства. Я такъ ясно представляю себѣ, какъ Аксень Ефимычъ „ждалъ-пождалъ“, вглядываясь въ темноту, не мелькнетъ ли наша лодка. Я тоже ждалъ бы, если бы надѣялся дожидаться чьей бы то ни было лодочки... А если бы, вдобавокъ, изъ нея вышелъ не незнакомый пришлецъ, а Аксень,—то это была бы поистинѣ встрѣча двухъ давнихъ пріятелей...

Но ждать было некого, и я тревожно заснулъ, прислу-

шиваясь къ дикимъ крикамъ какого-то лѣсного хищника, къ жалобнымъ воплямъ его жертвы, къ робкому шороху дождя, нерѣшительно ударявшаго по листьямъ...

Во весь слѣдующій день только одинъ ботничекъ на песчаной косѣ напомнилъ о человѣкѣ.

— Эй, кто живая душа? — крикнулъ я. Но лѣсное эхо вернуло мертвое подобіе моего оклика, да осинки на берегу залопотали что-то совсѣмъ непонятное.

И еще цѣлый день тоски и одиночества. Солнце садилось. Мы со страхомъ думали, что еще одну ночь придется провести на пескѣ. Какъ вдругъ...

Одинъ изъ мальчиковъ радостно вскрикнулъ. По яру надъ самымъ берегомъ ѣхалъ мужикъ въ телѣгѣ! Вскорѣ передъ нами мелькнула избушка перевоза.. Это „Красный Яришко“.

Еще четыре версты веселой работы веслами, — и нашу лодку едва не кинуло на столбы старой разрушенной мельничной плотины, перегородившей съ берега на берегъ все устье Керженца. Пришлось раздѣваться и съ большимъ трудомъ спускать на рукахъ лодку по этому „шуму“. Когда это кончилось, впереди передъ нами было устье. Большой песчаный островъ загораживалъ волжское русло, и надъ обрѣзомъ острова, надъ кустами тальника, мелькая живымъ бѣлымъ пятнышкомъ, несяя взвиваемый вѣтромъ флагъ надъ мачтой невидимаго для насъ парохода...

Тотъ, кто провелъ долгіе дни и ночи въ пустынныхъ мѣстахъ, пойметъ наши ощущенія. Взглядъ, такъ долго стѣсненный стѣнами глухихъ лѣсовъ, теперь радостно разбѣгался по необозримому, величавому простору. Далекія Волжскія горы, съ селами и куполами церквей по склонамъ, чуть-чуть задернулись тонкимъ туманомъ, сквозь который освѣщенные окна сверкали блестками расплавленнаго золота. Церкви и стѣны стараго „Макарья на желтыхъ водахъ“ утопали въ розовой дымкѣ, и грузный паромъ отвалилъ съ лысковской стороны съ народомъ, съ возами сѣна, съ лошадьми, которыя рисовались на ясномъ небѣ выгнутыми спинами и раскоряченными ногами. И такой же паромъ, съ выгнутыми лошадиными спинами и торчащими кверху ст-

лоблями, плыль, отраженный отчетливо и лею въ глубинѣ рѣки...

Не хотѣлось грести, не хотѣлось спѣшить, не хотѣлось отрывать глазъ отъ могучей, плавной красавицы-Волги, съ ея пламенѣвшимъ закатомъ, съ ея зелеными горами и деревьями, погружавшимися уже въ предвечернюю дремоту. Но появившійся вдали и очевидно бѣжавшій къ песчаной отмели у села Исадъ пароходъ напомнилъ намъ, что мы можемъ опоздать, и поэтому пришлось опять налечь на весла.

Еще черезъ часъ, подъ гулъ перваго свистка, мы стрѣлой подлетѣли къ кашинскому пароходу, опять разводившему пары. Публика, свѣшиваясь къ бортамъ, встрѣтила любопытными взглядами конецъ нашей экспедиціи, и насъ охватилъ говоръ, толкотня, крики грузчиковъ, спѣшившихъ по узкимъ сходамъ съ тюками на дюжихъ плечахъ.

Пароходъ отвалилъ и быстро побѣжалъ между высокимъ берегомъ, съ погорѣлымъ селомъ въ половинѣ горы и песчаными отмелями, мимо которыхъ мы съ такими усиліями неслись часъ назадъ на своей лодочкѣ.

Свистокъ, поворотъ, волна шипя набѣжала на песокъ отмелей, толкнула и закачала небольшую кладнушку, у которой, причаленная въ кормѣ, трепетала наша вѣрная лодочка, сданная мною для доставки въ Нижній... И мнѣ стало немного грустно разставаться съ доброй „посудинкой“, служившей намъ столько дней, укрывавшей насъ столько разъ отъ холоднаго ночного вѣтра и отъ ливня въ темную, грозовую ночь...

Лунный свѣтъ безконечнымъ столбомъ легъ сзади по широкому руслу Волги, и золотая рябь прыгала, сверкала, переливалась расплавленнымъ золотомъ за колесами парохода.

Несмотря на усталость, я не уходилъ съ верхней палубы. Мнѣ хотѣлось еще разъ кинуть взглядъ на Керженское устье и попрощаться съ пустынной рѣкой, оставившей въ душѣ столько своеобразныхъ впечатлѣній.

Вотъ уже Макарій назади, и его купола, его старыя стѣны, его кресты выдѣляются на потемнѣвшихъ горахъ

противоположнаго берега. Вотъ послѣдній паромъ скользить въ свѣтломъ туманѣ отъ лысковской пристани. Вотъ, чуть видныя, притаились въ ложбинахъ „Татинецъ и Слопинецъ“, старинныя разбойничьи села, о которыхъ говоритъ до сихъ поръ недобрая поговорка „Татинецъ и Слопинецъ,—ворамъ кормилецъ!“

А вотъ направо и островъ... Жадно взгляды проникаетъ сквозь тонкій туманъ. Вотъ, завѣшенные прозрачною мглой, дремлютъ двѣ горы, и тонкая расщелина, пронизанная лучомъ, чуть-чуть брезжить между ними... Это устье и „шумъ“ стараго Керженца...

И невольно воображеніе летитъ за этой полоской тонкаго луннаго сіянія, все далѣе, по изгибамъ и кривулямъ пустынной рѣки, и картины недавняго пути встаютъ одна за другой... И видится мнѣ наша лодочка, скользкая между „задѣвами“ и скрюченными лапами лѣсныхъ мертвецовъ...

Островъ остался позади, исчезли какъ мечта очертанія Керженскаго устья, гудятъ свистки, какіе-то огни летятъ на насъ, валится мимо шумъ и грохотъ и, ломая широкую гладь волжскаго простора, мчитъ весь освѣщенный огнями гигантъ „Кавказъ и Меркурій“. Я усталъ, мнѣ грустно, и кажется мнѣ, что такъ же быстро бѣжитъ наша жизнь, что прошлое такъ же исчезаетъ въ туманѣ воспоминаній...

Пора! Я кидаю еще одинъ взглядъ назадъ, въ неопредѣленную синюю даль... Исчезъ уже и Макарій... Огоньки, мглистое сіяніе, слабыя трепетныя отраженія... Потомъ столбъ луннаго свѣта и одинокая баржонка сонно качается надъ засыпающимъ просторомъ могучей рѣки...

1890 г.

X

СОДЕРЖАНІЕ

	<i>Стр.</i>
I Ветлуга	5
II Свѣтлояръ	26
III Приемышъ	41
IV На сѣжѣ	53
V По Керженцу—„Городинки“	59
VI По Керженцу—Въ Оленевскомъ скиту и у „единовѣрцевъ“	68
VII Ночная буря—Лѣсные люди	86
VIII На кордонѣ—Лѣсная пустыня—Волга!	108

22578 Ч

2

22578

mp

250/44

250=

К

Книги Вл. Г. Короленко въ изданіи Т-ва Писателей.

Слѣпой музыкантъ. Ц. 3 р.

Судный день. Ц. 1 р. 50 к.

Безъ языка. Ц. 4 р. 50 к.

Черкесь. Ц. 40 к.

На затменіи. Ц. 50 к.

Ночью. Ц. 50 к.

Лѣсъ шумить. Ц. 60 к.

Ат-Даванъ. Ц. 1 р. 75 к.

Соколинецъ. Ц. 1 р. 75 к.

Отошедшіе. Ц. 4 р. 50 к.

Въ пустынныхъ мѣстахъ. Ц. 4 р. 50 к.

Цѣна 4 р. 50 к.

Издание зарегистрировано, и цена утверждена Отделом Печати
М. С. Р. и К. Д.